БУКЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2006 ГОДА

Киран Десаи

наследство разоренных

АМФОРА
2007

Наследство разоренных
Киран Десаи

Аннотация
Киран Десаи. Наследство разоренных
Превосходство невозмутимости
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая

Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая
Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Глава тридцать четвертая
Глава тридцать пятая
Глава тридцать шестая
Глава тридцать седьмая
Глава тридцать восьмая
Глава тридцать девятая
Глава сороковая
Глава сорок первая
Глава сорок вторая
Глава сорок третья
Глава сорок четвертая
Глава сорок пятая

Глава сорок шестая
Глава сорок седьмая
Глава сорок восьмая
Глава сорок девятая
Глава пятидесятая
Глава пятьдесят первая
Глава пятьдесят вторая
Глава пятьдесят третья

Аннотация

Замечательный роман, получивший широкое признание, — это история о радости и отчаянии. Герои стоят перед жизненным выбором — остаться в стране с колониальным наследием или вырваться в современный мир.

Киран Десаи
Наследство разоренных

Моей нежно любимой мамочке

Превосходство невозмутимости

Спящие буквы бомбят темноту, как диковинные

метеоры.

Гигантский неведомый город торжествует над

полем.

Уверясь в жизни и смерти, присматриваюсь

к честолюбцам и пробую их понять.

Их день — это алчность брошенного аркана.

Их ночь — это дрема бешеной стали, готовой

тотчас ударить.

Они толкуют о братстве.

Мое братство в том, что мы голоса одной

на всех нищеты.

Они толкуют о родине.

Моя родина — это сердцебиение гита-

ры,

портреты, старая сабля и простая молитва

вечернего ивняка.

Годы меня коротают.

Тихий, как тень, прохожу сквозь давку

неутолимой спеси.

Их единицы, стяжавших завтрашний день.

А мне имя — некий и всякий.

Их строки — ходатайство о восхищенье прочих.

А я молю, чтоб строка не была в разладе со мной.

Молю не о вечных красотах — о верности духу, и

только.

О строке, подтвержденной дорогами

и сиротством.

Сытый досужими клятвами, иду по обочине жизни неспешно, как путник издалека,

не надеющийся дойти.[1]

Хорхе Луис Борхес

[1] Примечания: 1
Из книги «Луна напротив»; перевод Б. Дубина. — *Примеч. ред.*

Глава первая

С самого утра день подобен вечеру; туман колышется меж гор, как большая рыба меж берегами водоема, не обращая внимания на тени и глубины. Выныривает и исчезает в дымке вершина Канченджанги, как будто выструганная изо льда, впитывает свет и всасывает подгоняемые ветром снега.

Саи читает на веранде старый выпуск «Нэшнл джиографик», статью о гигантском кальмаре. Время от времени Саи вскидывает взгляд на Канченджангу и зябко поводит плечами. В дальнем углу пристроился судья. Перед ним шахматная доска. Судья сражается за двоих, играя сам с собой. Под его стулом свернулась калачиком сучка Шамка, сопит во сне, ничего не опасаясь. С потолка свисает лампочка без абажура. Холодно на веранде, но в доме, за толстыми каменными стенами, еще прохладней.

В похожей на пещеру кухне повар возится с растопкой печи. Осторожно подсовывает веточки, опасается скорпионов, живущих и плодящихся в хворосте. Однажды чуть не схватился за накачан-

ную ядом заботливую мать семейства с дюжиной детенышей на спине.

Наконец-то разгорелось! Повар сует в огонь побитый котелок, как будто выкопанный археологами из древнего культурного слоя, и терпеливо ждет, когда забулькает. Стены прокопченные, в испарине. К балкам подвешены связки чеснока. Наслоения сажи свисают с потолка, как летучие мыши или гроздья винограда. Пламя освещает лицо повара, греет голову и верхнюю часть тела, но колени по-прежнему ноют. Подагра!

Дым очага, вытянутый дымоходом и выброшенный наружу, смешивается с дымкой тумана. Туман сгущается, глотает окрестности по частям: сначала полхолма, чуть погодя еще полхолма. Вот из тумана вынырнуло полдерева — размытый силуэт — и снова тьма. Испарения вытеснили собою все остальное, отдельные предметы превратились в единую сплошную тень. Облачком повисло в воздухе дыхание Саи, как будто затуманился и рисунок подводного монстра, скомпонованный на основе обрывков полученной учеными информации.

Она закрыла журнал и вышла в сад. На лужайку напирает лес: заросли бамбука, толстые уродливые стволы деревьев, поросшие мхом и

оплетенные корнями орхидей. Туман нежными пальцами касается ее волос, целует ее руки, вытянутые вперед. Саи думает о Джиане, учителе математики. Уже час как он должен был прибыть со своим учебником алгебры под мышкой.

Полпятого. Саи оправдывает его отсутствие туманом.

Саи обернулась — дома не видно. Вернулась, поднялась по ступенькам на веранду — сад исчез. Судья заснул. Сила тяжести давит на его обмякшие мышцы… линию рта, обрюзгшие щеки… так он будет выглядеть, когда умрет, подумалось Саи.

— Где чай? — вскинулся проснувшийся судья. — Что-то он припозднился.

Судья имеет в виду повара, а не Джиана.

— Сейчас устрою, — вызвалась Саи.

Сумеречная серость проникла внутрь, осела на серебре, скопилась в углах, облаком окружила зеркало, в котором Саи уловила свое размытое отражение. Не останавливаясь, она сложила губы в поцелуй кинозвезды.

— Привет! — бросила она своему отражению — и кому-то еще.

Никому из людей не довелось еще увидеть живого гигантского кальмара. Его большие, как

яблоки, глаза собирают тьму океана, но вряд ли их обладатель найдет на такой глубже, в кромешной тьме, своего собрата. Полное одиночество, с грустью подумала Саи.

Может ли ощущение свершения сравниться с ощущением потери? С замиранием сердца она пришла к выводу, что любовь гнездится в зиянии между желанием и свершением, любовь — плод неудовлетворенности, а не довольства. Любовь есть боль, ожидание, сдача позиций, все что угодно, но не само чувство.

*

Повар снял с огня котелок с кипящей водой и наполнил чайник.

— Ужасно, — причитает он. — Кости болят, суставы ломит. Хоть помирай. Если бы не Бижу…

Сын повара, Бижу, кочует из «Дон Полло» в «Хот томато», оттуда к «Жареным цыплятам Али-Бабы»… или еще куда? Сын повара — в далекой Америке. Отец не успевает запоминать названия. Бижу мечется от заведения к заведению, как беглец. Нелегальность!

— Да, туман, — кивает Саи. — И учитель, наверное, не придет.

Она громоздит на поднос чашки, блюдца, чайник, молоко, сахар, ситечко, печенье «Мария» и «Наслаждение».

— Я сама.

— Осторожно, осторожно, — ворчит повар, шаркая позади с чашкой молока для Шамки. Разбуженная позвякиванием ложечек, собака поднимает голову.

«Чай, чай!» — ликует ее хвост.

Судья отрывает нос от скопления пешек в центре доски.

— А где еда?

Он скосил взгляд к подносу. Слюдяной блеск сахара, картонное печенье, отпечатки грязных пальцев на блюдцах… Мало того что сервировка никуда не годится, так еще и есть нечего. Ни пирожков, ни лепешек, ни макарон с сыром. Чего-нибудь сладенького и чего-нибудь солененького бы вместо этих пустяков.

— Только печенье, — вздохнула Саи. — Пекарь дочку замуж выдает.

— Не хочу печенья.

Саи снова вздохнула.

— Как он смеет по свадьбам разгуливать? Дурак! Разве так ведут дело? А повар почему ничего не испек?

— Топлива нет. Керосин кончился.

— Дров что, тоже нет? Лентяй! В старину без газа обходились и без керосина. На углях пекли.

Тут повар вернулся с разогретым на сковородке вчерашним шоколадным пудингом. Морщины на лбу судьи исчезли, лицо его разгладилось и приобрело некоторое сходство с ровной поверхностью пудинга.

Мирная трапеза, еда и питье. Существование, подернутое небытием, ворота в никуда, струйки пара вздымаются из чайных чашек и смешиваются с туманом, проникшим снаружи, пришедшим из леса, кружатся, кружатся, кружатся…

*

Никто не заметил, как из тумана появились фигуры этих парней, даже собака. Впрочем, невелика разница. Двери без замков, ни до кого не докричишься. Один дядюшка Потти на другой сторону ущелья *джхора,* как всегда в этот час, валяется пьяный, бездвижный и воображает себя сильным и активным.

— Не беспокойся, радость моя, — успокаивает он обычно Саи, приоткрыв один глаз. — Чуток отдохну, а тогда уж…

Они вышли из лесу, облаченные в кожаные

куртки с черного рынка Катманду, в защитного цвета штаны и в банданы. Бравые бойцы сопротивления! Один даже при пушке.

Обычно обвиняют Китай, Пакистан и Непал, но в этой части света, как и в любой другой, для подпольной армии оборванцев всегда найдется достаточно оружия на месте. В дело идут любые подручные средства: серпы *кукри*, топоры, кухонные ножи, лопаты и, разумеется, все, из чего можно стрелять.

Они пришли за ружьями судьи.

Несмотря на серьезность миссии и солидное облачение, выглядели сопляки неубедительно, чувствовали себя неуверенно. Старшему не исполнилось еще и двадцати. Тявкнула собачонка — и они ссыпались со ступенек в кусты, визжа, как школьницы из приличных семейств.

— А вдруг укусит? — дрожали они в своем боевом камуфляже.

Дальнейшее поведение Шамки определялось стандартным ритуалом знакомства с чужаками. Она повернулась к пришельцам задом, вывернув шею и кокетливо поглядывая на них сквозь активно работающий веер хвоста. На физиономии собаки читалась смесь надежды и опасения.

Судья, расстроенный недостойным поведением

любимицы, притянул ее к себе, и Шамка зарылась носом в его колени.

Пацаны оправились, приосанились, повторили восхождение по ступеням, и судья осознал опасность пережитого ими унижения. Теперь они воспылали жаждой самоутверждения — за счет обитателей дома, разумеется.

Вооруженный протявкал нечто для судьи совершенно непонятное.

— Непальцы есть? — Он с отвращением скривил губы и продолжил на хинди: — Оружие где?

— У меня нет оружия.

— Сдавай оружие.

— Вас неверно информировали.

— Ты брось эту свою *нахра.* Пушки давай.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинули мой дом, — отчеканил судья.

— Неси оружие.

— Я вызову полицию.

Эта угроза их развеселила. Во всей округе ни одного телефона.

Они рассмеялись так, как это делают в кино, и, подражая киногерою, парень с ружьем прицелился в Шамку.

— Сейчас я хлопну для начала шавку, потом тебя, старый. Следующий повар, а за ним дама. — И

он постарался изобразить кинематографическую улыбку и обозначил поклон в сторону Саи.

— Я сейчас принесу, — заторопилась Саи, вскочив и опрокинув поднос.

Судья поднял собаку на руки. Ружья остались у него со времен службы. Пятизарядное помповое BSA, винтовка «Спрингфилд» тридцатого калибра и двустволка «Holland & Holland». Они висели в зале над пыльными чучелами уток, никто их не прятал и не запирал.

— Чх-чх, ай-ай, ржавые! Почему не следите за оружием?

Достигнув цели, доблестные воины обрели достоинство, самодовольно огляделись.

— Мы с вами чаю выпьем.

— Ч-чаю? — ужаснулась Саи.

— Чаю. И закусим. Вы что, хотите отослать гостей голодными? — Они переглянулись, нагло осмотрели ее и перемигнулись.

Саи вдруг почувствовала себя безнадежно женственной и беззащитной.

Конечно же, парни представили себя киногероями, вкушающими чай в обществе дам высшего света, небрежно кивающими услужливо улыбающимся лакеям. Танцы, пение и флирт в шикарных отелях и особняках… Такого сорта зрелище пре-

подносилось в кинотеатрах Кулу-Манали или, в дотеррористическую эпоху, в Кашмире. Затем из тумана появились славные бойцы, пришла пора иных сценариев.

Из-под стола извлекли забившегося туда повара.

— Ай-я-а-а-а… Ай-я-а-а-а… — кланялся он, молитвенно сложив ладони. — Я бедный человек, бедный, прошу вас…

— Он ничего не сделал, не троньте его, — встрепенулась Саи. Ей претило унижение старика, еще больше — необходимость унижаться самой.

— Живу, чтобы только сына увидеть, пощадите, добрые господа, не трогайте меня, прошу вас…

Повар заплакал. Точно по сценарию. Веками сочинялся и оттачивался этот сценарий, роль бедного человека. Проси и унижайся. Слова, жесты, мимика…

Безукоризненное исполнение поваром своей роли лишний раз утвердило освободителей в верности их поведения.

— Кому ты нужен? Мы просто проголодались. Корми нас. Сахиб тебе поможет. Давайте шевелитесь оба.

Судья не двинулся с места, и ствол снова направился в сторону собаки. Судья спрятал любимицу

позади себя.

— Добрый сахиб. Мягкосердечный. Прояви доброту и к гостям. Накрывай на стол.

И вот судья на кухне. Впервые в жизни. Шамка путается в ногах, Саи и повар жмутся рядом. Может быть, в этой кухне и суждено им встретить смерть. Мир перевернулся вверх дном, чего теперь ожидать?

— Есть нечего?

— Только печенье, — проинформировала Саи второй раз за день.

— Ха-ла-ла! Ну и сахиб! Так приготовьте что-нибудь! Не отправляться же нам на пустой желудок.

Причитая и подвывая, повар принялся жарить *покора.* Полужидкое тесто шипит в раскаленном масле, создавая подходящий к обстановке зловещий звуковой фон.

Судья порылся в ящике, заполненном занавесями, простынями, тряпками; вытащил скатерть. Саи заварила и отцедила чай, хотя толком не знала, как готовить чай по-индийски. Она поверхностно знакома лишь с английской процедурой заваривания.

«Гости» тем временем ознакомились с домом. Атмосфера запустения. Тут и там древняя деревян-

ная мебель, разукрашенная вязью и клинописью жуков-древоточцев, металлические складные стулья. Высокие, почти дворцовые потолки, обширные помещения богатого жилища, открытые на снежные вершины окна — и вонь от мышей, как в крестьянском сарае. Они уставились на диплом Кембриджского университета, почти слепой от рыжих пятен, от сырости провисший, как парус корабля в безветрие. Пол в кладовой просел. На сломанном столе для пинг-понга куча пустых жестянок из-под рыбных консервов и припасы из кладовой. В кухне используется лишь небольшая часть помещения, рассчитанного на многочисленную прислугу. Ныне здесь хозяйничает один повар.

— Дом требует ремонта, — категорически заявил главный.

— Чай слабый, — критиковали они тоном недовольной свекрови. — И соли мало в *покора.*

Они обмакивают печенье «Мария» и «Наслаждение» в чай, чавкают, сопят, утирают носы ладонями, хлюпают. Обнаруженные в спальне два сундука набили рисом, чечевицей, сахаром, чаем, маслом, спичками, мылом «Люкс» и кремом «Понд». Один из них утешил Саи:

— Все это вещи, необходимые Движению.

— Где ключи? — крикнул еще один, привлекая внимание остальных к запертому шкафчику.

Судья вытащил ключ из-за томов «Нэшнл джиографик». Когда-то, в молодые годы, когда жизнь представлялась ему по-иному, он отправлял журналы в переплетную мастерскую. Золотом поблескивают годы издания на корешках.

В шкафчике обнаружились бутылки «Гран-Марнье», шерри амонтильядо, «Талискер». Что не высохло, то в уксус превратилось, но молодые люди все равно присовокупили бутылки к реквизированному в пользу правого дела.

— Сигареты?

Курева в доме, к их великому возмущению, не оказалось. В знак протеста они натащили в туалете — хотя воды в баках не было ни капли — и оставили испражнения вонять. Приготовились к отходу.

— Скажи «Джаи Горка!» — велели судье. — Горы Горка для горка!

— Джаи Горка.

— Скажи, «я дурак».

— Я дурак.

— Громче, *хузур!*

Судья повторил тем же бесцветным голосом.

— Джаи Горка! — крикнул повар. — Горы Горка

для горка!

— Джаи Горка, — повторила Саи.

От них никто этого не требовал.

— Я дурак! — пискнул повар.

Парни, гогоча, отступили в туман. Последними мелькнули белые надписи на сундуках: «мистер Дж. П. Пател, пароход „Стратнейвер“», и на втором — «мисс С. Мистри, монастырь Св. Августина».

Ушли.

*

— Ушли, ушли! — убеждала сама себя Саи, но страх не исчезал. Страх застыл и в глазах собаки. Хвостом попыталась вильнуть, но хвост не послушался, все так же прижимался к заду, протискивался между собачьих ног. Повар разразился причитаниями:

— *Хумара кия хога, хаи, хаи, кумара кия хога… Хаи, хаи,* что с нами станет…

— Замолчи! — приказал судья. Проклятые слуги, у них нытье в крови с пеленок.

Сам он сидел, неестественно выпрямившись, с застывшим выражением лица, напрягаясь, чтобы не выплеснуть эмоции, вцепившись руками в подлокотники, чтобы унять дрожь. На

столе скатерть, которую он расстелил. Узор — виноградные гроздья. Красноватое пятно — след пролитого много лет назад портвейна. Он хотел тогда бросить бокал в жену, манера которой жевать пишу его раздражала.

— Еле ползает, — насмехались над ним эти ублюдки… — Стыд-то какой! Ну и народ, ничего толком не могут сделать.

Саи и повар избегали смотреть в сторону судьи, отказывались замечать его унижение. И на скатерть взглянуть не смели. Заметишь скатерть — и во что выльется гнев господина! Унижение гордого — страшная штука. Быть его свидетелем еще страшнее. Свидетелей уничтожают.

Повар затянул шторы. Стекло отражало их ранимость. Они казались зажатыми лесом и небом, ночь набрасывала на них покрывало тьмы. Шамка заметила в стекле свое отражение, бросилась на него — отражение исчезло за шторой. Потом бросилась на тень на стене — не шакал ли это?

*

Февраль 1986 года. Саи 17 лет, она уже почти год влюблена в учителя математики Джиана.

Через дорожные блок-посты дошли до них очередные газеты.

В Бомбее в «Хайатт Интернэшнл» ожидается выступление группы «Хелл Ноу».

Международную промышленную выставку-ярмарку печей на газе из коровьих экскрементов посетили делегации со всего мира.

В Калимпонге, на северо-востоке Гималаев, где жили отставной судья, его повар, Саи и Шамка, волнения, в холмах сосредоточились отряды вооруженных партизан. Конфронтация Индия — Непал на этот раз. Меньшинство, которое в тех краях составляет большинство, добивается независимости или хотя бы автономии. Им нужна своя страна или хотя бы свой штат. Здесь, где Индия увязла в Сиккиме и Бутане, где армия перебрасывает войска и перекрашивает танки на случай, если китайцам вдруг захочется еще чего-нибудь, кроме Тибета, картография расплывчата. Обычно нахрапистые газеты затрудняются с прогнозами. Пальба сменяется переговорами, предательство — торговлей; Непал, Англия, Тибет, Индия, Сикким. Бутан… Даржилинг туда, Калимпонг сюда… Туман движется через границы, сгущается, растворяется, туман смеется над картографами и политиками.

Глава вторая

Судья отослал повара в полицию, несмотря на его возражения, продиктованные вековым опытом.

С полицией лучше не связываться. Если они куплены бандитами, то, естественно, и пальцем не шевельнут. Если не куплены, то еще того хуже. Тогда ребята, которые посетили дом судьи, могут разозлиться и отомстить. У них теперь много ружей. Они эти ружья отчистили, смазали, могут зарядить и — бабах! Само собой разумеется, полиция в любом случае попытается получить на лапу. С кого угодно и как можно больше. Он вспомнил о своих двухстах пятидесяти рупиях — выручка от продажи дядюшке Потти своего фирменного *чанга,* неизменно укладывающего стареющего холостяка на пол. Карман рубахи — ненадежное хранилище. Привязал было деньги к заросшей сажей балке, но у мышей, которые носятся по всему дому, в том числе и по балкам, острые зубы. Как бы не сожрали. В конце концов он сунул деньги в жестянку, которую спрятал в гараже, под автомобилем, который более никуда

не ездит. С тоской подумал о сыне, о Бижу.

Сейчас им здесь, в Чо-Ойю, очень нужен был бы молодой сильный парень.

*

Сбивчиво, повествуя более жестами, нежели словами, постарался он дать понять, что он всего лишь посыльный. Он тут как бы и ни при чем, его дело сторона, жаловаться он ни на кого не хочет. Простой человек, полуграмотный, всю жизнь, как ишак, вкалывал, пуще всего боится ввязываться во всякие истории и живет лишь для того, чтобы как-нибудь еще разок на сына глянуть.

Полиция, однако, никакого понимания не проявила, жалости к бедному человеку не испытала. На него гаркнули и подробно допросили. Сам он для них, можно сказать, не существовал, но вооруженное ограбление отставного судейского чиновника, связанное с хищением оружия, — не карманная кража на рынке, о столь масштабном происшествии следовало доложить начальству.

Тем же вечером полиция прибыла в Чо-Ойю в джипах жабьего цвета, продравшихся сквозь дождь со снегом, как радиосигнал через помехи. Прибывшие выстроили свои открытые зонтики чинным рядком на веранде, но ветер предпочел

разместили их по помещению. Черные линючие зонты и один розовый, цветастый — тайваньская продукция.

*

Они допросили судью и составили протокол по жалобе на вторжение в дом и ограбление.

— Были угрозы, господин?

— Они попросили накрыть на стол и подать чай, — встрял повар с совершенно серьезной миной.

Полицейские засмеялись.

Судья досадливо поморщился.

— Выйди на кухню. *Бар бар карта рехта хаи.*

Полиция опылила поверхности порошком для выявления отпечатков пальцев и унесла с собой в полиэтиленовом мешке пластмассовое блюдо из-под печенья, заляпанное жирными пятнами от пальцев, испачканных в *пакора.*

Исследовали отпечатки обуви на ступеньках веранды.

— Один очень большой, в кроссовках «Бата».

Как и грабители, они воспользовались случаем ознакомиться с таинственной резиденцией судьи. И, как грабители, не скрывали разочаро-

вания. Упадок и разруха, царившие во владениях отставного чиновника, вызвали у них, впрочем, ублюдочное удовлетворение. Кто-то ткнул пальцем в закачавшуюся под легким нажимом конструкцию из связанных тряпками протекающих труб водопровода, другой осветил фонариком внутренности сливного бачка без крышки, автоматика которого держалась на бамбуковых щепках, резинках да на честном слове.

— Вы там улики ищете, в горшке? — ядовито спросила Саи, раздражаясь и стыдясь.

*

Дом этот выстроил какой-то шотландец, страстный любитель печатной экзотики тех времен. «Индийские Альпы, и как мы их пересекли» госпожи Пионер, «Страна лам», «Призрак рикши», «Мой дом Меркара», «Черная пантера Шингрaули»…

Дух его воззвал к нему, раскрыл глаза на собственную непризнанную доблесть, потребовал жертв. Тяжесть самопожертвования, как водится, оказалась переложенной на чужие спины. Носильщики, натирая горбы, утыкаясь носами в собственные колени, таскали вверх камень от

русла реки, сюда, к месту, где воспаряет душа. Затем воспоследовали всяческая канализация, водопроводные трубы и приборы, черепица для кровли, сантехническая керамика, фигурные кованые ворота и даже портновский манекен, обнаруженный полицией на чердаке. Топ-топ по лестнице, тяжелый шаг заставляет последнюю мейсенскую чашку стучать по парному блюдцу. Тысячи покойных пауков увядшими цветами устлали пол чердака. Их потомки тысячами немигающих глаз уставились на предков и на вторгшихся в их пределы полицейских. Глаза пауков не выражают никаких эмоций.

*

Полиция вооружилась зонтиками, бдительностью и подозрительностью и потопала к хижине повара. Кому неизвестно, что если ограбили хозяина, то без участия слуг, пожалуй, не обошлось.

Прошли мимо гаража, мимо уткнувшегося носом в землю автомобиля, сквозь днище которого проросла трава. Много лет назад этот механический зверь покинул свое логово, чтобы доставить судью к единственному его другу Бозе. Прошли мимо на диво ухоженного клочка земли за водяным баком, где по чашке из-под молока и кучке

митаи колотил дождь. Этот уголок чудесным образом преобразился, когда повар, сраженный протухшим яйцом, не в состоянии был добежать до места своей обычной дефекации в конце сада и вынужден был обеспокоить своей нуждой супружескую пару змей *миа-миби,* гнездо которых располагалось вплотную.

Повар поведал полицейским об этих драматических событиях.

— Они меня не кусали, но все же я распух, как бочка. Пошел я в храм, там мне велели у змей прощения попросить. Я вылепил идола из глины, маленькую кобру, засунул его под бак, сделал *пуджа.* И сразу выздоровел.

— Молись им и проси защиты, — согласно закивал один из полицейских. — Тогда они тебя не тронут.

— Да они не кусаются, яйца и цыплят не таскают. Зимой-то их не очень увидишь, а в остальное время они часто вылезают, следят за порядком. Обползают участок, возвращаются.

— Какие змеи?

— Черная кобра, вот такие толстые, — повар показал на посудину из-под печенья в полиэтиленовом мешке. — Муж и жена.

Но от ограбления змеи их не защитили. По-

лицейские отогнали религиозные раздумья и направились к месту работы, почтительно обогнув змеиные угодья.

*

В хижине повара они почтительности не ощущали. Прежде всего опрокинули шаткую кровать и обыскали постель, оставив ее беспорядочной грудой. У Саи защемило сердце, когда она увидела имущество слуги. Несколько тряпок на веревке, бритва, кусок дешевого коричневого мыла, одеяло *кулу,* когда-то принадлежавшее ей. Картонная папка с металлическими застежками, пожертвованная судьей. В ней документы, рекомендательные письма, благодаря которым он устроился на работу к судье, письма Бижу, судебные бумаги — напоминание о проигранном брату процессе из-за пяти манговых деревьев далеко отсюда, в штате Уттар-Прадеш. И сломанные часы в сатиновом мешочке. Ремонт стоит слишком дорого, а выбросить жалко. Может, пригодятся. Полиция не слишком осторожничала, и заводная головка часов покатилась по полу.

На стене два фотоснимка: он с женой в день свадьбы и сын, перед тем как покинуть дом. Фото бедняков. Позы фотографируемых застывшие,

неуклюжие, как перед расстрелом.

Однажды Саи сфотографировала повара камерой дядюшки Потти, застала его, когда он резал лук. Как он заохал, захлопотал! Побежал переодеваться в лучшую свою одежду, в чистые рубашку и брюки, а потом застыл возле полки с «Нэшнл джиографик». Кожаные переплеты, солидный фон.

Любил ли он жену?

Она умерла пятнадцать лет назад, упала с дерева, когда Бижу исполнилось пять лет. Собирала листья для козы. Несчастный случай, никто не виноват. Судьба собирает жатву. Бижу остался сиротой.

— Ах, шалунишка! — качал головой повар. — Но сердце у него доброе. В нашей деревне все собаки кусачие, и зубы у них, что палки. Но на Бижу они никогда не нападали. И змеи не кусали его, когда траву для коровы резал. Такой уж он у меня, — хвастался повар, лучась гордостью. — И не боится ничего. Совсем малышом еще мышей за хвосты хватал, лягушек ловил.

На снимке Бижу вовсе не казался неустрашимым. Такой же застывший, замороженный, как и родители. Запечатлен между бутылкой «кампа-колы» и плеером, на фоне нарисованного

озера, слева и справа осколки окружения: чей-то локоть, носок башмака, фрагмент прически… хотя фотограф, очевидно, постарался удалить все лишнее из кадра.

Полицейские высыпали письма из папки, наугад выбрали одно трехлетней давности. Бижу только что прибыл в Нью-Йорк.

«Многоуважаемый Питаджи, не беспокойся. Все отлично. Начальник нанял меня на полный день. Одежду и пишу дают. *Ангрези кхана,* никакой индийской пищи. Да и хозяин не из Индии, американец».

— Он в Америке работает, — объяснял повар всем на рынке.

Глава третья

Вот она, Америка.

Бижу стоит по *ту* сторону стойки рядом с коллегами.

— Желаете большую? — спрашивает сосед Бижу, Роми, пощелкивая щипцами. Он подхватывает сосиску, толстую и сочную, помахивает ею, похлопывает о сковородку, лыбится улыбчивой девушке-клиентке, которой с детства внушили, что с темнокожими людьми следует обращаться так же, как и с белыми.

Папайя «Грей». Хот-дог два раза. Содовая за доллар девяносто пять.

Настрой людей, с которыми Бижу работал, удивлял его, ужасал, потом радовал, снова удивлял и ужасал.

— Лучку, горчички, маринада, кетчупа?

Щелк-щелк.

— Чилли-дог?

Шлеп-шлеп. Как извращенец, выскочивший из-за дерева, помахивая определенной частью тела.

— Так большую или маленькую?

— Большую, — улыбается беззаботная кли-

ентка.

— Отлично. Напиток — апельсин, ананас?

Заведение веселенькое, все в пестрых гирляндах, пластиковых апельсинах и бананах, но жарко, выше тридцати градусов. Пот ручьями льет.

— Желаете индийский хот-дог? Американский хот-дог? Или особый хот-дог?

— Прекрасно кормите, сэр, очень вкусно, — хвалит дама из Бангладеш, приехавшая в гости к сыну-студенту. — Но названия я бы все сменила. Какие-то бессмысленные на самом деле…

Бижу смотрит, как ведут себя коллеги, учится, так же помахивает колбасками, но сникает, когда после работы все направляются к дамам-доминиканкам на Вашингтон-хайтс. Всего тридцать пять баксов!

Он маскирует свое смущение деланым отвращением:

— Фу, да они все грязнули! Сучки вонючие! Дешевки! Вот подхватите что-нибудь… — Звучат его доводы неубедительно, все только смеются. — Черные, некрасивые… *Хубши!* Меня от них тошнит.

— Мне сейчас, знаешь, все равно, мне хоть с собакой, — ржет Роми, как лошадь, и гавкает:

— Р-р-р-гав!

Все веселятся.

Они молодые, здоровые мужчины. Он еще ребенок. Ему девятнадцать, но выглядит и ощущает себя он гораздо младше.

— Слишком жарко, — оправдывается он в следующий раз.

Потом:

— Слишком устал.

Время года меняется:

— Слишком холодно.

В глубине души он даже обрадовался, когда управляющий получил предписание проверить «зеленые карты» персонала.

— Ничего не поделаешь, ребята, — оправдывается он перед своим штатом, розовый от смущения. Неплохой парень. Зовут его Франк — просто смех. Франк торгует франкфуртерами. — Просто тихо испаритесь, да и все…

Что ж, они испарились.

Глава четвертая

Ангрези кхана.

Повар представляет себе ветчинный рулет, извлеченный из здоровенной консервной банки и разрезанный для дальнейшей тепловой обработки. Суфле тунца, кондитерский пирог *хари.* Конечно, раз сын готовит английскую пишу, положение его выше, чем у простого индийского повара.

Полиция почему-то заинтересовалась первым письмом, принялась за остальные. Что ищут? Контрабанда? Торговля оружием? Или как самим смыться в Америку?

В письмах Бижу менялось лишь название места работы. Но это повторение внушало какое-то спокойствие, дышало уютом.

— Прекрасное место, — сообщал он знакомым. — Еще лучше, чем раньше.

Он представлял себе диван, телевизор, счет в банке. Он переедет к сыну, у него появится невестка, которая будет подавать ему пищу и разминать ступни, и внуки, много внуков, чтобы хлопать по пухлым попкам.

Время заснуло в доме у подножия гор, поросло мхом и папоротниками. Каждое письмо — шажок к будущему.

Он обдумывал каждое слово, сочиняя ответы сыну, чтобы тот не потерял уважения к необразованному отцу.

«Экономь, откладывай деньги. Не раздавай их взаймы. В мире много обманщиков, не знакомься с кем попало. Не забывай о еде, кушай как следует. Отдыхай, береги здоровье. Если что сделать задумаешь, с Нанду посоветуйся».

Нанду — односельчанин, тоже уехавший в Нью-Йорк.

*

Как-то они получили письмо с купоном на бесплатный надувной глобус «Нэшнл джиографик». Саи заполнила все строчки и клеточки, отправила купон на какой-то почтовый ящик в Омахе. Много времени прошло, они уж и думать забыли об этом купоне, как вдруг обещанный глобус прибыл вместе с поздравительным сертификатом, восхваляющим тягу к знаниям, к новым горизонтам, к открытиям. Они надули глобус, прикрепили его к оси винтами — все это они нашли в посылке. Пустыни, горы, равнины,

снега полюсов… Саи показала повару Нью-Йорк, где теперь жил его сын, объяснила, почему в Нью-Йорке ночь, когда в Индии день, как сестра Алиса объясняла им в монастыре Святого Августина с помощью апельсина и фонарика. Повар подивился, что день сначала приходит в Индию, а только потом в Америку. С остальным дело обстояло как раз наоборот.

*

На полу — письма, тряпки, одежда. Матрас перевернут, подстеленные под него газеты разбросаны.

Полиция обнажила его бедность и неухоженность, этот обыск показал, что нет у него достоинства, нет лица, нет почвы под ногами.

Прикрывшись зонтами — один цветастый розовый, остальные черные, — полицейские смешались с ночными тенями.

Опустившись на колени, повар нашаривал заводную головку от часов — не нашел.

— Что ж, это их работа, — вздохнул повар. — Откуда ж им знать, что я не виноват. Чаще всего слуги воруют.

*

Саи смущенно замерла в дверях. Редко она появлялась в хижине повара, и оба они чувствовали себя при этом как рыбы на сковородке. Близость их казалась неестественной, отношения не отличались глубиной. Да и как могло быть иначе, ведь общение их касалось лишь нескольких тем. Ее разговорный язык — английский, повар же знал лишь хинди. Все, что требовало более глубокого знания языка, оставалось вне крута их контактов. Но сморщенная физиономия старика внушала ей жалость и симпатию, а следя за его бойкой перепалкой с торговцами на рынке, она даже ощущала какую-то гордость за свое право общаться с таким сложным существом, называющим ее Бебиджи и Саи-беби.

Впервые она увидела повара, когда ее привезли из монастыря Святого Августина в Дехрадуне. Девять лет прошло с той поры. Такси подъехало к табличке, на которой в лунном свете можно было разобрать надпись «Чо-Ойю», название дома. Она стояла возле такси, рядом с ней — жестяной сундучок с надписью «мисс С. Мистри, монастырь Св. Августина». Водитель принялся колотить в запертые ворота.

— Ои, кои хаи? Хансама? Ут, кои хаи? Ут, Хансама?

Вдали призрачно светилась Канченджанга, светлели стволы, чернели листья деревьев, к дому вела тропа.

Наконец они услышали свист, увидели свет фонаря, из-за деревьев показался повар, так же ковыляющий, все с тем же морщинистым лицом, как и сейчас, такой же, каким останется еще долгие годы. Короткое детство, рано наступившая, растянутая старость. Между ним и судьей разница в поколение, но поставьте их рядом! Возраст въелся в его поведение, в его котлы и чайники, в голос и грязь, в запах кухни, дыма, керосина.

*

— Что они у вас натворили! — покачала головой Саи, провожая взглядом полицейских и стараясь не замечать пропасти, которая разделяла ее и старого повара.

— Что делать, работа у них такая, — рассудительно возразил повар.

Пытаясь восстановить достоинство, они лишь подчеркнули глубину падения. Вместе они собрали пожитки, повар аккуратно вложил письма в правильные конверты. Когда-нибудь он вернет

письма сыну, и тот восстановит свою историю, ощущая гордость и удовлетворение от достигнутого.

Глава пятая

Бижу в «Беби-бистро».

Вверху, в кафе — прекрасная Франция.

Внизу, в кухне — Мексика и Индия. А потом наняли Паки, и внизу воцарились Мексика, Индия и Пакистан.

*

Бижу в «Лё Колёньяль», сочная колониальная кухня.

Вверху колониальный антураж, внизу бедолаги-туземцы: колумбиец, тунисец, эквадорец, гамбиец.

*

Дайнер «Старз-энд-страйпс». Вверху гордо развевается американский флаг, внизу скромный гватемальский.

Потом наняли Бижу, внизу появился маленький индийский флажочек.

*

— Где такая Гватемала?

— Где Гуам?

— Где Мадагаскар?

— Где Гайана?

— А ты почему не знать? — спрашивает человек из Гайаны. — В Гайана много-много индус, парень, много-много.

— Гуам — много из Индии. Много-много.

— Тринидад?

— Да в Тринидаде индийцев навалом, друг! Знаешь, в Тринидаде… Лосося откройте, мэм, лосося просили.

Мадагаскар — индийцы, индийцы и индийцы. Маленькая Индия.

Чили — Зона Роза, свободная зона Тьерра дель Фуэго: индусы, виски, электроника. Чертовы пакистанцы захватили торговлю подержанными автомобилями в Ареке. «Да плюнь-разотри, пусть стригут свои полпроцента…»

Кения. Южная Африка. Саудовская Аравия. Фиджи. Новая Зеландия. Суринам.

В Канаде вдали от крупных городов обосновалась группа сикхов. Их женщины сняли свои шальвары и носят *курта,* как платья.

Индийцы… Да, да, на Аляске, последняя лавка перед Северным полюсом, какой-то *дези* держит ее, торгует консервами да рыболовными снастями… солью, лопатами… Жену с детьми оставил в Карнуле, где есть детский сад.

На Черном море индийская торговля пряностями.

Гонконг, Сингапур.

И как он все это пропустил? Англия да Америка, Дубай и Кувейт… Почитай, больше ничего из школы и не вынес.

*

Подвальные кухни Нью-Йорка заключают в себе целый мир, но Бижу к этому миру плохо приспособлен, так что даже почувствовал облегчение, когда прибыл этот пакистанец. Написал отцу.

Повар обеспокоился. Что за безобразие! Да, конечно, Америка — это страна, куда люди приезжают из разных стран, со всего мира. Но ведь не из Пакистана же! Нельзя же нанимать пакистанцев! Индийцы гораздо лучше…

«Берегись! — написал он сыну. — Остерегайся. Держись подальше. Не доверяй».

Он гордился сыном. Тот уже выработал в себе

способность не раскрываться перед посторонними. Каждая клетка его ощущала опасность. Каждый волосок держался настороже.

Дези против *паки.*

Старая война, добрая война.

Где лучше высказать слова, сложившиеся за столетия? Где возродится дух отца, деда, прадеда?

Здесь, в Америке, где каждая нация утверждает свое самосознание.

Бижу почувствовал связь поколений.

Но связь эта ослабевала. Война охладевала. Ее следовало разогреть.

— Свинячьи свиньи, сыны свиней, *суар ка бакча,* — кричал Бижу.

— *Уду ка пата,* сын совы, сучья индюшатина, — слышал он в ответ.

Взлетел в воздух и понесся в направлении ненавистного врага смертоносный кочан капусты.

*

— ...!!!!! — гаркнул француз.

То, что он изрек, показалось им далеким сонным жужжанием пчелы над солнечным летним лугом, но смысл сказанного заключался в том, что очень они шумная парочка. Свара их транс-

лировалась лестницей наверх, по тридцати двум ступеням снизу, от Третьего мира, до верха, в гущу мира Первого. И кто, спрашивается, после этого захочет посетить ресторан с его *coquilles Saint-Jacques a lavapeur* по 27 долларов 50 центов и *blanquette de veau* по 23 доллара, с уткой, подобно турецкому паше восседающей в подушках собственного жира, исходящей ароматом шафрана?

Вот, скажем, рестораны Парижа. Неужели их подвальные кухни кишат всякими мексиканцами, *дези* и *паки?*

Да ничего подобного!

Там подвалы забиты алжирцами, сенегальцами, марокканцами…

Гуд-бай, «Беби-бистро».

— Советую принять душ! — бросил вдогонку владелец.

Паки в одну сторону, Бижу в другую. Завернув за очередной угол, они снова столкнулись нос к носу. Развернулись и разошлись.

Глава шестая

И вот стоит Саи у ворот, и выходит к ней кривоногий повар с фонарем, дует в свисток, отпугивая шакалов, кобр и местного вора Гоббо, навещавшего всех жителей Калимпонга по очереди. Брат Гоббо работает в полиции, так что ареста Гоббо не опасается.

— Вы из Англии? — спросил повар, отпирая ворота.

Она отрицательно покачала головой.

— Америка? У нас есть вода и электричество, — гордо сообщил он.

— Нет.

— Нет? — Тяжкий удар по его надеждам. — Из-за границы. — Не вопрос, утверждение, сопровождаемое весомым кивком, как будто это она сказала, а не он.

— Нет. Из Дехрадун.

— Дехрадун! — Это известие его потрясло. — *Камааль хаи!* Мы-то думали, что вы издалека, готовились, а вы совсем рядом… Почему раньше не приехали?

— А где ваши родители? — спросил повар, не

дождавшись ответа.

— Они умерли.

— Умерли! — Он уронил фонарь. — *Баап ре!* Мне ничего не говорят. Что же с вами станет теперь, бедное дитя? — Голос повара переполнился жалостью и безнадежностью. — А где они умерли?

Фонарь погас, теперь дорогу освещала лишь луна.

— В России.

— В России! Там же нет работы, — снова вступил в действие менталитет Третьего мира. — Что они там делали?

— Отец был космонавтом.

— Ох ты, космонавтом, в жизни такого не слыхивал!

Он недоверчиво поглядел на девочку. Странная девочка, но вот она, здесь, настоящая, живая.

— Да-а, — протянул он. — Ай как нехорошо… нехорошо.

Бывает, у детей разыгрывается фантазия. Или им рассказывают сказки, чтобы скрыть ужасную правду.

Повар и шофер схватились за сундук. Дорога от ворот заросла так, что автомобиль не одолел бы ее.

— Как они умерли? — спросил повар, обернув-

шись.

Где-то вверху тревожно вскрикнула крупная птица, захлопали крылья, как будто мотор заработал.

*

Мирный вечер спустился над Москвой. Господин Мистри и его супруга пересекали площадь перед космическим агентством. Отец Саи, пилот индийских ВВС, отобран кандидатом в отряд космонавтов, живет в Звездном городке и готовится к полету в космос. Дни индийско-советской дружбы между тем на исходе. Супруги Мистри взрослели в годы, когда эта дружба расцветала пышным цветом, скреплялась поставками оружия, спортивными соревнованиями, гастролями артистов и книжками с картинками, знакомящими индийских школьников с Бабой-ягой, живущей в гуще дремучего леса в избушке на курьих ножек; с Иван-царевичем и царевной Иванкой, после многих приключений нашедших друг друга и общее свое счастье в дворце с луковичными главками.

Встретились и познакомились супруги Мистри в Дели. Будущая супруга, тогда студентка, с разрешения наставницы проводила время в

парке, сушила волосы и читала учебник в тени развесистого нима. Господин Мистри, уже военный пилот, бравый, подтянутый, спортивный, с аккуратно подстриженными усами, пробегал по дорожке парка и остановился, привлеченный необычной, терпкой красотой студентки с книжкой. Там они и познакомились, под мычание стреноженных коров, поглощавших траву возле мавзолея Могола. Вскоре в тени этого мавзолея господин Мистри предложил студентке руку и сердце. Она не стала долго раздумывать. Женитьба позволила ей отрешиться от печального прошлого и положить конец скучному девическому бытию. Оба были счастливы, что нашли друг друга, оба стремились друг друга узнать, оба образованные и открытые влияниям Запада, любители пения под гитару, чувствующие себя частью современной нации и современного мира. Различие вероисповеданий — зороастризма и индуизма — их нисколько не пугало.

*

В 1955 году Хрущев посетил Кашмир и решительно объявил его частью Индии на вечные времена. Вскоре в Дели направился Большой театр с «Лебединым озером», и индийская эли-

та, облачившись в соответствующие туалеты и нацепив наиболее роскошные драгоценности, направилась наслаждаться и аплодировать.

Начинался космический век. Во втором спутнике земли взлетела в космос собака Лайка. За ней последовала обезьяна Хам. После нее, в том же году, в космос полетел Юрий Гагарин. Полеты следовали один за другим, за американцами и советскими космонавтами, обезьянами и собаками последовали вьетнамец, монгол, кубинец, женщина, негр. Космические аппараты облетели Землю и Луну, сели на Марсе и Венере, летели далее, к Сатурну. Советская авиакосмическая делегация посетила Индию для отбора кандидатов на месте. Их внимание привлек господин Мистри, образованный, тренированный и волевой пилот военно-воздушных сил. И вот он с супругой направляется в Москву, а шестилетнюю Саи спешно устраивают в тот же монастырь, в котором воспитывалась и ее мать.

Судьба, однако, распорядилась по-своему и вместо космического корабля скрестила путь господина Мистри и его супруги с другим чудом советской техники, с междугородным автобусом, в котором три десятка провинциальных бабушек везли на столичный рынок изделия мастеров

российской глубинки.

Их дочь так и не узнала, были ли посвящены ей последние мысли погибших в далекой России родителей.

*

Москву в монастыре не изучали. Саи представляла себе серую громоздкую архитектуру под серым холодным небом, серых мощных мужчин с квадратными челюстями, серую советскую пищу. Никаких слабостей, никаких капризов, никаких отклонений. И на этом сером фоне пролилась алая кровь ее родителей.

— Крепись, дитя, — шептала ей в ухо сестра Каролина. — Будь храброй.

— Я сирота, — шептала себе Саи. — Мои родители умерли.

В монастыре ей не нравилось. Но куда теперь деваться?

«Дорогая Саи, — писала мать. — Наступает очередная зима, мы надеваем тяжелую теплую одежду. Недавно встречались с господином Шарма и его женой, играли в бридж. Твой папа, как всегда, жульничал. Едим селедку, очень соленую рыбу. Надо тебе ее как-нибудь попробовать».

Саи сочиняла ответ во время специального

урока, на котором дети писали родителям:

«Дорогие мамочка и папочка, как у вас дела? У меня все хорошо. Здесь жарко. Вчера у нас была контрольная по истории, Арлена Маседо все время жульничала, как всегда».

Письма казались школьными заданиями. Саи настолько отвыкла от родителей, что не ощутила невосполнимой потери. Она пыталась плакать, но так и не смогла.

*

Под приколоченным к двум лакированным палкам Иисусом в *дхоти* держали совет монашки монастыря Святого Августина. Платить-то за Мистри больше некому.

— Жаль ее, конечно, но что же делать?

Те, что постарше, помнили, что за мать Саи платил ее отец, ни разу дочь не посетивший. Можно было и еще что-то вспомнить, но эти клочки воспоминаний друг с другом не стыковались; что-то прочно забылось, иное — намеренно. Все знали, что отец Саи воспитывался в зороастрийском приюте для сирот, что какой-то щедрый спонсор обеспечил ему обучение в колледже и в военной академии. Мать-ослушницу ее семья в Гуджарате лишила всех прав. В стране перекрестных

родственных связей Саи оказалась лишней. В графе «контакт в экстренном случае» оказалась, впрочем, одна запись:

Имя: судья Джемубхаи Пател.

Степень родства: дед со стороны матери.

Положение: главный судья в отставке.

Религия: хинду.

Каста: патидар.

Саи никогда в жизни не встречалась с дедом, который в 1957 году познакомился с шотландцем, построившим Чо-Ойю и собиравшимся отбыть обратно в свой Абердин.

— Место изолированное, труднодоступное, но многообещающее, — расхваливал свою собственность шотландец. — Хинин, шелковичный червь, кардамон, орхидеи…

Судью не интересовали экономические перспективы имения, но он посетил Чо-Ойю, полагаясь на пресловутое «слово джентльмена». Он прибыл верхом, распахнул двери, ощутил уединенность скита, реагирующую на условия освещения и на погоду; воспринял не жилище, а атмосферу бытия. Темный, почти черный пол из широких досок. Потолок напоминает грудную клетку кита, на дереве читаются следы плотницкого топора. Камин из светлого речного камня

с блестками-песчинками. Под окнами буйные заросли папоротников: тугие стебли, бахрома листьев, подбитых спорами, россыпь шишечек, подернутых бронзовой дымкой. Он ощутил намек на возможность постижения пространства вглубь, вширь, в высоту и в иных, расплывчатых и неопределенных измерениях. За окнами носились и свиристели пестрые птицы, Гималаи вздымались в бездну небес, подчеркивая ничтожность человека… человечка… никчемность его жалкой повседневности и тщетность потуг от нее отрешиться. Уединиться, отгородиться, отрешиться… жить иностранцем в собственной стране, не вникая в речь окрестных обитателей.

В суде его больше не видели.

*

Саи распростилась с монастырским абсурдом, с сусальными нежных оттенков ангелочками, окружавшими запятнанного кровавыми ранами Христа, с одеяниями не только неудобными, но и тяжелыми, с Арленой Маседо, еще одной воспитанницей нетрадиционного плана. Отец ее, если верить Арлене, португальский моряк, часто отправлялся в дальние страны. Другие девицы, правда, сплетничали, что рейс ее папаши всегда

завершался в Дели, у парикмахерши-китаянки из отеля «Кларидж». Позади четыре года обучения приниженности и страху, уверткам и уловкам, четыре года под надзором детективов в черном, жизни по закону, расценивающему любое мелкое прегрешение как смертный грех.

Прощай:

a) стояние в помойке с шутовским колпаком на голове,

b) тепловой удар от торчания на солнцепеке на одной ноге и задранными вверх руками,

c) ежеутреннее покаяние в грехах,

d) красно-сине-черно-шафранная исполосованная задница.

«Бесстыжая тварь!» — шипела сестра Каролина — и попка мелкой грешницы, не выучившей уроков, наливалась алым цветом, как зад бабуина. Тварь училась стыду.

Система прокламировала чистоту нравов и помыслов, но дышала грехом. Под тонкой пленкой воздержания вибрировали страсти, тайные мысли опровергали провозглашаемые истины. С примитивной прямотой постулировались нормы. Кекс лучше *ладду,* вилка-ложка-нож лучше рук, вино Христово и облатка его тела приличнее обвешивания маргаритками фаллического сим-

вола, английский язык лучше хинди.

*

Противоречия жизни и учебного курса сталкивались, усваивались. Лохинвар Вальтера Скотта и Тагор, экономика и этика, горский флинг в шотландке и пенджабский танец урожая в *дхоти,* национальный гимн на бенгали и невнятный латинский девиз на одежде и над порталом монастыря: *PISCI TISCI EPISCULUM BASCULUM*... — или что-то в этом роде.

*

В последний раз Саи проходит под этим девизом в сопровождении монахини-ревизорши, проверявшей бухгалтерию монастыря. В Даржилинг. Через Дели и Силигури, по деревенской Индии, застывшей в архаике и нищете. Женщины с вязанками хвороста на голове, под сари — ничегошеньки не надето.

— Как тебе не стыдно, у тебя все видно, — веселится сопровождающая.

На следующее утро Саи уже не шутит, а возмущается. Поезд ползет по выемке, окаймленной вверху вереницей голых задниц. Народ испраж-

няется, подмывается, повернувшись задом к железнодорожному пути.

— Свиньи, грязные свиньи. И бедность их не извиняет, — бушует монахиня. — Ну почему, почему они такие свиньи?

— По причине уклона, — поясняет, подняв взгляд поверх очков, пожилой господин ученого вида. — Уклон в сторону рельсов, очень удобно.

Монахиню причина не устраивает, но она умолкает. А для тех, кто гадит в сторону железной дороги, пассажиры просто не существуют как представители того же вида. Пусть их любуются игрой анусов. Не стесняться же, к примеру, воробьев…

И тому подобное.

*

Саи притихла. Чо-Ойю все ближе.

— Не волнуйся, милая, — утешает монахиня.

Саи не реагирует, сопровождающая раздражается.

Такси тарахтит по влажным субтропикам мимо чайных на шестах-сваях, мимо продавцов цыплят, мимо изваяний богинь *Дурга-Пуджа* под шаткими навесами. Дорога ведет через рисовые поля, тут и там торчат полуразвалившиеся

складские сараи под вывесками крупных чайных компаний: «Рунгли-Рунглиот», «Гум», «Гинка».

— Что ты все время дуешься? — сердится монашка. — Боженька вон как страдал, а не дулся.

Вдруг справа выпрыгивает из зарослей река Тееста, окаймленная белым песком берегов. В окно кроме солнечных лучей врываются блики солнечных зайчиков, новые краски, новые углы обзора. Пространство вырывается из-под контроля зрения. Вода шумит, брызжет пеной, несется по руслу неведомо куда.

Здесь их пути расходятся. К востоку местечко Калимпонг зацепилось за седловину между холмами Деоло и Рингкингпонг. К западу, у гор Сингалила — Даржилинг. Монашка пытается пробормотать ободряющее напутствие, но ее глушит грохот воды. Щипок за щечку — и ржавый джип уносит ревизоршу к сестрам Клуни, на шесть тысяч футов вверх, в гущу чайных плантаций, в разъедаемый туманом липкий городишко.

*

Тьма наступает сразу после заката. Машина воет, задрав морду к небу, неверный поворот баранки — и они свалятся в бездну. Смерть щекочет ухо Саи, жизнь бьется пульсом в висках, сердце

замирает на поворотах. Об уличных фонарях в Калимпонге не слыхали, свет в окнах слабый, едва заметный. Пешеходы выныривают в свете фар, отступают в сторону, пропуская автомобиль. Поворот с асфальта на грунтовую дорогу Приехали. Машина замерла возле ворот, привешенных к мощным каменным столбам. Фары погасли. Тишина. Лишь лес тяжко дышит и стонет во тьме.

Глава седьмая

Дед — он скорее ящер ископаемый, чем человек.

А собака — скорее человек, нежели собака.

Обратное отражение лица в столовой ложке.

В честь приезда Саи повар вылепил из картофельного пюре автомобиль. Когда-то он из того же пластичного материала строил целые замки с разноцветными бумажными флажками, создавал скульптурные портреты рыбин с кольцами в носу, ёжиков с иглами из сельдерея, куриц, сидящих на настоящих яйцах.

Колеса картофельного автомобиля повар выполнил из помидорных кружочков, использовал для украшения старую фольгу. Очень старую, многократно использованную. Каждый раз он ее отмывал, разглаживал, хранил до следующего случая. Фольга изнашивалась, рассыпалась в труху, но и тогда жалко было ее выбрасывать.

Картофелемобиль украсил центр стола вместе с плоскими бараньими котлетами, вымоченными зелеными бобами, кочаном цветной капусты под сырным соусом, напоминавшим мозг в оболочке.

От горячих блюд поднимался пар, Саи чувствовала, как на лице оседает напитанный запахами еды туман, сквозь который за дальним концом стола просматривались ее дед и восседающая рядом с ним собака. Собака колотила хвостом по столу и, склонив голову набок, улыбалась Саи. Судья, казалось, не замечал присутствия внучки. Ссохшаяся фигура в белой рубахе и черных штанах с пряжкой сбоку. Одежда старая, но чистая и выглаженная. Повар гладил любую тряпку: пижамы, полотенца, носки, нижнее белье, носовые платки. Через весь стол от деда доносился слабый запах одеколона, скорее медицинский, чем парфюмерный. Рептилию напоминал он лицом, безволосым лбом, плоскими носом и подбородком, безгубостью, малоподвижностью, застывшим взглядом. Как и другие старики, он жил не вперед, а назад во времени. В ожидании вечности вглядывался во времена доисторические, напоминая какое-то галапагосское чудище, глазеющее через океан.

*

Наконец он поднял взгляд.

— Как тебя зовут?

— Саи.

— Саи, — повторил он раздраженно.

Собака улыбнулась. Красивая у нее морда. Лоб благородный, панталончики косматые, хвост тоже. Очень она понравилась Саи.

— Ваша собака похожа на кинозвезду.

— Разве что на Одри Хепберн, — буркнул судья, стараясь не показать, что польщен комплиментом внучки. — Но не на теперешние образины на афишах.

Он взялся за ложку.

— А где суп?

Из-за картофельного автомобиля повар забыл о супе.

Кулак судьи резко опустился на стол. Суп после второго? Вопиющее нарушение правил!

Как будто испугавшись недовольства судьи, лампа пригасла и зажужжала крылатым жуком. Упало напряжение сети. Повар вывернул остальные лампочки, чтобы сэкономить электричество для этой, над столом. В неверном, мигающем полумраке у обширного стола сосредоточились человекоящер, кривоногий горбун, созревающая самка человека и длиннохвостое четвероногое.

— Надо написать этому придурку, уполномоченному, — проворчал судья. — Да что толку-то…

Кончиком ножа судья поддел жука, жужжав-

шего на столе в тщетных потугах перевернуться. Тот тут же принялся оправлять крылья. Собака, испуганно глядевшая на жука, перевела восторженный взгляд на хозяина. Таким взглядом глядит на обожаемого повелителя преданная супруга.

*

Повар внес две миски кислого переперченного томатного супа.

— Никакой благодарности… Стараешься, упираешься… Здоровья никакого не хватает… Ох, годы, годы… Ох, бедность, горе мое… Ужас, ужас… — беспрерывно бормотал он себе под нос.

Судья сунул ложку в горшочек со сметаной и отметил красную поверхность супа белым пятном.

— Что ж, — обратился судья к внучке. — Постараемся не мешать друг другу. Надо тебе учительницу нанять. Монастырь слишком дорог… Да и нечего подкармливать этих жуликов в рясах. Да, учительницу… там, в холмах… В государственной школе тебе делать нечего. В государственной тебя научат только пальцем в носу ковырять и разучат говорить человеческим языком.

*

Еще один скачок напряжения. Вниз, естественно. Нить накала лампочки светилась теперь так же, как в первых опытах Эдисона. Можно было различить каждый ее темно-красный виток. Еще одна краткая вспышка — и полная тьма.

— Проклятье! — пробормотал судья, не повышая голоса.

*

Ночью Саи лежала, натянув на себя скатерть — за недостатком простыней. Она чувствовала присутствие леса, слышала пощелкивание костяшек бамбука, журчание *джхора*, в глубине, в декольте горы. В светлое время суток воды не слышно из-за обилия бытовых шумов, а ночью она поет чистым и светлым голосом. Дом во тьме казался хрупким и ненадежным, как скорлупа разбитого яйца. Вот загремела на ветру жестяная кровля. Саи неловко повернулась, и большой палец ноги вылез сквозь разлезшуюся от ветхости ткань, потерял опору, уставился в неизмеримое пространство.

Слух Саи окреп, она услышала, как неустанно

грызут дерево тысячи крохотных челюстей, превращая конструкции в труху. Она уже знала, что необработанное дерево в этом климате полностью съедается за полгода.

Глава восьмая

Решив, что приезд внучки его взволновал, судья проглотил таблетку и улегся. Собака уже лежала в постели, положив голову на его подушку.

— Гм, крошка… — хмыкнул судья. — Кудряшки, гм…

В холодные ночи судья укрывал любимицу одеялом из шерсти ангорского кролика. Даже во сне собака прислушивалась к дыханию хозяина.

Хозяин протянул руку к книге, но читать не хотелось. Вспомнились дни юности, собственные путешествия, отъезды и приезды. Впервые он покинул дом двадцатилетним молодым человеком. При нем был такой же черный железный сундук, с каким прибыла Саи. На сундуке надпись: «мистер Дж. П. Пател, пароход „Стратнейвер“». В 1939 году это было. Он оставил родительский дом в городе Пифит, добрался до Бомбея, оттуда морем в Ливерпуль, из Ливерпуля в Кембридж.

Много лет прошло, но жестокость этого дня не угасла в памяти.

*

Будущий судья, которого тогда звали даже не Джемубхаи, а просто Джему, отбывал под звуки труб двух отставных военных музыкантов, нанятых его тестем. Трубачи в красных линялых мундирах, украшенных металлическими побрякушками на воротниках и рукавах, заняли позицию между скамьями с надписями: «Только для индийцев» и «Только для европейцев». Когда поезд двинулся, они заиграли английскую «Зовет родимая сторонка», которую посчитали наиболее подходящей для расставания.

Провожал его отец. Дома рыдала мать, потрясенная дисбалансом между окончательностью расставания и краткостью процесса прощания.

— Не надо ему уезжать… Не надо ему уезжать…

Где теперь сможет ее сынок, отрастивший маленькие смешные усишки, отведать вкуснейшей мамочкиной *чурва?* Как перенесет промозглый английский холод? Она связала своему отпрыску теплый свитер с затейливым узором, вложила в него свою материнскую любовь. Кроме свитера сын снабжен новым оксфордским словарем и разукрашенным кокосовым орехом, который сле-

дует бросить в волны, чтобы боги благословили путешествие.

Отца и сына унес грохочущий поезд. Мимо окон проносится необъятный мир, подавляющая громадностью ничтожная его часть. Джему охватывает боязнь за свою незащищенность, страх… не перед будущим, а страх за прошлое, за хрупкость веры, с которою он жил в Пифите.

Его отвлек неприятный запах от вывешенного вдоль путей на просушку бомбейского полотна, но беспокойные мысли тут же вернулись.

Он подумал о жене. Одномесячное супружество. Он вернется… через сколько лет? И тогда… Странно. Ей четырнадцать лет. И лица-то толком не разглядел.

Поезд пересек залив и прибыл в Бомбей на вокзал «Виктория». Отель им не нужен, переночевали у родственников тестя. А ранним утром направились на причал Баллард.

*

Школьником Джемубхаи радовался тому, что океан охватывает землю, позволяет перемещаться по глобусу во всех направлениях. Но теперь, стоя на усыпанной конфетти палубе судна, он чувствовал себя неуютно. Море играло мышцами

волн, мелкие гребни разбивались и пенились у борта, шипя, как газировка. Двигатель набирал обороты. Три гудка.

Отец замахал сыну с берега.

— Ничего не бойся! — В голосе его звучал ужас. — Бросай кокос!

Джемубхаи посмотрел на отца. Простой, малообразованный, отважившийся на нетривиальный поступок. Любовь в сердце Джемубхаи смешалась с жалостью, жалость перешла в стыд. Рука отца сама собой поднялась и замерла у рта. Подвел он сына.

Судно ускоряло ход, в воздухе мелькали летучие рыбы, по палубе шныряли европейцы, звучала музыка, пахло карнавалом. Толпа провожающих расплывалась в дымке.

Исчез и отец. Орех Джему так и не бросил, плакать не хотелось. Никогда с той поры не знал он любви, не смешанной с какими-то другими, совершенно не похожими на любовь чувствами.

Прошли маяк Колаба, вышли в Индийский океан. Наконец наступил момент, когда со всех сторон, сколько хватало глаз, видна только вода.

*

Что за глупость! С чего он так расстроился из-за этой внучки? Даже на воспоминания потянуло. Сундук, должно быть. Такой же сундук.

«Мисс С. Мистри, монастырь Св. Августина».

«Мистер Дж. П. Пател, пароход „Стратнейвер“».

*

Сеанс воспоминаний затянулся.

В каюте он обнаружил соседа, выросшего в Калькутте. Всю жизнь этот оригинал сочинял латинские сонеты катулловским одиннадцатисложником, записывал их в толстый альбом с золоченым корешком. Альбом везде его сопровождал. Сосед повел носом, учуяв пряный запашок. Провизия в дорогу. Зеленый перец, лук, соль в газетке. И банан. Ни один фрукт не умирает такой подлой смертью, как банан. Упакован на всякий случай. На какой *всякий?* Джему мысленно обругал мать.

На случай, если сынок проголодается в дороге. Или на случай, если постесняется пройти в обеденный зал, где нужно пользоваться ножом и вилкой. Мать стремилась помочь ему избежать

унижения — и тем самым способствовала его унижению.

Джему вернулся на палубу и швырнул сверток за борт. Мать не раздумывала о неуместности своего жеста. Любовь… Жалкая любовь, индийская любовь, вонючая и неэстетичная. Пусть океанские обитатели лакомятся тем, что она в предрассветные часы собирала с любовью к сыну.

Запах почившего банана исчез, но остался смрад ужаса, пронзительная вонь одиночества.

Ночью он лежал на своей койке и вслушивался в неприличные шлепки волн. Вспомнилось, как он полураздел и вновь одел жену. Выражение ее лица, когда он стянул через голову *паллу*. Память о женской плоти отдалась ниже пояса, его собственная плоть напряглась одновременно нагло и робко, просяще и требовательно.

В Ливерпуле оркестр играл «Страну надежды и славы». Сосед его, облаченный в твидовый костюм, подозвал носильщика. Белый носильщик подхватил багаж темнокожего пассажира. Джемубхаи обошелся без носильщика. И вот уже поезд несет его в Кембридж, удивляя проплывающими мимо английскими коровами, столь не похожими на индийских.

*

Джему не переставал удивляться. Англия, в которой он искал жилую комнату, состояла из крохотных серых домиков, серыми рядами выстроившихся вдоль серых улиц. Удивлялся он потому, что ожидал встретить величие и размах. Оказалось, что и здесь живут бедные люди, живут своей мелкой, неэстетичной личной жизнью, своими мелочными интересами. Люди, с которыми он общался, тоже удивлялись. На его стук открывалась дверь, кто-то высовывался и сообщал, что «только что сдали», что «все занято». Иной раз в окне приподнималась занавеска, мелькало бледное лицо, и никто даже к дверям не подходил. Как будто все мгновенно умерли. Он обошел двадцать два дома, пока наконец не постучался в двери миссис Райс на Торнтон-роуд. Эта добрая женщина ему тоже отказала бы, но деньги ей нужны были позарез, а дом ее «с видом на рельсы» популярностью не пользовался. Спасибо, хоть такой жилец.

Дважды в день она выставляла к его лестнице поднос с вареным яйцом, хлебом, маслом, джемом, молоком. Ночью Джему лежал без сна, уговаривая не бунтовать полупустой желудок

и вспоминая свою семью, воображающую, что королева Англии счастлива будет накормить их питомца горячим обедом. Наконец он отважился попросить о более существенной вечерней трапезе.

— Мы на ночь много не едим, Джеймс, — урезонила его миссис Райс. — Отец не любит перед сном набивать желудок.

Мужа она называла отцом, а Джему — Джеймсом. Но в тот же вечер Джеймс обнаружил на подносе свежеиспеченные бобы с тостом.

— Спасибо. Очень вкусно, очень, — заверил он сидящую на подоконнике и глядящую в окно миссис Райс.

*

Позже он удивлялся своей храбрости, ибо вскоре потерял ее вовсе.

Джему поступил в Фицуильям-колледж, сдав вступительный реферат на тему «Французская и Русская революции. Сходство и различие». Фицуильям в те дни был предметом насмешек, скорее консультационный пункт, чем колледж. Джему, однако, тотчас приступил к занятиям, так как учиться — единственный навык, который он приобрел, которым он овладел за свою жизнь. Он

работал по дюжине часов в день, засиживался за полночь. Отграничившись от жизни, он пропустил критический момент, когда еще не поздно было свершить смелый рывок во внешний мир, и одиночество расцвело пышным цветом, стало привычкой, стало его сутью, субъектом, превратив личность в придаток, в тень.

Тени тоже влияют на окружающих, беспокоят людей. С ним никто не разговаривал, его распирали невысказанные мысли, невыказанные эмоции. Но от него отшатывались. Даже старые уродины, толстухи с физиономиями, похожими на увядшие тыквы, конопатые и кривоносые, отодвигались от него в автобусе. Стало быть, они считали его еще хуже! Молодые и симпатичные не были добрее. Они морщили носики и хихикали:

— Лошадкой пахнет!

*

Разум Джемубхаи приноравливался к обстоятельствам. Он стал чуждым самому себе, еще большим чужаком, чем для окружающих. Цвет собственной кожи казался ему неестественным, голос странным. Смеяться он разучился, при редкой улыбке закрывал рот рукой, чтобы никто

не увидел его зубов и десен. Слишком интимные части тела. Старался, чтобы одежда как можно более полно скрывала кожу. Исступленно мылся, тер себя мочалкой, чтобы избежать обвинения в пахучести. До конца жизни никто не видел его без носков и без обуви. Он предпочитал тень свету, пасмурные дни солнечным, боясь, что свет разоблачит его, выставит на обозрение его уродство.

Он не видел английской природы, не заметил каменных узоров колледжей и церквей, украшенных золотом ангелочков; не слышал пения церковных мальчиков с голосами девочек, не видел зеленой реки, по берегам которой разбито множество садов, а в заводях плавают лебеди, слившиеся со своими отражениями в громадных белых бабочек.

*

Он перестал считать себя человеком. Подскакивал, если кто-то прикасался к его локтю, считая это слишком доверительным жестом. Смущался от дружелюбного приветствия полной улыбающейся продавщицы в лавчонке на углу.

— Что-что, повторите? Ничего не разобрать, — пригибалась она к неловкому клиенту, пытаясь понять его невнятное бормотание. Он терялся,

смущался еще больше и лепетал что-то совсем уж невразумительное. В конце концов он стал ходить за покупками куда-нибудь подальше от своей квартиры. Однажды продавщица, вручая ему купленную кисточку для бритья, сообщила, что у ее мужа такая же. Он опешил от столь бесстыдного упоминания интимнейших деталей. Бритье, муж…

*

Судья включил свет и проверил срок годности таблеток. Нет, все в порядке. Но вместо того чтобы усыпить, они дают ему возможность мучиться кошмарами наяву.

Наконец замычали коровы, как туманные рожки. Глупо и громко, как будто созывая народ в цирк, заорал петух дядюшки Потти по имени Кукар-раджа. Он снова бодр и свеж, после того как дядюшка Потти засунул его головой вниз в жестяную банку и какой-то вонючей дрянью выгнал из задницы клещей.

*

За завтраком судья велел повару отвести внучку к учительнице, женщине по имени Нони,

живущей в часе ходьбы.

*

И вот Саи бредет за поваром по узкой и длинной тропе, вьющейся по холмам, как змейка-крысобойка. Повар рассказывает о местности, показывает дома и сообщает, кто в них живет. Ближайший сосед — дядюшка Потти, фермер-джентльмен, горький пьяница. Он купил участок у судьи. Отец Бути со швейцарской молочной фермы, дружок и собутыльник дядюшки Потти. Глаза у обоих красные, зубы желтые от табака, почти коричневые. Потроха их стоило бы в ручье выстирать, но головы соображают, мозги не заржавели.

— Хелло, Долли! — помахал дядюшка Потти со своей веранды, торчащей капитанским мостиком над склоном, завидев Саи. На этой веранде Саи впервые услышит «Битлз». И на ней же «All that MEAT and NO PERTATAS? Just ain't right, like GREEN TERMATAS!»

Повар показывает Саи развалившиеся рыбьи садки, монастырь на холме Дурпин, пониже приют для сирот и курятник. Напротив курятника — свежие яйца к завтраку через дорогу — поселились две афганские принцессы, отец которых,

отлучившись на выходные в Брайтон, обнаружил по возвращении, что британцы посадили на его трон кого-то другого. Принцесс приютил Неру — истинный джентльмен! А вот и невзрачный домишко госпожи Сен, дочь которой, Мун-Мун, уехала в Америку.

*

Наконец добрались и до утопающего в розах коттеджа «Мон ами». Здесь живут сестры Нони (Нонита) и Лола (Лалита). Муж Лолы скончался от инфаркта, и старая дева Нони перебралась к вдове. Пенсии покойного хватало на жизнь, но расходы, бесконечные расходы! Постоянно что-то в доме ломается, все время что-то надо чинить; цены на базаре растут; горничная, уборщик, сторож и садовник тоже есть хотят.

Поэтому Нони, чтобы внести свою лепту в домашний бюджет, согласилась давать уроки Саи. От естествознания до Шекспира. Лишь когда Саи исполнилось шестнадцать и Нони полностью перерыла кладовые своих математических познаний, судья привлек к образовательному процессу внучки учителя Джиана.

— Вот наша Саи-бэби, — представил ее сестрам повар.

Сестры жалостливо покачали головами. Бедная сиротка, плод неудачного брака Индии и Советов.

— Индия всегда не на той стороне, — сокрушалась Лола. — Помните, Чоту и Моту ездили в Россию? Они ужасались. Такого развала даже в Индии не встретишь.

— А помнишь, — живо откликнулась Нони, — русские жили рядом с нами в Калькутте? С утра сбегают на рынок, накупят гору продуктов — картошки, лука, всего, всего — и варят, жарят, пекут… А потом к вечеру опять накупят — и снова готовят, готовят… Глаза горят, радуются, воображают, что у нас все есть, что Индия страна чудес. Ха!

Но, несмотря на невысокое мнение о России и о родителях Саи, к девочке сестры привязались.

Глава девятая

— Боже, Боже! — заохала Лола, прослышав о нападении на дом судьи. С годами в прическе ее прибавилось седины, но характер лишь окреп. — Того гляди, эти бандиты и к нам наведаются. Правда, у нас в «Мон ами» грабить нечего. Да им ведь наплевать. Они и за пару рупий глотку перережут.

— Но у вас ведь охранник, — рассеянно возразила Саи. Ее больше беспокоило отсутствие Джиана в день ограбления. Наверное, он охладел к ней.

— Буду? Да он ведь тоже непалец. Как ему можно доверять? Сторож всегда с бандитами связан. Сообщает, где что лежит, и получает долю. Помнишь госпожу Тондап? У нее тоже был сторож-непалец. Вернулась она из Калькутты — а дом начисто выметен. Начисто! Чашки-блюдца-стулья-кресла-кровати… Проводка срезана, лампочки с патронами, все-все, даже цепочки и поплавки из сливных бачков! Один пытался кабель стащить, его током убило. Бамбук весь срезали, деревья обобрали до последнего лайма. В трубах дырки, воду вся округа воровала из их

водопровода. А сторожа и след простыл. Прыгскок — и уже у себя дома, в Непале. Бог мой, Нони, надо нам этого Буду прогнать.

— Успокойся. С чего вдруг? Он не дал нам никакого повода…

Надо признать, что с Буду сестрицы чувствовали себя спокойнее. Жизнь их клонилась к закату, в огороде процветали посадки брокколи, как они утверждали, единственные в стране из семян, привезенных из Англии. Сад поставлял достаточно груш для сезона и для запасов; в бельевом корыте они экспериментировали с домашним вином, на веревке болтались вывешенные на просушку деликатные изделия фирмы «Маркс и Спенсер», а в окна заглядывала закутанная в облака Канченджанга. Над входом в дом висел демон *тангха* с хищно растопыренными когтями, с ожерельем из черепов и с могучим половым органом — чтобы отпугивать бродячих проповедников. В гостиной нагромождение безделушек. На размалеванных тибетских столиках *чокси* горы книг, включая альбом Николая Рериха, русского аристократа, запечатлевшего кристальный холод Гималайских гор, их неслышно звенящий воздух. Одинокий странник верхом на яке… Куда он направляется, зачем? Необозримые просторы,

неуловимая цель… Тут же птицы Салима Али и полное собрание Джейн Остин. В столовой «Веджвуд»; среди фаянса жестянка из-под конфитюра, сохраненная из-за надписи золотом, увенчанной львом и единорогом с короной; «Поставщик двора Ее Величества королевы».

*

И наконец, кот Мустафа. Темный, косматый, усатый эталон сдержанности, которую не удавалось преодолеть никакой лаской. С целеустремленностью ломовой лошади он взгромоздился на колени Саи. Глаза его, однако, предостерегали от ошибочного восприятия этого движения в качестве выражения привязанности и доверия.

Для охраны своего имущества, достоинства и покоя сестры наняли отставного военного, владевшего опытом боев против партизан Ассама, огнестрельным оружием и свирепыми усами. Страж появлялся в саду сестер в девять вечера, позвякивая велосипедным звонком и отрывая зад от седла, чтобы одолеть подъем.

— Буду? — кричали сестры, сидя в постелях, закутанные шалями из Кулу, потягивая сикким-ское бренди и увертываясь от новостей Би-би-си, выплевываемых радиоприемником.

— Буду?

— *Хузу-ур!*

Иногда вместо Би-би-си сестры включали маленький черно-белый телевизор. Это случалось, если Doordarshan передавал что-нибудь вроде «Рожденного в поместье» или «Да, господин министр», и на экране появлялись самодовольные ветчинно-окорочные физиономии настоящих джентльменов. Буду при этом двигал на крыше антенну, нырял под ветви и отмахивался от мошкары под направляющие возгласы сестер:

— Так, так… Еще… Стоп! Назад!

Несколько раз за ночь Буду обходил территорию имения «Мон ами», бухая дубинкой и дуя в свисток, чтобы сестры слышали, как деятельно их охраняют. Потом над горами появлялось солнце и освещало молочную утреннюю дымку.

*

Нет, не внушал сестрам доверия их надежный страж.

— Как-нибудь ночью он нам глотки перережет…

— Но если мы его прогоним, он рассердится и, чего доброго…

— Ох, нельзя доверять этим непальцам. Если

бы просто ограбили… Они только и думают, как бы кого-нибудь прикончить…

*

— Давно к тому шло, — вздыхала Лола. — Какое-то брожение ощущалось. Никогда здесь мира не было. Когда мы приехали, помнишь, Калимпонг гудел, как улей. Шпион на шпионе. Китайцы называли его гнездом антикитайских экстремистов.

Горы пламенели, из лесу выходили сбежавшие из Тибета монахи. Прибывала тамошняя аристократия, красотки из Лхасы на балу в клубе Джимхана поражали местных своим космополитическим стилем танца.

И, как всегда во время политических передряг, не хватало продовольствия.

*

— Надо на рынок сходить, Нони, пока там хоть что-то осталось. И книги библиотечные менять пора.

— Я так и месяца не протяну, — вздохнула Лола. — Скоро дочитаю. — Она захлопнула книгу «Излучина реки». — Тяжело.

Нони кивнула в сторону книги:

— Отлично пишет. Первоклассный писатель. Давно такой книги в руки не брала.

— Ну, не знаю, — протянула Лола. — Увяз в прошлом, никакого прогресса. Колониальный невроз. Пожизненный. Сейчас другие времена. В Британии курица *тикка масала* вытеснила в забегаловках с первого места рыбу с чипсами. Я в «Индиан экспресс» прочла.

— *Тикка масала,* — повторила она. — Можешь себе такое представить? — И она перенеслась мыслями в Старую Англию. Поля, замки, живые изгороди, живые ежики, шоссе… По шоссе несутся автобусы, велосипеды, «роллс-ройсы», и все пассажиры, водители, седоки рвут зубами курицу *тикка масала.*

— Не хотелось бы с тобой соглашаться, но, быть может, ты права, — уступила Нони. — Почему бы ему не осмотреться, не посмотреть вокруг себя? Почему он не напишет о расовых беспорядках в Манчестере?

— И Англия не та, Нони. Торжество космополитизма. Пикси, например, не носит больше бадж у плеча.

*

Пикси, дочь Лолы — репортер Би-би-си. Лола ездит к ней в госта и после каждого визита ее трудно заставить замолчать.

— Пьеса — блеск, о-о… а земляника со сливками… а-а, земляника со сливками…

*

— Ах-ах, земляника со сливками! Ах-ах, чудесный сад! Как будто в Калимпонге не видывали земляники со сливками! — возмущается восторгами сестры Нони. — И не надо маяться на высоких каблуках да еще язык жевать их дурацким произношением.

— Ноги у англичанок кошмарные, — добавляет присутствующий при разговоре дядюшка Потти. — Как будто из теста недопеченного. Хорошо, хоть брюки стали носить.

Но Лола слышит только себя. Чемоданы ее забиты «Мармай», бульонными кубиками «Оксо», сухими супами «Кнорр», «Афтер-эйт», клубнями нарциссов, огуречным лосьоном «Бутс» и —!!! — бельем «Маркс и Спенсер». Суть сути, квинтэссенция англоманства, «англизированно-

сти», как она ее понимает. Конечно же, королева пользуется этим несравненным бельем.

Она солидна.	И оно солидно.
Она скромна.	Оно тоже скромное.
Она крепка, вынослива.	И оно очень долго носится.
Она без вычур.	Оно тоже без лишних премудростей.

За ними будущее.

Вечерний ритуал новостей Би-би-си ввела Пикси.

— Буду!

— Хузур!

— Добрый вечер... с вами Пияли Баннерджи, «Би-би-си-ньюс».

Люди по всей Индии, слыша индийское имя, произнесенное на *пукка*-инглиш в королевской артикуляции Би-би-си, держатся за животики.

Эпидемии. Война. Голод. Нони фыркала и возмущалась, Лола мурлыкала и гордилась, гордилась, не слыша ничего, кроме стерильной элегантности звуков, рождаемых голосовым аппаратом дочери. Черт с ними, с ужасами!

— Чем скорее ты отсюда уедешь, тем лучше, —

поучала она Пикси когда-то. — Индия — тонущий корабль. И не возражай, дорогая, о твоем благе пекусь. Дверь не все время будет открыта.

Глава десятая

Второй год в Америке Бижу начал в итальянском ресторане «Пиноккио». На плите шипели и булькали чаны с пастой, а из динамиков бархатный баритон опер-премьера распространялся о любви и смерти, о мести и порушенной судьбе.

— Вонючий, — сморщила нос жена хозяина. — У меня, кажется, аллергия на его масло для волос.

Она предпочла бы персонал с задворков Европы: болгар, словаков. С теми хоть что-то общее: цвет кожи, религия, черты лица… Но болгар и словаков не хватало или же они проявляли больше щепетильности в выборе работы.

Хозяин принес мыло, зубную пасту, зубную щетку, шампунь-кондиционер, кусачки для ногтей, пачку ватных подушечек, а главное — дезодорант. Провел инструктаж о безусловной полезности доставленного набора. Помолчали, глядя на лежащие между ними вещи, осознав их интимный характер.

— Что думают в Индии о Папе? — спросил хозяин, желая поднять самоуважение в новом работнике.

— Что ж, ты сделал все, что мог, — утешала его жена через несколько дней, так и не обнаружив в Бижу никаких изменений. — Ведь ты ему даже мыло купил.

*

«Том и Томоко» — вакансий нет.
Паб «Мак-Суини» — работники не требуются.
«Уорк у Фредди»: с велосипеда не свалишься?
Бижу умеет ездить на велосипеде.

*

Сычуанские крылышки с французскими чипсами — три доллара. Жареный рис доллар тридцать пять центов плюс доллар за жареные пельмешки: раскусишь, и жаркий жир увлажнит рот. Роскошь! А это ведь пища бедняков. В этой стране бедняки питаются как короли! Цыплята генерала Цо, императорская ветчина… Все это в корзине, притороченной к рулю. Бижу на велосипеде. Жалкая фигурка, зажатая между рычащими чудовищами: автобусы, фургоны, такси… Бижу жмет на педали, косится на такси, за рулем которого парень, прибывший из Пенджаба. Водитель такси дудит Бижу прямо в ухо, Бижу вздрагивает и

едва удерживает руль. Ту-у-у-у-у-у!!!

Как-то вечером Бижу доставил острый суп и яйца фу-йонг трем индийским студенткам, только что въехавшим в квартиру, освободившуюся после повышения арендной платы согласно изменившимся городским законам. В тот день доведенное до отчаяния население высыпало на улицы, протестуя против ужасающих условий жизни, на которое обрекает бедных людей городская администрация. Музыка, смех, жареные колбаски, импровизированный блошиный рынок, атмосфера праздника. Индийские студентки туманно мечтают когда-нибудь войти в какую-нибудь администрацию, но в этот день они с энтузиазмом присоединились к акции, с жаром поддержали людей, которым сами они казались куда большим злом, нежели эта проклятущая администрация.

Звонок. Дверь открыла улыбающаяся девушка. Сияющие зубы, сияющие глаза за сияющими стеклами очков. Взяла мешок, пошла за деньгами. Атмосфера дома пропитана индийской женственностью: изобилие свежевымытых волос: уютом и покоем дышат шитые золотом шлепанцы «Кольхапури». На столе среди книг и тетрадей громоздкий Ганеш, привезенный из

дому как украшение, а также ради удачи в делах.

— Пусть тогда познакомится с нормальным индийским парнем, который поймет ее индийские капризы, — три присутствующие продолжали обсуждать четвертую, отлучившуюся куда-то девицу.

— Она и слышать не хочет о нормальном индийском парне, выросшем среди нормальных индийских тетушек и их сплетен в нормальной индийской кухне.

— Чего ж она хочет?

— Она хочет ковбоя с рекламы «Мальборо», но с докторской степенью.

Студентки отличались самоуверенностью, присущей очень многим образованным индийским женщинам, любили мимозу, ловко управлялись пальчиками с *дади роти,* свободно чувствовали себя как в сари, так и в шортах для аэробики; *«Нама сте,* тетушка Кузум, *айийе, бетийе, хайийе»* срывалось с их язычков так же легко, как «Fuck you» или «Shit!». Западные прически и «западная любовь» уживались в них с преданностью традиционным церемониям с кучами украшений: зеленые (под изумруд), красные (под рубин), прозрачные (под алмаз). Они с умным видом толковали с канадцами о листопаде, с бухгалтерами

о квартальном балансе, с индусами об Америке, с американцами об Индии, а также с индийцами об Индии и с американцами об Америке. Им удивлялись, ими восторгались — во всяком случае, в Соединенных Штатах, где все еще сохранилось мнение об индийских женщинах как о забитых и всячески унижаемых у себя дома. Их считали выдающимся явлением — и это делало их еще зауряднее, нежели они были до приезда в Штаты.

Проверка заказа: соевый соус, пикантный соус, утиный соус… пирожные… палочки для еды, салфетки, пластиковые ложечки, вилочки, ножички…

— *Дханьявад. Шукрия.* Спасибо. На чай… Вам стоит купить к зиме теплые перчатки.

Яркоглазая девица повторила совет еще и еще раз, так что Бижу мог истолковать это дружелюбие по-разному. Встреча индийцев в чужой стране, где стирается разница в образовании, имущественном цензе, где исчезает пропасть между кастами, традиционная неприязнь между Севером и Югом, Западом и Востоком…

Дверь закрылась. Бижу переполнен смесью ощущений и эмоций: симпатия и неприязнь, голод и жажда. Он оседлал велосипед, но почему-то задержался. Квартира на первом этаже, на окнах

мощные решетки. Девицы тычут пластиковыми ложками в пластиковые контейнеры, где плавают в мутной жиже кошмарные ошметки. Бижу поднес к губам два пальца. Резкий свист — и он, не оглядываясь, нажал на педали, смешался с транспортным потоком Бродвея, распевая во все горло:

— *О йе ладки зара си девани лагти хаи…*

Старая песня, добрая песня.

*

Но вот в «Уорк у Фредди» посыпались жалобы: еду доставили холодной! Зима. Удлиняются тени, удлиняются ночи. Первый снег. Бижу кажется, что он пахнет снегом из морозильника. Под ногой крахмальное похрустывание. На Гудзоне звонко щелкает лопающаяся ледяная корка. Серая река бросает на обитателей города серую сеть одиночества.

Бижу засовывает под рубашку старые газеты — непроданные экземпляры мистера Айипа, доброго газетчика с угла. Под газеты иной раз сует горячую выпечку, вспоминая при этом своего дядю, сохранявшего тепло походного завтрака под одеждой. Но и это не помогает, и однажды, крутя педали велосипеда, Бижу заплакал от холода.

Печаль охватила его, и из груди вырвался стон — протяжный тихий звук, усиливший печаль, убивающий надежду.

*

Вернувшись в свой подвал в Нижнем Гарлеме, он сразу заснул. Здание, как и многие соседние, принадлежит какой-то мутной мафии; сверкающий золотым зубом управляющий сдает съемщикам-нелегалам все, что можно, на помесячной, понедельной, чуть ли не почасовой основе. По-английски этот господин изъясняется немногим лучше Бижу, в таких же пределах владеет хинди и родным испанским, восполняя недостаток слов интенсивной жестикуляцией. Они быстро пришли к соглашению, и Бижу присоединился к контингенту жильцов, заползавших на ночь за распределительный щит, под отопительный котел, на вентиляционные короба, а также в кладовки и иные подвальные закоулки особняка, в котором в лучшие времена обитало какое-то состоятельное семейство. Над входом еще сохранилась облупленная цветная мозаика в форме звезды. В подвале имеется даже вонючий общий туалет с жестяным корытом-мочеприемником. Электрораспределительный щит часто не

выдерживает нагрузки: включит кто-то из жильцов сверху что-нибудь энергоемкое — вылетают предохранители, и здание под многоголосый возмущенный вопль обитателей всех этажей погружается во тьму.

Бижу боялся этого дома. В первый же день его радушно приветствовал при входе некий здоровенный неопределенного облика оборванец.

— Хелло! — промычал он, пошатываясь и протягивая Бижу ладонь. — Меня зовут Джои, и знаешь, я уже набрался под завязку!

Новый ночлег Бижу находился на границе охотничьих угодий этого живописного обитателя великой страны. Впоследствии Бижу неоднократно видел, как охотник отмечает границы своих владений, испуская из мочевого пузыря сверкающую янтарную струю прямо на тротуар. Зимовал он в пузыре из пластиковой пленки, воздвигнутом над вентиляционной решеткой подземки. Пузырь вздымался каждый раз, когда внизу пролетал поезд, и снова вяло опадал. Бижу послушно вложил руку в липкую ладонь развеселого алкоголика. Ладонь сжалась капканом. Испуганный Бижу вырвал руку и побежал прочь. За спиной его раздалось довольное хихиканье.

*

— Все холодное! — возмущалась телефонная трубка. — Суп опять замерз. Рис каждый раз холодный.

— Я тоже замерз, — потерял терпение Бижу.

— Быстрей крути педали! — потребовал хозяин.

— Не могу быстрее!

*

С «Фредди» он распрощался после часу ночи. Уличные фонари, окруженные призрачным сиянием, освещали кучи снега, помеченные желтыми пятнами собачьей мочи, и кучи собачьего дерьма между ними. Поблескивали жестянки из-под пива и пустые пластиковые бутылки. Уличный декор цивилизованного поселения. Никого. Нет, вон в будке мертвого телефона-автомата стоит сумасшедший бомж-охотник и орет в трубку:

— Пять, четыре, три, два, один… ПУСК!

Он запускает трубку в стенку, выскакивает из будки и бежит прочь, придерживая рукой шляпу, как будто спасаясь от дымно-пламенного выхло-

па запущенной им ракеты.

Бижу автоматически переставляет ноги. Шестой из одинаковых, похожих на могильные камни фасадов. Крысы скребут когтями, шарят в металлических мусорных контейнерах. Вниз, в подвал.

— Ох как я устал, — стонет он еле слышно.

Человек рядом с ним ворочается, извивается во сне, как будто его поджаривают. Кто-то подальше скрипит зубами.

*

Когда он снова нашел работу — в булочной-кондитерской-пекарне на углу Бродвея и Ла-Салль, — денег в конверте, бережно сохраняемом в «сберегательном носке», почти не осталось.

Весна, снег тает, отмерзшие лужи мочи растекаются по мостовым мегаполиса, капают в уличную канализацию. Столики городских забегаловок высыпали на тротуары, стулья приглашающе цепляют прохожих за юбки, куртки и пиджаки. Народ пользуется промежутком между адским холодом зимы и адской жарой лета, закусывает альфреско под цветущими вишнями. Женщины в кукольных платьях с аляповатыми бантами и лентами болтают с уличными приставалами,

запахи кухни смешиваются с вонью автомобильного выхлопа, восходящие потоки воздуха из вентиляции метро лезут теплыми пальцами под юбки и щекочут воображение: «как Мэрили-и-ин Мо-онро-о-о-о…».

Мэр обнаружил крысу в Грэйси-Мэншн.

Бижу в пекарне «Королева тортов» знакомится с Саид-Саидом, самой авторитетной для него личностью в Соединенных Штатах Америки.

— Я из Занзибар, не из Танзания, — подчеркивает Саид-Саид, представляясь.

Бижу не слыхал ни о Занзибаре, ни о Танзании.

— Где это?

— Знаешь, в Занзибар полно индусов! Моя бабка индуска.

В каменных джунглях они едят *салюсас* и *чапатис, джалебис,* рисовый *пилав…* Саид-Саид поет как Амитаб Бакхан и Хема Малини.

— *Мера джута хаи джапани…*

или:

— Бомбей *се айа мера дост — Ой!*

К нему присоединяются Кавафья из Казахстана и Омар из Малайзии, они втроем вращают бедрами и лихо отплясывают перед аудиторией, состоящий из одного зрителя. Бижу горд до бес-

памятства: индийское кино шагает по планете.

Глава одиннадцатая

Понедельник, среда, пятница — дни занятий. Нони обучает Саи.

Повар приводит ее и забирает, а в промежутке навещает рынок и почту. Продает свой *чанг.*

Начал он бражный бизнес ради Бижу. Зарплата его почти не изменилась за многие годы работы. Последняя прибавка — двадцать две рупии.

— Но, сахиб, как жить на такие деньги?

— Чего тебе не хватает? Жилье, одежда, пища, лекарства — все есть. Что еще, — ворчал судья.

— А Бижу?

— Что Бижу? Бижу уже вырос, пусть зарабатывает. Нормальный парень, здоровый.

Повар всегда добросовестно относился к работе. Он купил просо, вымыл и сварил его, как обычно варил рис, добавил дрожжей и оставил на ночь бродить. Зимой бродильный процесс требовал больше времени. За два дня в джутовом мешке напиток приобретал вкус и аромат, перемещался в забегаловку Гомпу. Приятно посмотреть, как люди сидят за столиками и прикладываются к бамбуковым кружкам с его продукцией, цедят

его бузу через бамбуковую трубочку вместо соломинки, ах, приятно! Повар советовал своим потребителям ставить возле себя на ночь кружку — полезно для здоровья! Одно к другому, повар познакомился с «коллегами», стал существенным, хотя и незаметным, звеном в цепи сбыта армейского спиртного и горючего. Хижина его располагалась очень удобно для такого занятия. В оговоренное время он поджидал в кустах. Армейский грузовик останавливался, ящики и канистры сгружались, переносились в его сарай, следуя затем по назначению для реализации через городские лавки. И всем что-то перепадало. Чуть-чуть повару, побольше — водителям, еще больше кому-то в офицерской столовой и где там еще у этих, у военных… Больше всех получал, разумеется, майор Алу, друг Нони и Лолы, из тех же каналов поставлявший им их любимый «Black Cat» и шерри-бренди из Сиккима.

*

Повар старался ради Бижу. Сказать по правде, и ради себя самого. Тянуло его ко всему современному. Электротостеры, электробритвы, часы, фотокамеры, многоцветие мультфильмов… И снилась ему не фрейдовская символика, а ка-

кая-то высокотехнологическая смесь: цифры телефона, улетающие из-под пальцев, взрывающийся помехами телевизионный экран…

Ужасно страдал он от того, что не мог гордиться домом хозяина. Другие повара и служанки, садовники и охранники любили побахвалиться, как хозяева их на руках носят. Пенсию в банк откладывают. Не надышатся, работать не дают. Крем да маслице на тарелочке. Сторож «железного купца» вон рассказывает, что каждое утро ему яйцо жарят. С белым хлебом, когда мода была на белый, а теперь с черным, потому что вдруг решили, что черный полезнее.

Соперничество на рынке междоусобного вранья было столь ожесточенным, что повар решил принять меры. Он грелся в лучах прошлой славы судьи — следовательно, своей собственной. Про современность много не наврешь, сразу уличат. Судья — великий государственный деятель, рассказывал он собеседникам. Крупный землевладелец, лишившийся собственности. Борец за свободу, отказавшийся от власти ради справедливости. Патриот, он не желал упекать за решетку парней из Конгресса и арестованных демонстрантов. Сломленный гигант духа, опечаленный кончиной горячо любимой жены,

сидит и философствует целыми днями. Жена тоже превращалась в рассказах повара в эталон материнства и набожности.

Повар с женой судьи не встречался, поэтому пришлось сочинить, что слышал о ней из надежных уст, от прежних слуг дома. Мало-помалу он и сам поверил своему мифотворчеству, способствующему самоутверждению даже при переборке покупаемых со скидкой подгнивших овощей или пятнистых лежалых дынь.

— Совершенно иным был, — рассказывал он Саи. — Даже не верится. В очень богатой семье родился.

— Где родился?

— В Гуджарате. Ахмадабад. Или Барода. Большой-большой *хавели,* настоящий дворец.

Саи нравилось его слушать, она специально приходила в кухню. Повар доверял ей раскатывать тесто в *чапати* и показал, как скатывать круглые шарики. Из-под ее рук все равно выходили какие-то странные кривулины.

— Груша какая-то… или нет, на Индию похожа, — отбраковывал повар ее продукцию. — А эта на Пакистан.

В конце концов он позволил ей сунуть одну на очаг. Вздуется или нет? Нет, ничего не вышло.

— Что ж, собачий деликатес. Шамка полакомится.

Он разрешал Саи намазать джем или натереть сыр для соуса, а она просила:

— Расскажи еще.

— Его послали в Англию. Десять тысяч человек провожали. Он на слоне приехал. Стипендию магараджи получил.

Болтовня повара донеслась до ушей судьи, застывшего над шахматами в гостиной. Вспомнив о прошлом, он почему-то ощутил зуд. Кожа нестерпимо чесалась.

*

Джемубхаи Попатлал Пател родился в семействе крестьянской касты, в домишке под крышей из пальмовых листьев, в которой постоянно шуршали и пищали многочисленные грызуны. Домишко затерялся на окраинах Пифита, где стиралась пресловутая грань между городом и деревней. Он явился на свет в 1919 году и еще помнил время, когда Пифит еще казался поселением вневременным. Город принадлежал когда-то властителям Геквад из Барода, затем пришли англичане, но кто бы ни собирал с населения положенную дань, облик поселения не

менялся. В центре все так же торчал храм, рядом многоколонный — многокорневой — храм баньянового дерева, под сенью которого недвижно восседали белобородые старцы, усердно роясь в своей многослойной памяти. Коровы мычали свое вековечное «У-у-у-у! У-у-у-у!», женщины плыли по пыльной тропинке мимо хлопковых полей к мутной реке, спокойной, неторопливой, казалось, заснувшей.

Но вот по солончакам вытянулись две длинные полосы блестящего железа, паровозы потащили тюки хлопка к причалам Бомбея и Сурата. Вдоль преображенных улиц выстроились ровными рядами новые дома, над которыми вознеслись храмы администрации, здание суда с часами на башне, указывающими новое, быстро бегущее время. По улицам теперь сновал люд пестрый, зачастую необычный: индусы, христиане, джайнисты, мусульмане; солдаты, клерки, женщины из племенной глубинки. В шатких сарайчиках рынка совершались сделки между купцами планеты от Кобе до Панамы; Шанхай, Манила, Порт-о-Пренс… бизнес не уважал государственных границ. Бизнес не уважал и границ закона, границ нравственности. Поэтому в одном из уголков рынка, рядом с прилавком зеленщика и под

краешком его навеса, отец Джемубхаи торговал лжесвидетельскими показаниями. Кто мог тогда подумать, что его сыну суждено стать судьей?

Не столь важно, каков предмет судебного разбирательства. Ревнивый муж отрезал нос бедной жене, живую вдову объявили мертвой, чтобы разделить наследство между нетерпеливыми родственниками…

Клиенты инструктировались, с ними репетировали ход процесса.

— Что вы можете сказать о быке Манубхаи?

— Да что сказать, ваша честь… Не было никакого быка у Манубхаи!

Влиять на правосудие, искривлять пути его, менять правду на ложь и ложь на правду… Эти действия не оставляли места для чувства вины, вызывали законную гордость. Попробуй, копни поглубже… До того, как возбуждено в суде дело о краже коровы, соперничающие семейства враждовали сотни лет, за это время накопилось столько инцидентов, столько аргументов, что распутать клубок первопричин, эмоций и действий нет никакой возможности. Правдивый ответ может оказаться противным истине, ложным по сути.

Лжесвидетельский бизнес процветал. Ловкий

делец купил подержанный «Геркулес» за тридцать пять рупий и колесил по городу, ускоряя дела. Когда родился первый и единственный сын, отец сразу увидел в нем наследного принца. Маленький Джемубхаи уверенно обхватил пятью пухлыми пальчиками указательный палец отца, увидевшего в этом жесте доказательство силы и доброго здравия. Когда сын подрос, его отдали в миссионерскую школу.

*

Каждое утро мать затемно будила Джемубхаи, чтобы он успел повторить уроки.

— Ну, еще чуть-чуть… Спать хочу, пожалуйста! — умолял сын, не открывая глаз, изворачиваясь и вырываясь. Мать выдергивала его из постели так толком и не проснувшимся. Это предрассветное время так и не стало для него своим, эта предутренняя тьма дакойтов и шакалов, странных ночных звуков, не предназначенных для ушей младшеклассника епископской Хлопковой школы. Вставал он, ничего не видя перед собой, но знал, что окружен спящей родней, свисающими с потолка и с карнизов связками, свертками, пучками разных цветов и очертаний, привязанными к деревьям буйволами с метал-

лическими кольцами в носу. Невидимая мать поливала его холодной водой, растирала сильными натруженными руками, втирала в волосы масло, старалась освежить его спящее сознание, но Джему казалось, что руки матери выдавливают мозг из головы.

Кормили его как на убой. Каждое утро мать подносила к его губам полную миску молока, подернутого золотистыми блестками жира, и заставляла выпить до последней капли. Сливки в животе, в голове мысли о школе, на шее — разукрашенный красными и желтыми метками *тика* мешочек камфары, чтобы отогнать заразу. Отец сажает его на багажник велосипеда и доставляет в школу.

При входе — портрет королевы Виктории. Платье как будто из здоровенного занавеса, на голове кружевной чепчик. Величественное выражение ее жабьей физиономии внушало Джемубхаи удивление несоответствием внешности монархини и могущества ее империи. Чем больше он удивлялся, тем больше проникался уважением к королеве и к Англии.

Под эгидой бородавок Ее Величества Джемубхаи вызрел в чудо местного масштаба. Он мог прочитать страницу, закрыть книгу и оттара-

банить прочитанное чуть ли не слово в слово. Числа в его голове складывались и умножались как будто сами собою, ответ выходил чистеньким и обработанным, как с фабричного конвейера. Зрение отца при взгляде на сына затмевали радужные вспышки ослепительных видений.

Джемубхаи стал центром семьи, объектом любви, почитания — и откармливания. Дочери отошли на второй план.

Сам вундеркинд, однако, не спешил определить свои устремления, про гражданскую службу первым упомянул отец.

*

Парню четырнадцать, он первый по всем предметам. Мистер Мак-Куи, директор школы, пригласил отца Джемубхаи и предложил представить сына на конкурсный экзамен, позволяющий занимать должности в колониальной администрации.

— Способный парень. Ему бы в суде работать.

Отец и сам над этим задумывался. Не просто в суде ему работать, а судьей! Его сын преодолеет иерархические барьеры. Его голову может украсить дурацкий белый парик. Судья — сын, отец за кафедрой свидетеля. Они вместе будут вершить

это смехотворное правосудие.

*

Отец посвятил в свои планы сына. Их фантастичность заразила Джемубхаи. Именно эта наивная оторванность от почвы помогла мечтам отца и сына воплотиться в жизнь. Рекомендованная квота местных жителей в штате гражданской службы — пятьдесят процентов. Цифра недостижимая в верхних эшелонах власти. В нижних звеньях она перевыполнена с лихвой, здесь надеяться не на что. Чем выше, тем жиже представлено туземное население.

*

Джемубхаи получил стипендию для обучения в епископском колледже, по окончании которого отбыл в Кембридж на судне «Стратнейвер». По возвращении направлен в далекий штат Уттар-Прадеш.

*

— А слуг — тучи! — уверяет повар. — Сейчас вот я один остался.

Он начал работу в возрасте десяти лет, на жалованье в половину этой цифры. Пять рупий, самый мелкий подсобник *чокра* в кухне клуба. Помогал отцу, работавшему там же поваром-кондитером.

В четырнадцать лет — следующая ступень карьеры. Судья нанял его за двенадцать рупий в месяц. В те времена еще было весьма важным знать, что если привязать к туловищу коровы, перегоняемой на соседнее пастбище, горшок со сливками, то к концу дня в горшке окажется свежесбитое масло. Что мясо можно хранить в подвешенном за ручку зонтике, закутав его москитной сеткой.

*

— Все время в разъездах, Саи-беби. Три недели из четырех. Только уж когда совсем дожди донимали… Дедушка ваш сам машину вел. Только ведь дорог-то, сами знаете… Ни асфальта, ни мостов. Часто на лошади приходилось, верхом. Где речка глубже, течение быстрое — и на слонах. Мы всегда перед ним прибывали, с обозом, на волах. Мебель везли, фарфор, ковры, палатки — все, что надо. Носильщики, курьеры, стенографист… Печка для палатки-ванной. Даже *мурга-мурги* в клетке под телегой. Не наши *мурги*, привозные,

и яиц от них больше было, крупные такие…

*

— Где вы спали?

— Всегда палатки ставили. Для дедушки вашего большой шатер, с палатками для ванной, гардеробной, столовой. Кашмирские ковры, серебро… Дедушка ваш к обеду всегда переодевался, даже в джунглях. Смокинг, галстук-бабочка… Да… А мы вперед спешили, и когда дедушка ваш прибывал, все уже готово было, и все дела на тех же местах, на тех же страницах, как он на прежнем месте оставил. А если что не так — ох и сердился же он! И все по часам, все по расписанию, так что все мы научились часы читать. В половине пятого я подавал вашему дедушке обеденный чай на подносе…

«Бедный чай», послышалось Саи, и она звонко рассмеялась.

*

Судья по-прежнему, с тем же непроницаемым выражением лица глазел на шахматную доску, но горечь британских воспоминаний исчезла. Теперь он обратился мыслями к гастрольному

периоду своей гражданской службы.

*

Жесткий график бодрил, обширные полномочия ласкали самолюбие. Судьба вознесла Джемубхаи выше тех, кто веками помыкал его предками. Стенографист, например, из касты браминов. Вон он, вползает в свою крохотную палатку. А Джемубхаи укладывается в резную тиковую кровать, плотно занавешенную москитной сеткой.

Повар с утренним чаем.

В половине седьмого ванна. Вода нагрета на открытом огне, отдает дымком, на поверхности плавает пепел. Пудра на лицо, помада на прическу. Похрустывает подгоревший на открытом огне тост, обильно намазанный мармеладом.

В полдевятого — выезд в поля. Свита из местного начальства, присоединяются все заинтересованные и просто зеваки, жаждущие насладиться священнодействием властных персон. Прислужник прикрывает Джемубхаи зонтом. Замеры полей, проверка соответствия документации и реальности. Местные поля дают не больше десяти маундов риса или пшеницы с акра. Кинь по две рупии на маунд — и вот чуть не вся де-

ревня в долгу у *банья.* Но никто не ведает о том, что сам Джемубхаи все еще в долговой кабале, что в далеком Пифите, штат Гуджарат, сидят на рынке, почесывают пятки и ждут очередных платежей заимодавцы, вложившие деньги в его образование.

Два часа пополудни. Судья принял пищу и сидит за своим столом под деревом, обычно в дурном расположении духа. Ему не по душе неподобающая фамильярность обстановки, непочтительная дырявая тень листвы придает сцене какой-то гротескный оттенок. Более существенные сложности состоят в том, что слушание дел ведется на хинди, стенографист записывает на урду, а затем судья, не слишком сведущий в хинди и урду, переводит переписанные стенографистом начисто протоколы на английский. Неграмотные свидетели безропотно прижимают подушечки больших пальцев к бумаге под напечатанным: «записано с моих слов верно и мною прочитано». Никто не измерит того, сколько истин исчезает между языками, между языком и неграмотностью.

Несмотря на смешение языков и дырявую тень листвы, авторитет судьи рос благодаря его собственной речи, которая, казалось, не принад-

лежала ни к одному из существующих языков, и недоступному, непроницаемому выражению лица. Эти свойства и обеспечили ему карьеру вплоть до председателя суда в Лакхнау, где его раздражали уже вездесущие и везде гадящие голуби, не признающие никаких законов. Он сурово восседал в своем судейском кресле, увенчанный белым пудреным париком, с белым пудреным лицом, сжав в кулаке деревянный молоток.

Таким он и выглядит на фото, которое и по сей день висит на стене в его доме, символизируя прогресс индийского права и законопорядка.

В полпятого чай с оладьями, поданными на сковородке, горячими. Приступал он к этой трапезе нахмуренным, как будто рассерженным, но вместе с оладьями исчезали и морщины, приходил покой, наступало умиротворение.

Половина шестого. С ружьем и удочкой судья направляется на прогулку. Местность кишит дичью. В воздухе проносятся стаи перелетных птиц, в траве копошатся перепелки и куропатки, в кустах шебуршат глупые толстые фазаны, как будто созданные для того, чтобы их подстрелили. Гром выстрела, за которым следует оглушительная тишина, сопровождающая любое насилие, — и ничего. Отсутствует изюминка это-

го наслаждения, венец действия, доказательство мужественности.

Промах! Опять промах.

Стрелок он никакой.

В восемь вечера повар спасает его репутацию, подавая жареную курицу в качестве «жареного бастарда», коверкая английский в полном соответствии с любимым чтением англичан, с книжкой примеров неправильного использования английских слов туземцами. Поглощая «жареного бастарда», судья чувствует, что эта шутка задевает и его, наглого выскочку. Он требует еще рома, большим глотком запивает куриное мясо, как будто пережевывает самого себя.

Ровно девять. Потягивая шоколадный напиток «Оувалтин», судья просматривает дела и заполняет формуляры. Фонарь «Петромакс» светит и шумит, гудит с подвыванием — ох как шумит! На фонарь пикируют мягкие лепестки ночных бабочек, жужжащие еще громче фонаря бронированные жуки. Строки, колонки, квадраты. Судейская правда в мелких дозах. Гомеопатические дозы истины складываются, громоздятся одна на другую — и вот вам еще одна крупная, осязаемая, освященная подписями и печатями ложь. В дневнике, тоже предъявляемом впоследствии

начальству, судья излагает свои наблюдения и рассуждения, выводы проницательного и образованного аналитика, изучавшего не только юриспруденцию, но и экономику, литературу. Охотничий триумф — две куропатки и олень с рогами в тридцать дюймов!

Одиннадцать. Грелка зимой, впрочем, в любое время года — отход ко сну.

*

Работу у Джемубхаи повар ощущает как унижение. Вот отец его работал только на белых!

В индийской гражданской службе индийцев все больше и больше. Старым слугам это не нравится, да что поделаешь… Вон даже соперник появился, с рекомендациями собственными, отца и деда, подтверждающими честность и толковость этой династии поваров.

Отец повара, сам такими рекомендациями не пользовавшийся, купил для сына пару невразумительных хвалебных грамот, настолько древних, что в них упоминались пирог *дхоби* и цыплята а-ля пейзан по-капитански.

— Но ведь твоего сына зовут не Соломон Паппия. Не Самсон. И не Томсон.

— Его все господа так любили, — заверял отец

повара, — что называли именами своих близких. Очень любили.

Судья скривил губы.

— Ну, надо ему еще подучиться, так что, пожалуй, уступлю дешевле, — вздохнул отец повара и сбавил цену с первоначальных двадцати рупий. — А пудинг лучше, чем он, никто не приготовит. У него на каждый день года новый пудинг будет.

— Да ну?

— Банановыеоладьиананасовыеоладьияблочныеоладьияблочныйсюрпризяблочнаяшарлоткаяблочноягодныйсливочныйджемовыйторткарамелевыйкремромовыйпудингджемовыйпудингимбирнофиниковыйпудинголадьислимономяичныйкремапельсиновыйкремкофейныйкремземляничныйкремманговоесуфлелимонноесуфлекофейноесуфлешоколадноесуфлекрыжовниковоесуфлешоколадныйпудингкокосовыйпудингмолочныйпудингромбабабрендибабагуававжелесливавжелеяблочногрушевоежелеперсиковоежелеабрикосовоежелеманговоперсиковошоколадныйтортяблочныйтортлимонныйторткрыжовниковыйтортджемовыйтортбебинковыйплавучийостровяблочноананаснаямешанкакрыжовниковосливоваямешанкаперсиковоаб-

рикосоваямешанкасизюмом…

— Ладно, ладно, уймись.

Глава двенадцатая

Так и текла жизнь Саи в Калимпонге. Лоли и Нони, дядюшка Потти и отец Бути, судья и повар… пока она не встретила Джиана.

А встретила она его, потому что однажды, когда ей исполнилось уже шестнадцать, Нони вдруг поняла, что ее знания по физике исчерпаны.

Случилось это жарким летним днем. Они сидели на веранде «Мон ами». Жара задавила людей. Крыши раскалились на солнцепеке. Обмякшие змеи вялились на камнях. Дядюшка Потти косился на дрожащую дымку. Масло капельками поблескивало на его носу, на салями, на сыре. Кусок салями, кусок сыра, глоток ледяного «Кингфишера»… Он откинулся и потянулся. Голова в тени, ступни на солнце. Дядюшка Потти блаженно прикрыл веки. Все в порядке в этом мире, все в равновесии. Жара и холод, твердое и жидкое, солнце и тень.

Отец Бути на своей молочной ферме воспарил мыслями под мерное жевание коров. Какой сыр получится из молока яка?

Афганские принцессы вздохнули и решили

отобедать холодными цыплятами.

Госпожа Сен, невзирая на жару, торопилась в «Мон ами» сообщить последние новости от своей дочери Мун-Мун из далекой Америки. Ее вот-вот примут на Си-эн-эн! Госпожа Сен представляла, какую физиономию скроит эта зазнайка Лола. Да кто она такая, эта Лола Банерджи? «В эфире „Би-би-си-ньюс“!» Подумаешь, дочка на Би-би-си, важность какая!

Не подозревая о надвигающейся угрозе, Лола собирала урожай гусениц с капусты брокколи. Она поднесла одну из пленниц к глазам. Бело-зеленая окраска, фальшивые синие глаза-обманки, смешные толстенькие ножки и слоновий хоботок. «Какая прелесть!» — подумала Лола и швырнула красавицу прыгающей неподалеку птичке. Птичий клюв проткнул кожу чудесного создания, из дырки выдавилась зеленая начинка, похожая на зубную пасту.

На веранде «Мон ами» Нони и Саи застыли перед открытым учебником. Нейтроны… Протоны… Электроны… Если… — то… Что?

Они еще не постигли глубины проблемы, как уловили приближение ее решения. На веранду надвигался подвешенный в воздухе рой мошек, мечущихся в пределах ограниченного

невидимой оболочкой объема. Ответ давался не средствами науки, скорее, в результате действия какой-то магии. Они отложили книгу в сторону. На веранду «Мон ами» поднялся пекарь. Снял с головы короб, открыл. Снаружи потертый короб выглядел не слишком привлекательно; открытый, он напоминал сундук с сокровищами. Швейцарские рулетики, королевские пирожные, испеченные по миссионерскому рецепту сливочно-арахисовые корзиночки… Из короба дохнуло диснейлендовской Америкой, лихой и бесшабашной.

Они выбрали желтую и розовую корзиночки. Можно отдохнуть и поболтать.

— Сколько тебе лет, Саи? Пятнадцать?

— Шестнадцать.

Сразу не угадаешь, подумала Нони. Она выглядит то старше, то младше. Младше, потому что ведет такой замкнутый образ жизни, а старше, потому что общается со стариками, с пенсионерами. Нони окинула девушку критическим взором. Штаны защитного цвета, футболка с лозунгом «Свободу Тибету!». Ноги босые, две короткие косички не достают до плеч. Нони и Лола только накануне обсуждали, как губительно сказывается на Саи ее образ жизни.

— Никаких навыков общения… Ни одного сверстника вокруг… В доме только старики…

*

— Тебе не скучно жить с дедушкой?

— Повар так много рассказывает… Развлекает.

Вот-вот, все с поваром и с поваром. Если бы не они с Лолой, Саи уже опустились бы до уровня прислуги.

— И что же он тебе рассказывает?

— Разное… О деревне своей… Как жена умерла, как с братом судился. Надеюсь, Бижу заработает много денег. Их семья самая бедная в деревне. Домик до сих пор соломой крыт.

Нони упомянутая тематика вовсе не понравилась. Всегда следует соблюдать дистанцию между классами. Нарушение этого древнего правила вредит обеим сторонам. Слуги вбивают себе в головы опасные идеи, начинают желать несбыточного, становятся ворчливыми и ненадежными. Лола и Нони постоянно сдерживают свою служанку, Кесанг, склонную к откровениям. Не успеешь оглянуться, и вот ты уже сблизился с прислугой на недопустимое расстояние. Нони вспомнила, как они с сестрой недавно настолько заинтересовались романом их служанки с молоч-

ником, что не смогли вовремя остановить поток ее излияний.

— Он такой хороший, — щебетала Кесанг. — Я-то шерпа, а он rai. Но я наврала родителям, сказала, будто он bhutia, и нам разрешили пожениться. Семья-то у него еще та, им и того давай, и этого… Но у нас свадьба не такая была. Он за моими родителями ухаживал, когда они заболели. И мы друг дружке поклялись, что он меня не оставит и я его не оставлю, никогда-никогда. Оба поклялись. Он не умрет и меня не оставит, и я не умру и его не оставлю. Еще до того, как поженились, поклялись.

И Кесанг прослезилась. Кесанг, с темно-желтыми, торчащими в разные стороны зубами, со смешным узлом волос на макушке, в растрепанной засаленной одежде, они взяли из жалости, совершенно ничего не умеющей, научили готовить индонезийское *came* на арахисовом масле под соевым соусом, с кисло-сладким кетчупом и уксусом, венгерский гуляш с помидорами и творогом. Любовь служанки выбила сестер из колеи. Лола была уверена, что служанки не могут испытывать таких чувств, как, например, она сама.

— Структура их отношений построена совершенно иначе, — проповедовала она. — Гораздо

прагматичнее, на более практической основе, если можно так выразиться.

Лола даже погрузилась в анализ своих отношений с покойным супругом. Никогда им с Джойдипом и в голову бы не пришло пускаться в подобные взаимные заверения. Какой в них смысл? Что же, в таком случае она не испытала настоящей любви? Она выкинула из головы эту мысль и более к ней не возвращалась.

*

Нони за свою жизнь не испытала вообще никакой любви. Да и бесед-то на эту тему не вела ни с кем. Она не пламенела на калькуттских вечеринках, не дрожала так, что льдинки звенели о стакан с содовой, не бросалась в атаку под пиратским флагом страсти и не замирала от робкого обожания. Да и ненависти ни к кому не испытывала, горечи, глубокой печали. Ничего серьезнее легкого раздражения, когда кто-то, вместо того чтобы высморкаться, хлюпал да хлюпал носом, загоняя свисающие сопли в носоглотку.

И вот теперь она испытала ужас, заподозрив себя в ревности к этому жалкому созданию, к служанке-шерпа по имени Кесанг. Где-то в канцеляриях судьбы произошла ошибка, чувство

направлено по ложному адресу.

А Саи? Кто полюбит ее?

Встретив робкую Саи, Нони узнала в ней себя. Вот что происходит, когда чуткое незрелое создание бросают в свирепые челюсти неуклюжей воспитательной системы. Нони обучалась в детстве в подобном пансионе. Единственный способ спастись — замкнуться в себе, уйти в подполье, не бросаться в глаза. Или ты пропала.

Уверенность в себе пришла к Нони слишком поздно. Жизнь прошла мимо. И если этой девушке вовремя не подсказать, с ней произойдет то же самое.

*

— Неужели тебе не хочется встречаться со сверстниками?

Но Саи мялась и робела. Вот путешествовать ей хотелось.

Чтение будоражило ее. Она читала все больше, все быстрее, она жила прочитанным. «Убить пересмешника», «Сидр с Рози», «Жизнь с отцом» из клубной библиотеки Джимхана… Иллюстрации «Нэшнл джиографик» — джунгли Амазонки, просторы Патагонии, жители глубин и небес, простая японская хижина в снегу — они притягивали ее,

зачаровывали настолько, что Саи даже не замечала сопровождающих фраз. Она вспоминала родителей, отца, которого совершенно не помнила, его стремление к звездам. Рассматривала снимки из космоса. Протуберанец, вздымающийся с поверхности Солнца. Может быть, и в ней заложены скрытые возможности, способность оторваться от повседневности?

Чо-Ойю и образ жизни судьи в этом отнюдь не убеждали.

— Я иногда жалею, что живу не у моря, — вздыхала Нони. — Там, по крайней мере, волны никогда не затихают.

Она забыла, как в молодости всматривалась в горы, зачарованно впитывая в себя их вечный покой.

— Гималаи когда-то были под водой, — заметила Саи. — На Эвересте нашли окаменевших аммонитов.

Они вновь открыли учебник физики.

И снова отложили его.

*

— Послушай меня, девочка, — сказала Нони. — Если тебе выпадет в жизни шанс, не упусти его. Я слишком долго медлила в молодости. Мечтала

стать археологом. Читала книги о Тутанхамоне в Британском совете. Но родители меня не поняли. Отец старой закалки, привык распоряжаться, а слушать не научился… Больше полагайся на себя.

*

Еще раз взялись за физику.

«Боюсь, я исчерпала свои возможности в математике и физике. Саи требуется более квалифицированный наставник», — говорилось в записке Нони, которую Саи передала судье.

— Что за безответственность, — ворчал судья, измотанный жарой. Вечером он продиктовал Саи письмо директору местного колледжа:

«В случае, если в колледже имеется преподаватель или студент старшего курса, готовый давать уроки по физике и математике, прошу учесть нашу потребность в занятиях по упомянутым курсам».

Глава тринадцатая

Не прошло и нескольких недель, как директор ответил, что мог бы порекомендовать способного студента, окончившего колледж со степенью бакалавра, но еще не нашедшего работу.

Этим студентом оказался Джиан, тихий парень, окончивший отделение бухгалтерского учета, надеявшийся, что операции с числами дадут ему желанное успокоение. Ожидаемого успокоения он не дождался. Чем глубже зарывался Джиан в колонки и ряды чисел, тем больше находил позиций, с которых точная наука взлетала в какие-то туманные выси. Дорога его освежила и вдохновила, хотя затратил он на подъем к Чо-Ойю от своего жилища в Бонг-Бусти целых два часа.

*

Саи неохотно оставила «Нэшнл джиографик» ради занятий с Джианом. Повар собрал в столовой необходимый для занятий инструментарий: ручки, линейку, глобус, бумагу, готовальню, карандаши с точилкой. Ему казалось, что он создал в этом уголке атмосферу клиники или аптеки,

где на полках, подобно священным статуэткам, поблескивали бутылочки с таинственными обозначениями, где сверкал никель и белели одежды аптекаря или врача.

Повар вошел в аптеку осторожно, как будто стараясь не нарушить равновесия сфер, ибо вера в сверхъестественное внедрилась в его сознание еще прочнее веры в науку.

— Да-да, понимаю, понимаю, — приговаривал он, хотя ничего не понимал. Почтительным тоном, уважая доктора и свои недуги, перечислил признаки своего недомогания.

— На горшочек пять дней не ходил, во рту вкус нехороший, ноги-руки — тан-тан, тан-тан! — а иногда чан-чан, чан-чан!

— Что это такое — тан-тан и чан-чан?

— Чан-чан — это когда щиплет, колет. Тан-тан — ломит, ох ломит…

— А сейчас что, чан-чан?

— Нет, ТАН! ТАН!

Следующее посещение.

— Ну как, лучше стало?

— Лучше, лучше. Только…

— Тан-тан?

— Нет, доктор. — Пациент очень серьезен. — Чан-чан.

Он выходит на улицу с лекарствами. Бутылочки придают уверенность, вера в прогресс и в науку повышает самоуважение. Но тут же навстречу попадется Кесанг или больничный подметальщик. Пли сторож «железного купца». И тут же начнется причитание:

— У-у-у, теперь тебе не на что надеяться. Теперь только *пуджа,* а это столько рупий, бешеные деньги!..

Или так:

— Ой-ой-ой, знаю я такой случай! Точно то же, что и у тебя. Давно уж его земля не носит, беднягу.

Домой он возвращается, не веря ни в прогресс, ни в науку, и сам начинает причитать:

— *Хаи, хаи, хамара кия хога, хаи, хаи, хамара кия хога…*

На следующий день он снова появляется у врача, чтобы вернуть уверенность.

*

Стремясь все к той же уверенности и разумности, повар внес в столовую чай и жареные тосты с сыром и красным перцем, присел на скамеечку возле двери, поглядывая на Саи и учителя, одобрительно кивая уверенным рассуждениям

учителя, сопровождающим решение задачи. Верность решения подтвердил ответ, приведенный в конце учебника.

Наивный повар! Не понял он, что уверенность рассуждений проистекала не из веры в науку, а из желания успокоить раскачивающиеся стены помещения, унять волны неуверенности и дрожь в руках. Не видел повар, что склонившимся над задачником молодым людям угрожает бездна, подобная той, которую открывает накатывающийся на мир вечер. И верный ответ задачки не удержит их на краю этой бездны. Разочарованный бессилием науки, учитель, боясь поднять глаза на столь опасную ученицу, сбежал, едва дождавшись окончания двух часов занятий.

*

— Странно, что учитель непалец. Я думал, он будет бенгальцем, — поделился повар своими размышлениями с Саи.

— Угу, — промычала Саи. Она думала о том, как она выглядела и какое впечатление произвела на учителя. Ей новый наставник показался очень умным. Серьезный вид, красивый низкий голос… Только вот губы пухлые, несерьезные. И прическа смешная. Сочетание серьезности с комичностью

ей понравилось.

— Бенгальцы очень умные, — продолжал рассуждать повар.

— С чего ты взял? Они с тобой, конечно, согласятся.

— Все дело в рыбе. Народ с побережья умнее жителей глубинки.

— Кто тебе сказал?

— Все это знают. Они рыбу едят и потому очень умные. Бенгальцы, малайцы, тамилы. А остальные зерно едят, оно долго переваривается… Особенно просо. В животе тяжесть, вся кровь туда идет, а не в голову. Непальцы хорошие солдаты, кули, но ученые из них никудышные. Они в этом, конечно, не виноваты, бедняги.

— Иди съешь рыбы, может, поумнеешь. Глупость за глупостью сегодня от тебя слышу.

— Вот, люди добрые, — заныл повар, — я ее как дочь родную воспитываю, а она меня дураком кличет…

*

Вечером Саи засела перед зеркалом. Во время занятий она все время ощущала внимание учителя, но когда поднимала на него глаза, он сразу отводил взгляд в сторону.

Иногда Саи считала себя весьма симпатичной, но, присмотревшись, решила, что красота — штука текучая, неуловимая. Только на ней сосредоточишься — и тут же все пропало, впечатление ускользнуло. И вместо того чтобы попытаться эту ускользающую красоту зафиксировать, Саи старалась скользить по волнам впечатлений вместе с нею. Она высунула язык, закатила глаза, сморщилась… потом чарующе улыбнулась своему отражению. Попыталась изобразить гамму внешних впечатлений от демонов до Белоснежки. Чистя зубы, заметила, что груди ее вибрируют, как желе, только что поставленное на стол. Попробовала губами — что-то плотное и одновременно податливое. Эта пухлость-зыбкость-плотность-мягкость в совокупности, как ей показалось, придает ее особе определенную рыночную стоимость.

Только… хорош рынок! Здесь, в компании двух стариков, в доме, затерянном в глуши, эта быстротечная красота завянет, оставшись невостребованной. Саи подняла глаза к отражению лица и заметила на нем досаду.

Вперед, в будущее, или сгинешь здесь, как муха на липучке!

*

Дни напролет она проводила в изучении своего лица, чувствуя, что настраивается на какие-то другие лица, нацеливается на какие-то неведомые дали.

Она ревниво следила за своими двойниками на боках полированных кастрюль, на металлических корпусах ламп, в ложках и ножах на обеденном столе, на зеленой поверхности пруда. Кривые и распухшие в ложках, длинные и тощие в ножах, испещренные мошками на пруду, золотистые при одном освещении, свинцово-серые при другом… назад, к зеркалу… Но зеркало, как обычно, покажет сначала одно, потом другое, не давая ответа.

Глава четырнадцатая

Четыре часа двадцать пять минут утра. Бижу направляется в свою пекарню. В этот час к тебе запросто может подскочить коп, допекая дурацкими вопросами: какого дьявола ты шляешься по улице в такую рань? Куда, откуда, зачем?

Хорошо еще, что служба иммиграции работает отдельно от полиции. Бижу снова и снова проскальзывал сквозь щели системы, и утренний хлеб в булочной на углу исправно выпекался. Над булочной по металлической эстакаде с диким визгом проносились поезда метро. Колеса выбрасывали снопы искр, выхватывая из тьмы силуэты Гарлема. В некоторых окнах уже светились огни, кто-то начинал очередной день крохотной жизни. Входная решетка пекарни взлетала вверх, зажигался свет, крыса отпрыгивала в тень. Недовольно оглянувшись и осторожно обогнув крысоловку, она прощалась с ними до следующего дня.

— *Намасте, бабаджи,* — приветствовал Саид-Саид.

Бижу вспоминал свою «индо-пакистанскую

войну», ругань и капустную перестрелку.

Вместо *паки* перед ним Саид-Саид, которым Бижу поневоле восхищался. Хотелось стать его другом, потому что этот малый не барахтался и не тонул, он играючи прыгал по волнам прибоя. Многие льнули к нему, как потерпевшие кораблекрушение хватаются за доску. И не только занзибарцы, не только нелегалы. Даже американцы, да, белые американцы. Как тот толстяк в пиццерии, когда они заскочили туда перекусить. Или одинокие среднего возраста конторские клерки, после бессонной ночи задавшиеся вопросом: неужели в своей Америке — в Америке! — они не смогут построить собственного счастья? Они доверяли этому черному такое, что можно доверить только совершенному чужаку, нелегально проникшему в страну.

Саид добрый — он не паки. Значит, с ним все в порядке?

Эта корова — не индийская корова. Значит, она не священная?

Значит, Саид ему по душе, но все остальные мусульмане — гады?

Или мусульмане ему по душе и паки ему по

душе, а Индия должна отдать Кашмир?

Нет-нет, этак до чего дойти можно!..

И это не все! Он вспомнил, что говорили о неграх дома. Слышал он одного парня, который работал в городе:

— С этими *хубши* надо быть начеку. У себя они на деревьях живут, как обезьяны. Приезжают в Индию и становятся людьми, ха-ха!

Бижу понял это высказывание так, что негры, приезжая в ушедшую далеко вперед Индию, учатся пользоваться одеждой, вилками и ложками. Оказалось, однако, что парень имел в виду желание негров обрюхатить каждую встреченную индийскую девицу.

Значит, ему надо ненавидеть всех черных кроме Саида?

Или же с черными все в порядке, как и с Саидом?

И с мексиканцами, с китайцами, с японцами, с иными-прочими?..

Бижу осознал, что с детства свыкся с привычкой ненавидеть. Он привык почитать белых, причинивших его родине, как теперь все утверждают,

столько вреда, но к остальным, от которых Индия не видела ни вреда, ни пользы, он почему-то относился более сурово.

Возможно, Саид-Саид испытывал такие же затруднения в отношении Бижу.

Бижу уже успел узнать, как во всем мире относятся к его соотечественникам.

В Танзании, если бы могли, выкинули бы их вон, как сделали в Уганде.

На Мадагаскаре, если бы могли, выкинули бы их вон.

В Нигерии, если бы могли, выкинули бы их вон.

На Фиджи, кабы могли, выкинули б их.

В Китае их ненавидели.

В Гонконге.

В Германии.

В Италии.

В Японии.

На Гуаме.

В Сингапуре.

Бирма.

Южная Африка.

Их никто не любит.

Гваделупа. Любят их здесь?

Нет.

Вероятно, Саида тоже учили остерегаться индусов. Но Саид не боялся противоречий. Он просто не обращал на них внимания.

*

А девиц у него было!..

— Бог мой! Бох-х-х ты мой! Она все названивать да названивать! — жаловался он, прицокивая языком. — Ай-й-й-й… Что делать, что делать?

— А то ты не знаешь, что делать, — буркнул Омар.

— Ха-ха-ха… ах-ах-ах… Сколько можно… Слишком много пуки-поки.

— Срежь свои косички, они от тебя и отстанут.

— Да я не хотеть, чтобы они отстать!

Когда девицы заскакивали в лавку за булочками с корицей, покрытыми глазурью или пересыпанными маком, Саид не скупился на

краски, раскрывая им глаза на красоту и нищету родного края. Сочувствие молодых леди вспухало, как на дрожжах, им хотелось спасти этого несчастного парня, захватить его домой, к комфортной сантехнике и мурлычущему телевизору. Хотелось пройтись с ним вечерком под ручку. «Он такой милашка», — ворковали они вечером по телефону, делясь с подругами событиями дня.

*

Первая полезная деятельность Саида в Америке — призыв правоверных к молитве в мечети на Девяносто шестой улице. Мулла обратил внимание на его звонкий петушиный голос. Но перед тем как прибыть к месту службы, он задерживался у дверей ночных клубов. Он дожидался момента и увековечивал себя с помощью карманной камеры-«мыльницы» в компании с какой-нибудь знаменитостью первого плана. Майк Тайсон? — Да он ведь мне друг и брат! Наоми Кемпбелл? — Еще бы, ведь мы с ней… гм… Привет, Брюс (Спрингстин)! Я Саид из Африки. Да не бойся, мы больше белых людей не кушать.

Потом его начали и внутрь пускать.

Таланты с дверьми ему не помогли во время очередного рейда иммиграционной полиции. Не

помогло и подтвержденное «Кодаком» знакомство с лучшими людьми Америки. Вернувшись на Занзибар, он грелся в лучах славы, поедал рыбу, сваренную в кокосовом молоке, отдыхал в тени пальм на просеянном светлом песочке, а по вечерам крутил любовь с девушками Стоунтауна. Подбадриваемые отцами, девушки слезали к нему из окон спален по стволам пальм, а отцы шпионили, надеясь застать парочку в недвусмысленной позиции. Прежний презираемый всеми безработный, отиральщик углов, стал завидным женихом. С ним не прочь были породниться родители очень-очень полной Фатимы, очень красивой Сальмы, Хадиджи с прекрасными туманными глазами и голосом кошечки. Отцы старались, старались и девушки, но Саиду посчастливилось избежать ловушки. Девушки дарили ему *канга* с лозунгами «Память не стирается», «О, аромат сердца моего!». Так что он имел в Нью-Йорке возможность раздеться и прогуливаться по комнате, обмотавшись этими *канга* и вспоминая далеких возлюбленных. А в Нью-Йорк он вернулся очень скоро, через два месяца. С новым паспортом, с новым именем, приобретенным за какое-то количество зеленых денег. В аэропорту Кеннеди Рашида Зульфикара

встретил тот же клерк, который провожал за два месяца до возвращения. Сердце Саида замерло, но человек этот его не запомнил.

— Мы для них, хвала Аллаху, все на одно лицо!

*

Саид наслаждался этой игрой, наслаждался тем, как эта страна заставляла его шевелить мозгами и ногами, руками и членом. Он любил эту страну, обманывал ее, он был ее образцовым и преданным гражданином, хотя и нелегальным. Когда пришло его время, этот субъект, специалист по проникновению через черный ход, с помощью копировальной техники неоднократно обманывавший ее официальную систему (он утверждал, что при желании способный парень с копиром может поставить Америку на колени), этот самый Саид со слезами на глазах и с глубокой убежденностью в голосе присягнул звездно-полосатому флагу. Он признал страну, страна признала его. Редкий случай взаимности. Роман в духе седой старины.

*

Шесть утра. На полках ждет покупателей ржа-

ной, овсяной, крестьянский хлеб. Выложены бисквиты и пироги с абрикосом и малиной, дразнят янтарной и рубиновой начинкой. Бижу вышел из пекарни, присел у порога, жует свежий рулетик. Разломил корочку, отщипывает сдобу длинными, тонкими пальцами.

Но в Нью-Йорке идиллией не насладишься. Пронеслась «скорая», за ней патрульная машина полиции. И сразу же — пожарная. Над головой прогремел по эстакаде поезд, задрожала мостовая, тревожно завибрировали подошвы. Бижу замер, вспомнил об отце. Что с ним?

Заболел. Умер. Искалечен.

Он одернул себя. Конечно же, паника вызвана этим случайным нагромождением движений и звуков. Бижу попытался успокоиться, вспомнил о недожеванной выпечке — но во рту пусто…

*

В Калимпонге повар сидел над письмом:

«Дорогой Бижу, не мог бы ты помочь…»

На прошлой неделе сторож «железного купца» обратился к повару с просьбой. Сын подрос, пора работу искать, но какая здесь работа, в Калимпонге? Не смог бы Бижу помочь парню устроиться в Америке? Можно и руками поработать, хотя,

конечно, в конторе бы лучше. Италия, конечно, тоже неплохая страна. Вот, говорят, один знакомый в Италии неплохо устроился, деньги гребет. Повар *тандури.*

*

Повар от неожиданности чуть не подпрыгнул. В нем боролись щедрость и подлость, но он улыбнулся:

— Что ж, я напишу, спрошу, вреда не будет. Не знаю, ой не знаю, что получится, но напишу обязательно.

Самолюбие приятно щекотало за ушами. Его просят о помощи! Представление о сыне как о преуспевающем бизнесмене окрепло.

Они со сторожем сидели и курили, два старика, беседующих о своих молодых наследниках, мирная картина в спокойной обстановке. На город спускался вечер, рядом замерли гигантские белые колокольчики, мимо лениво пробрела заблудившаяся корова.

*

И вот повар выводит на голубой бумаге из конверта авиапочты:

«Дорогой *бета,* если сможешь, помоги, пожалуйста, сыну сторожа „железного купца“».

Гордость за себя, гордость за сына…

В постель он улегся с приятным чувством. Однако ночью его разбудил страшный стук в дверь. Испуганный повар вскочил, но разбудила его все та же заплутавшая корова. Он прогнал рогатую и вернулся в постель, обратившись к мыслям о сыне, об их растущем престиже.

*

«Зеленая карта»…

Саид каждый год участвовал в розыгрыше, но индийцы не включены в список. Болгары, ирландцы, малагасийцы… кто угодно, но не индийцы. И сколько же их, желающих на законном основании устроиться в этой стране!

Они позвонили по «горячей линии» иммиграционной службы, как только наступила половина девятого, и наконец прорвались сквозь постоянные сигналы занятости.

— Мне нужны сведения о вашем подданстве в настоящее время, сэр. Без этого я не смогу вам помочь…

Они грохнули трубку. У этих ищеек там, наверное, понапихано всякой автоматики, которая

может

Передавать

Соединять

Набирать

Читать

Выслеживать, кто и откуда звонил

НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ!

Ох, «зеленая карта», «зеленая карта»…

Часто на Бижу накатывало беспокойство. После работы он направлялся к реке. Не туда, где носятся, разбрасывая собственное дерьмо, как бешеные собаки при хозяевах и без таковых, а подальше, где выходили из синагоги девушки в длинных юбках и в кофтах с длинными рукавами, степенно вышагивая рядом с мужчинами в старомодных черных костюмах и черных шляпах, боясь потерять свое прошлое. Он проходил еще дальше, где в густой зелени, росшей не из почвы, а из городского мусора, ночевал бездомный. Рядом квохтала бродячая курица. При виде этой курицы Бижу всегда ощущал тоску по дому.

— Чак-чак-чак, — позвал он курицу.

Та подняла голову, строго глянула на Бижу и по-

неслась прочь, беспокоясь о своей добродетели.

Но вот и травы больше нет, бетон и береговые сваи. На камнях кое-где виднеются неподвижные одинокие фигуры, созерцающие береговую линию Нью-Джерси. По реке снуют мусорные баржи, тупорылые буксиры подталкивают тяжелые, толстозадые углевозы, какие-то проржавевшие краны, драги и иные посудины неизвестного назначения. Над ними слоится сизый дым.

Бижу невольно ощущает досаду. Зачем отец выпихнул его в эту страну? Он понимает, однако, что точно так же он досадовал бы, если бы остался в Индии, если бы отец не отправил его сюда.

Глава пятнадцатая

Сливовое дерево, растущее возле больницы в Калимпонге, полили протухшей кровью из лаборатории, и оно расцвело пышным цветом, привлекая пчел и новобрачных. Первых за нектаром, а вторых — чтобы запечатлеться на его фоне. Повар, не обращая внимания на недовольные взгляды парочки, которой он своей невзрачной фигурой портил снимок, примостился на краешке, нацепил очки и уткнул нос в только что полученное письмо от Бижу.

«…У меня новая работа в пекарне. Хозяин нам полностью доверяет…»

В Калимпонге день *хаат,* все возбужденные, в праздничных одеждах, в праздничном настроении. Повар сложил письмо, спрятал его в карман и смешался с толпой. Непальские женщины с золотыми кольцами в ноздрях, тибетские женщины с косичками и молитвенными четками, продавцы грибов, уже полуиспеченных жарким солнцем, продавцы масел, порошков и разных снадобий — шаманы ленча; продавцы ячьей шерсти, грубой и спутанной, как волос демона;

продавцы сухих длинноусых креветок… Подальше — контрабандная одежда из Непала: джинсы, джинсовые куртки, юбки… Электроника, косметика… Серпы *кукри,* полиэтиленовая пленка, зубные протезы…

Когда повар с судьей прибыли в Калимпонг, караваны с шерстью еще свободно пересекали границу. Их вели тибетские погонщики в косматых сапогах. От караванов исходил мощный, резкий дух людей и животных, перебивавший хвойный запах, ради которого сюда переселились из Калькутты Лола и Нони. Повар вспомнил яка, груженного двумя сотнями фунтов соли. Груда мешков увенчана глиняными горшками, из которых торчат розовые младенцы, жующие сухой сыр *чурби.*

— Мой сын в Нью-Йорке работает, — сообщает повар каждому встречному. — Он рестораном управляет. Нью-Йорк — большой город, — объясняет он. — Машины, дома… все не так, как здесь, у нас. И еды всем хватает.

— А ты когда туда поедешь, бабаджи?

— Да вот… — смеется повар, — как сын заберет…

Свернутые из газеты кулечки с сушеной азалией и шишечками можжевельника. Повар

вспоминает день, когда в Калимпонг прибыли далай-лама и панчен-лама. Вдоль их пути следования все время жгли благовония. Он, конечно, не буддист, но интересно же. Многоголосая молитва гудела отдаленным громом, курился дымок сжигаемых травок, позвякивали колокольчики. Послышалось цоканье копыт, из тумана появились мулы. Повар молился за Бижу, чувствовал какое-то просветление, спать лег каким-то очищенным, хотя и сознавал, что грязен.

Сейчас он миновал загаженную автобусную станцию, пропитанную выхлопными газами; темный сарай, в котором на трясущемся экране можно насладиться такими шедеврами киноискусства, как «Изнасилование эротической девы» и «Она: секреты замужества».

Здесь сыном повара никого не заинтересуешь.

В туристическом агентстве «Снежный барс» повар выждал, пока Таши закончит обрабатывать клиентку. Таши славился умением выторговать патагонские штаны у иностранок и дать им возможность описать любовные приключения с шерпа. На столах разложены буклеты с рекламой экскурсий по монастырям — главная статья дохода Таши. Снимки гостиниц, обставленных старинной мебелью, иногда взятой из монасты-

рей. В конце упоминаются современные удобства и облицованные кафелем туалеты.

— Поедешь в Америку — возьми меня с собой, — улыбается Таши, продав туристке путевку в Сикким.

— Возьму, всех возьму, — кивает повар. — Почему не взять? Страна большая, всем места хватит. Не такая теснота, как здесь у нас.

«…Я коплю деньги на билет, — пишет Бижу. — Как у тебя дела, как твое здоровье?» Бижу еще достигнет того, чего не смогли добиться родители Саи, чего не смог добиться судья.

Повар шагает мимо мастерской портного Аполло-Глухое Ухо. Глухим ухом этот косорукий портной всегда поворачивается, чтобы выслушать неизбежные жалобы. А жалоб хватает. То полоски сделает горизонтальными вместо вертикальных, то с размером наврет. Судье сошьет размером на Саи, а Саи — на судью.

Повар зашел в большой лабаз Ларка. Чай «Тош», всякая лапша, сгущенное молоко «Милкмэйд». А вот и доктор, она зашла за лекарствами, которые хранит в холодильнике Ларка.

— Мой сын в США нашел новую работу.

Сын докторши тоже в Штатах. У него, у повара, есть что-то общее с докторшей, одной из наиболее

уважаемых личностей города!

Уже в сумерках, возвращаясь домой, останавливался повар возле сидящих на дороге, прямо на полотне, чтобы не испачкать одежду о траву и придорожную грязь. Когда мимо проходила машина, они поднимались, отходили, потом возвращались, отдыхали, перед тем как продолжить подъем.

Остановился возле госпожи Сен, у которой в Америке дочь.

— Лучшая в мире страна. Кто в Англию поехал, сейчас жалеют. — Рука госпожи Сен многозначительно поднялась в направлении усадьбы «Мон ами», резиденции Лолы и Нони.

Повар и к ним зашел. Лола не любила, когда подвергали сомнению Старую Англию, но к повару относилась неплохо, потому что бедняк. Рассказал о сыне афганским принцессам, которые платили ему за доставку куриц с рынка. Холодильника у принцесс не было, они варили всю курицу сразу, а потом каждый день готовили из нее что-нибудь новенькое. То с карри, то под сырным соусом, а в то благословенное время, когда в Калимпонге поспевают грибы, с грибами, спрыснутыми ложечкой бренди.

Рассказал монахам, закатавшим рясы и гоня-

ющим футбольный мяч возле *гомпа.* Рассказал дядюшке Потти и отцу Бути, устроившим на веранде танцы. Дядюшка Потти то и дело щелкал выключателем: светло — темно, светло — темно!.. Он убавил громкость, чтобы послушать повара.

— Да что ты говоришь! Вот молодец!

Они подняли стаканы и снова прибавили музыку.

«…Джамбалайя… пампкин-пай-я… мио майо!..»

Последняя остановка — картошки купить. Всегда здесь, чтобы не тащить издалека. У прилавка дочка хозяина в длинной ночной рубашке. Вот ведь мода пошла! Все в ночных рубашках. Дочери, жены, бабки, племянницы… Средь бела дня, на рынок, по воду ходят…

Милая девушка, невысокая, плотненькая. В вырезе рубашки грудка виднеется, аппетитная такая, женщины и те засматриваются. Бижу бы понравилась. Говорят, отец ее не бедный…

— Три кило картошки, — улыбается он девушке. — А что, рис у вас хорош?

— Нет, дядюшка, грязный рис. Столько камушков мелких — зубы сломаешь.

— А *атта?*

— *Атта* что надо!

Да, деньги — еще не все, говорит себе повар.

Дорого внимание. Чтобы за тобой кто присмотрел и самому чтоб было о ком заботиться…

Глава шестнадцатая

Заинтересовавшись любовью, Саи почувствовала интерес к любовным приключениям других и начала донимать повара расспросами о судье и его жене.

— Когда меня в дом взяли, старые слуги рассказывали, что смерть вашей бабушки сделала вашего дедушку жестоким. Она добрая была, никогда никого не ругала, на слуг не кричала. Ох как он ее любил! Аж сердце замирало, коль глянуть-поглядеть.

— Да ну?

— Да, так говорили. Хотя говорили тоже, что он это скрывал.

— А может, он ее и не любил вовсе.

— Да как у вас язык повернулся, злая девчонка! Конечно любил!

— А откуда слуги узнали, если он это скрывал?

Повар призадумался, вспомнил свою жену.

— Да, никто не знал. Но в те дни люди не были болтунами. Есть много способов проявить любовь, не так, как в кино показывают. А вы, нынешние, только кино и знаете. Вы еще глупая

девчонка, Саи. Самая большая любовь всегда внутри.

— Ты говоришь, как тебе удобно.

Повар еще немножко подумал.

— Да, так оно и есть. И это вернее всего.

— Так любил или не любил?

*

Повар и Саи сидели на ступенях лестницы, ведущей в сад, выбирали насекомых из шерсти Шамки. Час покоя и отдохновения. Большие пузатые клещи подыхали покладисто, почти добровольно. Мелкие цеплялись за жизнь. Сброшенные на камень, они вжимались в выщербинки, а после удара старались удрать.

— Стой, не уйдешь! — гонялась за ними Саи. — Будешь знать, как кусать нашу Шамку!

Пытались их топить, но и тонуть эти твари не хотели. Вскарабкивались друг другу на спины, выбирались на стенки сосуда. Саи сливала их в горшок туалета, смывала, но они выплывали из водоворота и кружились по воде, выбирались по стенкам унитаза.

*

Глаза повара вдруг вспыхнули огнем воспоминания.

— Да, да! Нет-нет, не нравилась она ему. Она сошла с ума!

— Да брось ты!

— Да, да, говорили, что она сошла с ума.

— А кто она была? Откуда?

— Я имя забыл. Отец у нее богатый был, семья выше вашего дедушки. Каста не высокая, но верхняя ветвь, уважаемая. Очень деликатного была сложения, пальчики, там, носик, ушки… кожа светлая, как молоко. За иностранку можно было принять. Женились они в пределах пятнадцати семейств, но для дедушки вашего сделали исключение, ради службы. Только, вот беда, больше я ничего не помню.

*

— Кто была моя бабушка? — ошарашила Саи деда неожиданным вопросом. Дед, как всегда, неподвижно восседал над шахматной доской. — Из какой семьи?

— Ты видишь, что я занят? — проворчал он, не

поднимая взгляда от доски. Потом встал и сошел в сад. Над папоротником гонялись одна за другой белки-летяги, горы ввинчивались в небо, как рога антилопы. Он вернулся к доске, сделал ход — как будто старый ход в старой игре.

Ему не хотелось о ней вспоминать, но образ в памяти почему-то оказался мягким и нежным.

*

Семейство Пател жаждало отправить сына в Англию, но денег не хватало, как ни напрягался отец. Пришлось обратиться к ростовщикам. Оценивающие взгляды сонных крокодилов — десять тысяч рупий под двадцать два процента.

Все равно мало. Выход — богатая невеста.

Джему — первый парень округи, которому светит обучение в английском университете. Выбирай на здоровье! Отец руководствовался здравыми балансовыми соображениями: некрасивая — больше денег; кожа бледная — меньше денег. Темнокожая уродина из богатой семьи — к такому идеалу стремился Пател-старший.

*

На противоположной окраине Пифита, возле

казарм английской армии, жил-поживал толстенький коротышка с носорожьим носом, дела которого шли в гору; ротанговая тросточка бодренько играла в руке, а в гардеробной изящного палаццо-*хавели* не было недостатка в изящных одеяниях. Звали этого господина Боманбхаи Пател. Отец Боманбхаи в нужный момент оказал услугу нужной стороне в конфликте между Англией и Геквадами и был вознагражден подрядом на поставки корма для лошадей армии Ее Величества. Впоследствии отец расширил диапазон поставок, а находчивый сын обогатил снабженческий бизнес мероприятиями по культурному обмену с населением. Он предлагал военнослужащим подпольный доступ к особам женского пола вне расположения части. Предоставив воинам возможность излить избытки свой мужественности, предприятие Боманбхаи возвращало их в казармы опутанными длинными черными волосами и Пахнущими так, как пахнут кролики после случки.

Жизнь семейства Боманбхаи ограждалась от соблазнов надежными стенами его *хавели,* украшенными табличкой с надписью: «Боманбхаи Пател, поставщик армии Ее Величества, финансист, торговец». Жизнь семейства отличалась

чистотою нравов, строгость *пурда* повышала авторитет поставщика Ее Величества. Наряду с тщательно продуманными операциями по приращению доходов и управлению состоянием, Боманбхаи потакал своим мелким капризам и в качестве домашнего питомца держал ящера-панголина, ощущая склонность к созданиям с заметными носами. Дом он украсил цветными витражами, так что дети могли играть в переливчатом освещении, наблюдая, как их физиономии и одежда становятся желтыми, розовыми или наполовину оранжевыми, наполовину зелеными.

У ворот *хавели* торчали китайцы-разносчики, ожидая, пока женщины семейства оценят взятые для просмотра шелка и кружева. Фонд приданого дочерей пополнялся драгоценностями, купленными у ювелиров и у обанкротившихся раджей. Уши жены Боманбхаи украшали столь тяжелые южноафриканские бриллианты, что однажды одна из сережек прорвала мочку и, сопровождаемая каплей крови, рухнула в емкость со *срикханд.*

Зенита славы Боманбхаи достиг, когда он, родившийся в семье жалкого лавочника, стал богаче любого брамина города и нанял себе повара-брамина, столь жесткого в соблюдении правил чистоты, что, даже если кто-либо произнес бы в

кухне слово «инду» — яйцо, пришлось бы перемыть всю посуду, а пищу выкинуть.

*

Однажды Боманбхаи посетила группа возбужденно жестикулирующих господ, сообщивших ему о местном таланте и его предстоящем отъезде в Англию. Боманбхаи принял информацию к сведению и вернулся к венецианскому кубку с английским бренди, разбавленным индийской водой.

Пределы амбиций отодвигаются по мере достижения целей. Повар-брамин, конечно, весьма неплохо, но существует еще и большой мир, щелочки в который открываются не каждый день. Через неделю Боманбхаи погрузился в свое ландо, запряженное двумя белыми кобылами, проехал мимо Английского клуба на Торнтон-роуд, членом которого он не мог стать ни за какие деньги, и направился на другой конец города, чтобы поразить однофамильца предложением руки своей дочери, красавицы Белы, проводившей дни в обществе сестриц и соревнующейся с ними в жалобах на скуку смертную.

*

Свадебное пиршество продолжалось неделю, поражало роскошью и изобилием. Боманбхаи сгибался перед гостями со скромным *намасте* и предложением пить да кушать на здоровье. Каждый видел, что скромность хозяина фальшива, стало быть, тем выше ей цена. Невеста представляла собою рождественскую елочку, увешанную сверкающими драгоценностями, под тяжестью которых едва могла передвигаться. В приданое кроме наличности вошли золото, изумруды из Венесуэлы, рубины из Бирмы, необработанные алмазы *кундун,* золотые часы на золотой цепи, шерсть на костюм молодому мужу для поездки в Англию и конверт с билетом на пароход «Стратнейвер», рейс из Бомбея в Ливерпуль.

Женитьба сопряжена с изменением имени невесты на выбранное семьей мужа, и Бела превратилась в Ними Пател.

Джемубхаи, разгоряченный свадебными возлияниями и мыслями о билете на пароход, решительно протянул руку к жениному сари, обремененному золотом и камнями — в точности как советовали ему ненамного старшие его дядья.

Он даже слегка удивился, обнаружив под всяческой мишурой человеческое лицо. Еще больше он удивился, увидев на округлившихся от ужаса глазах четырнадцатилетней жены слезы и услышав всхлипывания и шепот:

— Пощади!

Страх ее оказался заразительным.

— Не плачь, не плачь, — бормотал Джемубхаи, стараясь восстановить порушенный порядок ее наряда. — Да я даже и не смотрю, успокойся.

Но она продолжала рыдать.

*

На следующее утро дядья смеялись.

— Ну как? Никак?

На второй день смеялись еще больше.

На третий день забеспокоились.

— Ты должен ее заставить. Она ведет себя нехорошо.

— Смотри, другие семьи не так терпеливы, — провели они воспитательную работу с молодой женой.

Джему и сам настраивался категорически, но, оставшись наедине с этой плаксой, терял решимость, да и желание пропадало.

— Да прогони ты ее, и баста! — возмутились

они наконец.

Дрянь какая! Как смеет она не таять от счастья, будучи отданной такому умнику, как их Джемубхаи! Первому парню города, направляющемуся в английский университет.

Но Джемубхаи ее жалел. Жалел и себя. Ведь они мучились вместе.

Однажды, когда семейство отсутствовало — поехали продавать драгоценности, — он предложил ей прокатиться на отцовском «Геркулесе». Она испуганно замотала головой, но, увидев его в седле, не удержалась и уселась сзади.

— Не суй ноги в колеса! — проинструктировал он и нажал на педали.

Они неслись быстрее и быстрее, оставляя позади деревья и коров, ветер свистел в ушах. Джему обернулся и увидел ее глаза. О, ни у какого мужчины не может быть таких глаз! И такого взгляда.

Еще быстрее… Он перевалил через бугор, и на мгновение сердца их замерли в невесомости, взлетели в синее небо…

*

Судья оторвал взгляд от шахматной доски. Саи взобралась на дерево у ограды. С ветвей открывается обзор на дорогу, она сможет заметить

приближение Джиана.

Математика все сильнее донимает обоих, учителя и ученицу. Он все время ощущает желание выскочить за дверь. У нее раскалывается голова. Такая головная боль, что пришлось прервать урок. Извинения, прощание — и тут же оба не находят себе места, с нетерпением ждут следующего вторника.

Судья вышел в сад.

— Слезь.

— Почему?

— Собака нервничает, когда ты на дереве.

Собака стоит рядом с судьей, лениво виляя хвостом и не проявляя ни малейших признаков нервической горячки.

— Да ну.

— У учителя могут возникнуть о тебе странные представления.

— Какие?

— Слезай сию минуту.

Саи сползает с дерева, уходит к себе в комнату. Скорей бы уехать отсюда!

— Время не должно стоять не месте, — поучала ее Нони. — Не повтори моей ошибки, не попади туда, где время не движется. Это лучший совет, который я могу тебе дать.

Глава семнадцатая

Саид-Саид застал в пекарне мышь. Удар, дриблинг, пас Бижу. Тот ведет мышь дальше, поддевает ногой, на лету поддает ей снова.

— Вот какая зараза жрет наш хлеб, гадит в наш сахар!

Последний удар — преступник казнен.

Хватит забавляться, пора работать.

*

Калимпонг. Повар надписывает конверт авиапочты. Сначала на хинди, потом неуклюжими английскими буквами.

Призывы о помощи посыпались на него градом. Дальше — больше. Господин Лобсанг Фунцок, Они, господин Сезун из «Лепча Квортерли», Кесанг, уборщик из больницы, медбрат из лаборатории, ответственный за глистов в формальдегиде, мастер, заделывающий дыры в кастрюлях, — все, у кого подрастали сыновья. Ему подносили цыплят, пакетики орехов и изюма, приглашали выпить в бывшей армейской кантине Тапа. Повар почувствовал новый привкус в жизни,

привкус большой политики.

Процесс развивался. Подарков все больше, все больше просьб, все больше уважения, а чем больше уважения, тем больше подарков, но просьб тоже больше, а чем больше просьб, тем…

— *Бхаи, декхо, аэса хаи…* — начинал он свою проповедь. — Дело-то ведь ой какое сложное, ведь как повернется… как повезет…

Дело-то практически почти невозможное, но он сыну напишет.

— Посмотрим, посмотрим, авось повезет…

«Бижу, *бета,* — писал он. — Тебе повезло, ты уж там помоги и другим…»

Он добавил к клею на клапане конверта домашней муки с водой, и стая букв пустилась в долгий перелет через Атлантику.

*

Кто его знает, сколько писем теряется на долгом пути следования. В сумке удрученного проливным дождем почтальона, в фургоне, баранку которого крутит раздосадованный ухабистой дорогой в Силигури почтовый шофер, меж громом и молнией, сквозь туман аэропорта Калькутты — долгий путь до почтового отделения на Сто двадцать пятой улице в Гарлеме, забаррикади-

рованного, как израильские блок-посты в Газе. Гарлемский почтальон оставляет письма нелегалам кучей на почтовом ящике их ночлежки. Иное и упадет, и затопчут его, и зашвырнут куда подальше.

Но все же письма доходили, и Бижу их прочитывал.

«…Парень очень способный, семья бедная, присмотри за ним, пожалуйста. Он уже визу получил, прибудет… Найди работу для Пореша. Его брат тоже собирается приехать. Помоги им. Санджиб Том Карма Пончу, и еще, помнишь, Буду, сторож в „Мон ами“, так вот, сын его…»

*

— Я понимать, понимать как не понять, — сочувственно кивает Саид.

Мать Саид-Саида снабдила телефонным номером и адресом сына половину Стоунтауна. Они прибывали в аэропорт с долларом в кармане и номером его телефона, надеялись найти приют под крышей его дома — его *дома!* А под крышей этой-то все койки уже использовались в три смены. Рашид — Ахмед — Джафер — Абдулла — Хасан — Муса — Лутфи — Али…

— Большое племя, большое племя. Я проснуть-

ся, идти к окну — новое племя! Все сказать: «О, виза получить нельзя, нельзя, трудно, очень трудно!» Но каждый виза получать. Этот американский посол — совсем осел. Что он со мной делать? Кто даст этому Дули виза? Никто не даст. Один взгляд — сразу видеть. Но Дули виза получать! Вот он. Дули!

Чтобы утешиться, Саид варит горошек с рыбой, щедро добавляет сахару и кокосового молока. Липкую смесь, пахнущую надеждой, намазывает на хлеб и предлагает остальным.

*

Самые сочные фрукты в Стоунтауне растут на кладбище. Лучшие бананы — над могилой дела того самого Дули, которому американское посольство в Дар-эс-Саламе по какой-то непонятной причине выдало въездную визу Сообщив о бананах, Саид выглянул в окно — и тут же оказался под прилавком.

— О-о-о, Бох-х-х ты мой! — шепотом. — Племя! Большое племя! Сказать, я здесь нету… Откуда адрес взять? Мать давал! О-о-о-о… Омар, Омар, сказать им, я здесь нету. Сказать им, прочь пошел…

Перед «Королевой тортов» нерешительно топталась группа чернокожих. Они усердно скребли

затылки и негромко переговаривались.

— Зачем ты им помогаешь? — спросил Омар. — Я вот перестал помогать, они перестали приезжать.

— Потом рассказать. Омар, Омар, скорей!

Омар пожал плечами и вышел.

— Кто? Сойед? Саи-и-ид! Нет, нет, такого здесь нет. Здесь только я, Кавафья и Бижу. Да, хозяин сейчас придет.

— Нам его мать сказать. Он здесь работать.

— Нет, нет, ошибка. Вы лучше идите, не то хлопот не оберешься. Вам не нужны хлопоты, нам не нужны хлопоты. Уходите, уходите.

*

— Ф-фу… Спасибо, Омар. Они прочь?

— Как бы не так.

— Где они, где?

— Вон отошли. Стоят, смотрят, — сообщил Бижу, чуть не подпрыгивая от возбуждения. Чужое затруднение интересует, увлекает.

Все покачивали головами, не желая верить неприятному сообщению.

Бижу вышел, вернулся.

— Они говорят, что пойдут теперь к тебе домой, — гордо сообщил он. Бижу понял, как ему не

хватало в жизни такой роли, роли важного звена, посредника, вершителя чужих судеб.

— О, Бох-х-х, они не уйти, они уйти и оставить кого-то один ждать. Закрыть дверь, закрыть окно…

— Нельзя дверь закрыть, нельзя окно. Жарко.

— Закрыть!

— А если хозяин придет?

Хозяин усвоил вполне объяснимую привычку заявляться без предупреждения.

«Все в порядке, босс-сахиб, — докладывал ему Саид. — Мы все делать, как вы нам сказать делать».

Но сейчас…

— Моя жизнь кончаться, друг, маленько жарко там, маленько жарко тут… Босс или не босс…

Они закрыли окно, закрыли дверь. Саид позвонил в свое обиталище:

— Ахмед, слушать меня: трубку не снимать, Дули и с ним там из аэропорт много-много племя приехать! К окнам не ходить, никто дома нет!

— Хах-х-х… Зачем им виза давать? Зачем им билет продавать? — услышали они реакцию на другом конце провода. Далее последовал монолог на густом, почвенном суахили.

*

Зазвонил телефон пекарни.

— Не брать, не брать! — шипит Саид. Бижу отдернул руку.

Включился автоответчик, звонки прекратились.

— Ответчик племя боятся, — удовлетворенно кивает Саид.

Опять звонок. И еще один. Снова включается ответчик.

И опять.

— Саид, надо тебе с ними поговорить, — советует Бижу, обеспокоенный звонками. — А вдруг это хозяин?

А вдруг звонок из Индии? Может быть, отец…

Умер? Умирает? Заболел?

Кавафья снял трубку, и до них донеслась паническая скороговорка:

— Саид! Саид! Спасай! Спасай!

Кавафья положил трубку и отключил телефон.

Саид:

— Это племя… Надо впускать. Они не уходить. Они никогда не уходить. Им некуда уходить. Ты их впустить, ты их слушать — и все. Ты знать их тетя, ты знать их семья, и ты отдать все. Ты не

сказать, «это моя еда, только я ее кушать», как американцы. Спроси Теа — это одна из его последних пуки-поки, — она жить с тремя подруги, каждый иметь свой еда, свой место в холодильнике, каждый себе готовит. В Занзибар, если ты что-то иметь, делиться надо. Так правильно, так верно. Но тогда никто ничего не иметь! И я уехать из Занзибар.

Молчание.

Сочувствие Бижу к Саиду превращается в сочувствие к себе самому. Стыд Саида перетекает в собственный стыд за то, что он не поможет людям, ждущим его помощи. И сам он прибыл в аэропорт с парой долларов в кармане, купленных на черном рынке в Катманду, с адресом отцовского друга Нанду, жившего с двадцатью двумя другими водителями такси в Куинзе. Нанду тоже не ответил на звонок и попытался спрятаться, когда Бижу прибыл к его порогу. Когда через два часа он открыл дверь, то сразу встретился взглядом со смущенно улыбающимся Бижу.

— Нет здесь работы, — уверял он. — Если б я был в твоем возрасте, вернулся бы в Индию, там сейчас большего добьешься. Мне-то уже поздно, а ты бы лучше меня послушал.

Нанду поговорил с кем-то из своих коллег,

воткнул Бижу в подвал в Гарлеме, и с той поры Бижу его больше не видел. Теперь он общался только с иностранцами. Мексиканец Джасинто, смотритель ночлежки, сумасшедший бездомный, колченогий наркоман… Летом семьи выползали из своих жилищ и рассаживались вдоль тротуаров с переносными приемниками и магнитофонами. Ожиревшие женщины в шортах, с бритыми ногами, усеянными крохотными черными точками, увядшие, обмякшие мужчины за картами на мусорных контейнерах, сосущие пиво из банок и бутылок. Они ему дружески кивали, даже пива предлагали, но он не знал, что сказать им в ответ. Даже его «Хелло!» звучало как-то невпопад, когда они уже отвернутся, или же слишком тихо.

*

«Зеленая карта»… О, «зеленая карта»!

Без нее ему не выехать. Парадокс! Чтобы уехать, ему требуется разрешение остаться. Он мечтал о возможности легально вернуться домой, руководствуясь лишь своим желанием. Захотел — выехал. Захотел — въехал обратно. С завистью наблюдал, как легальные путешественники приобретают громадные чемоданы для Третье-

го мира, со множеством отделений, молний, с похожими на аккордеон складчатыми расширениями, способными вместить целый шкаф багажа.

С другой стороны, много и нелегалов, обреченных остаться в Америке пожизненно, никогда более не увидеть свои семьи, отрезанные от них навсегда.

Как быть? В «Королеве тортов» они видели в воскресном утреннем шоу на индийском канале юриста, в эфире отвечавшего на вопросы телезрителей. Показали таксиста. Насмотревшись американской кинопродукции, он прибыл в Америку нелегально, но что дальше? Сам нелегал, и такси у него нелегальное, и семья вся здесь, на тех же основаниях, и вся его деревня, все вписались в систему, работают с таксомоторами. Но бумаг-то тютю! Не пожелает ли кто из почтеннейших зрительниц выйти за него замуж? Пусть инвалид, пусть умственно неполноценная, лишь бы законная обладательница «зеленой карты»…

*

Об этом узнал, разумеется, Саид. И вот они вместе отправляются на Вашингтон-хайтс. Здесь все зарешечено, все витрины, даже мелкие ларьки,

торгующие жвачкой и сигаретами. Аптеки и торговцы крепкими напитками обзавелись звонками. Клиент втискивается в клетку, из которой видна выкладка товара, выбирает, вкладывает деньги в вертушку, получает покупку. Даже в ямайской пирожковой продавщица и ее банки-склянки отделены от пользователей баррикадой.

Народу много. У церкви Сиона проповедник крестит толпу из пожарного шланга. Мимо плетется старый хрен с усиками Чарли Чаплина — Адольфа Гитлера и с узловатыми коленями, торчащими из-под шортов, тащит ящик магнитофона, орущего:

«Гуантанаме-ера… гуахира Гуантанаме-ера…»

Пара бабцов окликает его из окошка:

— Хелло, крошка! Глянь на наши ножки! У-у-у-и-и-и-и! Осмотр бесплатно!

Еще пара прохожих, женщина молодая и женщина постарше. Старшая наставительно поучает:

— Жизнь коротка, дорогуша. Гони его вон! Ты молода, ищи свое счастье. Вон! Его! Гони!

*

Саид здесь как дома. Собственно, он здесь почти дома, живет в двух кварталах. Кое-кто с ним

здоровается.

Саид… О, Саид!

Парень с золотой цепочкой, похожей на цепь затычки от ванны, по-свойски хлопает Саида по плечу.

— Чем он занимается? — спрашивает Бижу.

— Он — работать! — смеется Саид.

И Саид рассказывает, как он однажды помогал одному своему соплеменнику перебираться на новую квартиру. Они волокли по улице картонки с барахлом. Со штопаными-перештопаными штанами, старым будильником, дырявыми башмаками, закопченными кастрюлями, сунутыми на Занзибаре в чемодан слезливой матерью… Их догнала машина, из окна которой высунулся ствол, и мужской голос произнес из-под темных очков:

— Быстро все в багажник, ребятки!

Открылся багажник, они сунули туда коробки, машина рванула и скрылась.

*

Они ждали на углу. Ждали… потели… Наконец появился помятый фургон. Открыл помятую дверь, принял у них помятые деньги, положенные фотоснимки положенного формата. Через

две недели они снова ждали на том же месте.

Ждали…

Ждали…

Ждали…

Фургон больше не появился. Это мероприятие в очередной раз ударило по сберегательному носку Бижу.

Омар предложил утешиться, раз уж они оказались в такой местности.

Кавафья согласился.

Всего тридцать пять баксов.

Цены прежние.

Бижу вспомнил, как он отговаривался в прошлые разы: «Вонючие… Черномазые… *Хубши-хубши…*»

— Жарко слишком!

Они засмеялись.

— А ты, Саид?

Но Саиду ни к чему тратить деньги на проституток.

У него новая пуки-поки.

— А где Теа? — спрашивает Бижу.

— Природа-листики смотреть Теа. Я ей сказать, африканский мужчина листики не надо. Эхькь, Теа! Что Теа! Один, что ли. Теа? Много-много Теа.

— Да ведь белые женщины, знаешь, они съе-

добны, только пока молодые, — предостерегает Омар. — А потом разваливаются, в сорок уже уродины, морщины везде, пятна, вены…

— Я знать, знать, — смеется Саид. Он понимает их ревность.

*

Какой-то привередливый покупатель возмутился, обнаружив в каравае подсолнечного хлеба запеченную туда целиком мышь. Должно быть, семечки подсолнуха ее туда заманили.

В «Королеву тортов» вломились какие-то громилы, как в бандитском триллере. Не морская пехота, не ЦРУ, ФБР или полиция, а санитарная служба. Руки вверх!

Долго им искать не пришлось. Лопнувшая канализационная труба, засоренный сток, в муке крысиные какашки. В неотмытой сбивалке для яиц обнаружили мирную колонию одноклеточных.

Вызвали босса.

— Электричество вылетело, черт его дери, а на улице жара, что поделаешь? — несколько не по теме отмахивался мистер Бочар.

Санинспекция оказалась злопамятной. Точно такую же картину они уже однажды наблюдали

по тому же адресу. Вместо Бижу, Саида, Омара и Кавафьи статистами выступали, правда. Карим, Недим и Хесус. «Королева тортов» приказала долго жить в пользу русской едальни.

— Черт бы драл этих русских! Брр! Борщть! Щи-т, shit! — рычал мистер Бочар, отводя душу. И, за неимением под рукой проклятых русских, развернулся в сторону своего штата: — Какого хрена вылупились? Катитесь отсюда!

Воодушевленные добрым советом и не дожидаясь, пока на них обратят внимание официальные лица, бывшие пекари-кондитеры удалились.

*

— Ты сюда забегать, Бижу-друг, — советует на прощанье Саид.

Он устроился в какую-то банановую республику продавать какие-то шмотки по сезону в каком-то лабазе с названием, созвучным колониальному прошлому и рухнувшему настоящему Третьего мира.

Бижу знает, что более с Саидом не увидится. Только сживешься с кем-то, а его на следующий день и след простыл. Теневой люд подвержен перемене мест, ничего не поделаешь. Эта снова и снова наплывающая пустота побуждала не

сближаться с людьми сверх необходимости.

Лежа в подвале, думал о деревне, где жил с бабкой на деньги, ежемесячно присылаемые отцом. Деревня затерялась в высоких травах, шумевших на ветру. По сухому оврагу между полями они добирались до притока Джамуны, по которому плыли какие-то люди на надутых буйволовых шкурах с торчавшими вверх ногами. У брода люди перетаскивали шкуры через мелководье, а Бижу с бабушкой переправлялись в город на рынок. Когда возвращались, бабушка иногда тащила на голове мешок с рисом. Над рекой кружили птицы-рыболовы, то и дело бросаясь вниз и взмывая с трепещущей добычей в когтях. На берегу жил отшельник, подолгу сидевший неподвижно, наблюдая и размышляя, поджидая какую-то неведомую рыбу. В канун Дивали отшельник зажигал фонарики, развешивал их в ветвях дерева *пипули,* отправлял вниз по реке. В гостях у отца, в Калимпонге, они часто сидели по вечерам у порога, повар неторопливо вспоминал:

— Мирная у нас деревня. А какая там вкусная *роти!* Это потому, что *атта* смолота руками, а не машиной. И потому, что на *чула,* а не на керосине или на газовой плите. Свежая *роти,* свежее масло,

свежее молоко, прямо из-под буйволицы…

Ложились они поздно. И не замечали Саи, которая ревниво следила за ними из своего окошка, завидуя любви повара к сыну. Мимо проносились красногубые летучие мыши, направляясь к *джхора* на водопой, планируя вниз на черных крыльях.

Глава восемнадцатая

— Ой, ой, летает, летает! — запричитала Лола.

Чуть не задев ее уха, мимо пронеслась летучая мышь.

— Ну и подумаешь, башмачной кожи ошметок, пусть ее летает, — протянула Нони, похожая в своем бледном сари на громадное ванильное мороженое.

— Ой, замолчи! — Помолчав, Лола добавила извиняющимся тоном: — Жарко, душно. Муссон идет.

Джиан уже два месяца обучает Саи. Должно быть, на них тоже влияет муссон.

Но сейчас он влияет уже на всех. Все жалуются. Вот и дядюшка Потти расплылся по креслу на своей веранде.

— Рано он в этом году. Рому принять, что ли, пока еще в состоянии. О-хо-хо, всего не выпить, жалко-то…

Лола принимает дисприн, таблетка шипит и кувыркается в воде.

А вот и газеты сообщили о приближении штормового фронта. Лола даже несколько ожила.

— Вот видите! Я же говорила! Я всегда его чую. Знаете, я такая чувствительная, такая чувствительная. Настоящая принцесса на горошине. Да-да, принцесса на горошине…

*

Судья и Саи сидят на лужайке. Шамка, заметив шевеление собственного хвоста, схватила его, не вполне разобравшись, чья это принадлежность. Выпустить добычу жалко, но в глазах недоумение, молчаливый вопрос.

— Вот балда! — вырвалось у Саи.

— Сокровище мое, — утешает Шамку судья, когда Саи удалилась. Жалеет обиженную любимицу.

*

Его долго ждали, но навалился он неожиданно. Первыми забеспокоились банановые деревья, затрепетали, захлопали лопухами листьев. Тревога! Тут же отозвались стуком палочного боя мачты бамбука.

В кухне заерзал по стене календарь повара, календарь богов. Повар аккуратно закрыл все окна и двери, но Саи ворвалась как раз в момент,

когда он просеивал муку, отделяя ее от всяческой возможной нечисти. Мука взмыла пыльным облаком и осела на них обоих.

— О-хо-хо! Посмотри, что наделала!

Запорхали вылетевшие из непросеянной муки мошки. Повар и Саи взглянули друг на друга и рассмеялись.

— *Англре ке тарах.* Как англичане.

— *Англре ке тарах. Англре джаисе.*

— Смотри, мы совсем белые, — повторила Саи. — Как англичане.

Судья закашлялся от смеси дыма и перца, поднятой сквозняком.

— Глупая курица! Закрой дверь! — прохрипел он сквозь кашель.

Но дверь уже захлопнулась сама, вместе со всеми незапертыми дверьми в доме и в округе. Небо налилось пламенем. Синий язык лизнул сосну, и дерево мгновенно испарилось, оставив после себя обугленный пень, рассеивающийся клуб дыма да россыпь веток на поляне. Тут же с неба хлынули потоки воды. Шамка почувствовала себя расползающейся по полу амебой.

Кровля Чо-Ойю увенчана громоотводом, толстый провод которого уходит в солевую яму под домом, но собаке этого не объяснишь. Раскат

грома — и она метнулась в спальню, под кровать. И там не чувствует себя в безопасности бедное животное, прячет понадежнее нос, поджимает зад, трясется от жуткого завывания ветра.

— Не бойся, глупая лягушка, дождик, дождик, обычный дождик.

Шамка пытается улыбнуться, но плохо это у нее получается. Глаза ее гладят взглядом солдата, который давно не верит дурацким байкам о смелости, которая города берет. Шамка готова к тому, что мир сейчас обрушится, исчезнет — и она вместе с ним.

*

Сезон дождей длится три месяца. Даже четыре. А может быть, и все пять. В туалете Чо-Ойю протекает потолок, капли звонко разбиваются об пол. Их перезвон прерывается, лишь когда, прикрывшись зонтом, сюда входит Саи. На стекле настенных часов осел конденсат. Вывешенное на просушку на чердаке белье не сохнет неделями. Разноцветная плесень покрывает дом и все, что в нем находится.

*

Саи в этот сезон всегда была бодрой и спокойной. Лишь в это время ее жизнь в Калимпонге приобретала какой-то смысл, бездеятельность находила оправдание. Она сидела на веранде, погруженная в настроения сезона, считая полную отрешенность от мира наиболее подходящим состоянием для этого времени помрачения цивилизации. Природу пробирал понос, телефоны издавали треск, телевизоры показывали муть. Мир исчез, Джиан не появится из-за поворота. Даже до дядюшки Потти не добраться, ибо вспухшая *джхора* вышла из берегов и унесла с собой связывавший их мост.

В имении «Мон ами» Лола крутила ручку настройки радиоприемника, не находя доказательства, что дочь Пикси все еще пребывает в каком-то сухом, недоступном стихиям месте, далеком от взбесившихся рек, холеры, крокодильих челюстей, от прилипших к верхушкам деревьев жителей Бангладеш.

— Ох, — вздыхала Лола. — Хоть бы этих хулиганов базарных смыло, что ли.

В последнее время участились стачки и демонстрации, отражающие усиление политической

конфронтации. Но стихия отменила трехдневную забастовку и попытку блокады доставки *рааста роко* по шоссе. Какой смысл перекрывать шоссе, если по нему и так ничего нельзя доставить? Зачем закрывать конторы, если они и без того не работают? Как перекрыть дороги, если их нету, дорог, если они размыты и смыты, если разнесенные в куски мостовые валяются на дне ущелья?..

*

Между ливнями и бурями в небе просвечивает белесое солнце, вся мокрятина исходит паром, люди прорываются на рынок.

Джиан, однако, движется в обратном направлении, к Чо-Ойю.

Его беспокоит плата за уроки, отставание от программы. В этом он уверяет самого себя, скользя по грязи и хватаясь за придорожные побеги, чтобы не свалиться в лужу.

Но не это гонит его в Чо-Ойю. Вызванный дождями перерыв довел до невыносимых пределов выросшее в нем напряжение. Саи восседает среди прибывших из Силигури газет, пачкой за две недели. Каждый лист отглажен поваром. Вокруг веранды буйствуют папоротники, окаймленные каплями. Сотни паучьих кружев, обычно

невидимых, поблескивают капельками. Саи облачена в кимоно, подарок дядюшки Потти, который обнаружил эту экзотику в сундуке матери, посетившей Японию, чтобы полюбоваться цветущими вишнями. Кимоно из алого шелка, расшито золотыми драконами. Сан в нем — повелительница дикого царства, пышный цветок на фоне влажной бушующей зелени.

*

Сан видит, что страна трещит по швам. Полиция борется с бунтовщиками в Ассаме, в Нагаленде, в Мизораме; Пенджаб в огне после гибели Индиры Ганди в октябре прошлого года; сикхи со своими Кангой, Качхой и так далее хотят добавить еще одно «К», Калистан, и выделиться собственной страной с пятью остальными «К».

В Дели правительство после многих мудрствований и умолчаний обнародовало наконец новый финансовый план. Сокращены налоги на сгущенное молоко и женское белье, повышены — на рис, пшеницу, керосин.

Черная рамка. Фото улыбающегося ребенка. «Наш дорогой Пиу, семь лет прошло со дня, когда ты покинул нас, отправился к своему небесному прибежищу, но боль наша не утихла. Почему

тебя отняли у нас задолго до срока? Мама плачет, вспоминая твою милую улыбку. Жизнь наша потеряла смысл. С нетерпением ждем твоей реинкарнации».

*

Джиан:

— Добрый вечер.

Она вскидывает глаза, он чувствует боль, укол, ожог.

В столовой, отделенный от нее учебником, схемами, десятичными запятыми, Джиан всей душой чувствует, что это чудесное существо не должно сидеть рядом с обтрепанным учебником, что он совершает преступление, погружая ее в эту ординарщину, что деление углов, сложение углов, измерение углов загоняет его самого в угол. Как бы подтверждая, что лучше бы он из дому не вылезал, по крыше вновь загрохотал дождь. Ему пришлось повысить голос чуть ли не до крика. Получилась какая-то ходульная героико-эпическая геометрия, наука на котурнах. Смех да и только.

Дождь и не думал ослабевать.

— Мне нужно идти.

— Что вы! — вскинулась она. — Вас убьет мол-

нией!

По крыше заколотил град.

— Но мне давно пора.

— Не нужно, — предостерег повар. — У нас в деревне один человек высунулся из дому во время града — и сразу большая *голи* упала ему на голову. На месте убило беднягу.

Стихия свирепела, ослабив хватку, лишь когда уже стемнело. Но пробираться в кромешной тьме по разбитой дороге, похороненной под слоем ледышек, было бы безумием.

*

Судья раздраженно поглядывал на Джиана поверх отбивных. Присутствие учителя он воспринимал если не как злой умысел, то уж наверняка как следствие безалаберности и недомыслия.

— И что вас погнало сюда в такую погоду, Чарли? В математике вы, возможно, сильны, но в отношении здравого смысла, извините, подкачали.

Джиан скромно молчит, погруженный в какие-то свои думы.

Судья рассматривает его, изучает.

Бросаются в глаза скованность, сдержанность, неловкость в обращении с пищей и столовыми

приборами. Однако парень себе на уме. Не без амбиций. Но такой пищи таким образом за всю жизнь не употреблял.

— А каких поэтов читают в наши дни молодые люди? — вдруг выстреливает судья неожиданным вопросом, отделяя мясо от кости при помощи ножа и вилки.

— Он математик, — напоминает Саи.

— А что, математикам запрещено интересоваться поэзией? Всестороннее развитие, универсальное образование и тому подобное…

Джиан напрягает воображение. Стихов он в жизни не читал.

— Тагор, — отвечает он неуверенно. Во всяком случае, на это священное имя возражений последовать не должно.

— Тагор! — восклицает судья. Раздраженно втыкает вилку в мясо, Окунает кусок в подливку, нанизывает туда же часть картофелины и две-три горошины, отправляет все в рот. Тщательно прожевав и проглотив, продолжает: — Пресловутый и перехваленный. — Несмотря на негативную характеристику, приказывает, ткнув для убедительности в сторону Джиана ножом: — Процитируйте что-нибудь, прошу.

Ради грядущего утра, что счастья за-

жжет огни,

Отчизна моя, мужайся и чистоту храни.

Будь и в цепях свободной, свой храм,

устремленный ввысь.

Праздничными цветами украсить поторопись.[2]

Каждый ученик начальной школы Индии зубрит эти строчки.

Судья прыскает смехом, коротким, безрадостным, жутким.

Проклятый муссон! Все в этом сезоне раздражало судью. Состояние его любимицы — собаки, состояние его идеалов. Влияние его сведено к нулю. Плесень на зубной щетке, змеи, лениво проползающие по газону, отяжелевшая мебель, все менее обитаемый дом. Каждый муссон откусывал от дома какую-то его часть.

Судья чувствует свой возраст и чувствует, как вместе с домом рушится и его разум, разрушаются перегородки между мыслями, которые он держал раздельно. Сорок лет назад он изучал поэзию.

---

[2] Примечания: 2

Перевод Н. Стефановича. — *Примеч. ред.*

*

Библиотеку всегда закрывали слишком рано.

Он приходил к открытию, покидал ее с закрытием. Прибежище для иностранных студентов. Покой, работа без помех, гарантия от посягательств и от издевательства.

Книга под названием «Экспедиция в Гуджарат»

«Малабарский берег волнистой линией ограничивает Индию с запада, а затем изящным поворотом изгибается в сторону Аравийского моря. Этот край носит название Гуджарат. В дельтах рек и по малярийным берегам приютились торговые города…»

Что вся эта писанина означала? Он не находил в описании ничего знакомого, напоминающего о семействе Пател и местах его обитания. Но, развернув карту, обнаружил Пифит, крохотное пятнышко, приткнувшееся к извилине реки.

С интересом читал он о прибытии к этим берегам цинготных матросов из Англии, Франции, Голландии, Португалии. Узнал, как доставили они в Индию первые томаты, орех кешью. Как Ост-Индская компания арендовала у короля Карла II Бомбей за десять фунтов в год. Узнал о плоде

юбе в подарочном наборе этого короля невесте, Катарине Брагантской, о доставке морем через Суэц телячьего супа «под черепаху» в страну риса и дала. Англичанин, спасаясь под пальмами от тропического солнца, имел возможность наслаждаться ярмутскими селедками и заглатывать бретонских устриц. Эти новые для него сведения возбуждали ностальгическую тоску по стороне, которую он покинул.

*

Ближе к полудню он отрывался от книг и отправлялся в туалет, бросая вызов своему пищеварению. Долго и безрезультатно напрягался над горшком. Слышал перетаптывание других жаждущих облегчения, запускал палец в анальное отверстие и выковыривал твердые козьи шарики, брякающие по унитазу и булькающие в воде. Снаружи наверняка его слышали, и он неверной рукой пытался сдержать свободный полет своих испражнений, изменить траекторию снарядов. Палец всякий раз покрывала свежая кровь, он подолгу мыл руки после посещения кабинки, но запах не отставал, преследуя его во время занятий. Работал он все усерднее, не пропускал ничего из списка рекомендованной литерату-

ры. «Закон собственности» Тофама, Аристотель, Индийское уголовное право, Уголовный кодекс. Свидетельский статус…

Продолжал работать и в своей комнатушке, все еще преследуемый всепроникающим запахом дерьма. Падал в кровать прямо со стула, в ужасе просыпался через несколько часов, снова прыгал к столу. Восемнадцать часов в сутки, больше сотни часов в неделю, иногда прерываясь, чтобы покормить ветчинным пирогом собаку хозяйки, отиравшуюся возле ног, слюнявя его брюки — первая дружба с животным. В Пифите такое баловство не поощрялось, личность собаки не рассматривалась как предмет интереса. Три предэкзаменационные ночи без сна, над книгами. Он раскачивался на стуле, читая, повторяя, зубря, зубря, зубря…

Путь, начатый однажды, долог. Волны океана вздымались между словами. Монстры подсознания поджидали момента, чтобы доказать свою реальность. Мелькала мысль об океане в снах далекого детства, задолго до морского путешествия.

Хозяйка доставляла наверх поднос с пищей. Аппетитно шипящие в горячем жиру сосиски, как будто живые. Предвосхищающие телевизионную

рекламу, в которой пища поет, восхваляя свои весовые качества.

— Нельзя так много работать!

— Иначе никак, миссис Райс.

Он научился спасаться в конструкциях третьего лица и в безличных, отстраняться от себя, как подобает монарху.

Открытый конкурс-экзамен, июнь 1942.

Он сидит перед двенадцатью экзаменаторами, и первый же вопрос, заданный профессором Лондонского университета, загоняет его в тупик.

— Не могли бы вы объяснить, как работает паровоз?

Молчание.

— Не интересуетесь железной дорогой?

— Очень интересная сфера деятельности, сэр, но рекомендованная тематика поглощает все рабочее время.

— Но хоть какие-нибудь детали вам известны?

Джему морщит лоб. Что там что толкает? Что чем приводится в движение? Но он даже схемы паровой машины ни разу не видел.

— Нет, сэр.

Может быть, он сведущ в погребальных обрядах древних китайцев?

Он родом из той же части Индии, что и Ганди. Комиссии хотелось бы услышать что-нибудь об инициированном этим господином движении. Как экзаменуемый относится к Конгрессу?

Тишина. Взгляды устремлены на него. «ПОКУПАЙТЕ АНГЛИЙСКОЕ!» — такие плакаты Джемубхаи увидел в день прибытия в Ливерпуль. Ему тогда же пришло в голову, что, крикнув у себя дома «ПОКУПАЙТЕ ИНДИЙСКОЕ!», он мгновенно оказался бы за решеткой. В 1930 году, когда Джему был еще ребенком, Ганди покинул свой ашрам в Сабармати и направился в Данди, на берег океана, где погрузился в подрывную деятельность — соль добывал.

— До чего это его доведет? Ф-фу! Сердце у него, должно быть, правильное, но мозги точно не на месте! — сердился отец Джему, хотя тюрьмы не вмещали всех сторонников Ганди.

На пароходе «Стартнейвер» морские брызги орошали лицо и руки Джемубхаи, высыхали, оставляя после себя пятнышки соли. Разве это можно обложить налогом? Смешно!

— Человек, нелояльный к управляющей администрации, не сидел бы здесь, перед вами, сэр.

Кто его любимый писатель?

Неприятный вопрос. Нет у него любимых пи-

сателей.

— Сэр Вальтер Скотт, сэр.

— Что вы читали из его произведений?

— Все напечатанное, сэр.

— Можете процитировать что-нибудь из наиболее вам близкого? — спросил профессор социоантропологии.

Вдоль границы скакал Лохинвар молодой.

Всех коней был быстрей его конь боевой.

Рыцарь ехал без лат, рыцарь ехал без слуг,

Был при нем только меч, его преданный друг.

Ко времени поступления на гражданскую службу кандидаты обычно оттачивают речь, но Джемубхаи за все годы обучения в Англии мало с кем общался; он целыми днями рта не открывал, и его английский сохранил выраженный гуджаратский акцент.

Лорд скакал по лесам, мимо гор, мимо скал,

Реку он переплыл, брода он не искал,

А когда замок Незерби встал перед ним,

Услыхал он, что Элен венчают с другим.

Да, соперник трусливый с душою пустой
Взял невесту твою, Лохинвар молодой.

Джемубхаи поднял голову. На физиономиях экзаменаторов поигрывали иронические улыбочки.

Хмурит брови отец, и тревожится мать,

И жених свой платок принимается мять,

А подружки твердят: «Лучше с нашей сестрой

Обвенчался бы ты, Лохинвар молодой!»[3]

*

Судья замотал головой, отгоняя воспоминания.

— Идиот!

Он вскочил, оттолкнув стул, в пароксизме са-

---

[3] Примечания: 3

«Лохинвар». Перевод В. Бетаки. — *Примеч. ред.*

моосуждения швырнул нож и вилку на тарелку и вышел из-за стола. Его стальная воля ржавела и разрушалась. Память накатывала по ничтожнейшему поводу. Подумаешь, учителишка стишок продекламировал… Скоро все, что судья отделил от себя глухим барьером, навалится на него и раздавит, жизнь его и вечность соединятся, все пойдет прахом.

Собака потрусила за ним. Судья вошел в свою комнату, сел, погрузился в размышления. Собака прильнула к нему, как дети прижимаются к родителям, чтобы утешить их и успокоиться самим.

— Извините, — сказала Саи. — Дедушка в своих капризах совершенно непредсказуем.

Джиан, казалось, ее не услышал.

— Извините, — повторила она, замирая, но он опять не услышал. Впервые он смотрел на нее, впивался в нее глазами, пожирал воображением.

Ага! Вот оно, доказательство.

*

Повар убрал со стола, запер недоеденный горошек в шкаф, похожий на курятник. Ножки шкафа-курятника тонут в мисках воды — мера защиты от муравьев и иной нечисти. Повар нагнулся за одним из ведер, подставленных под

протечки, долил воду в миски и выплеснул остаток за окно, вернул ведро на место. Выплеснул воду из остальных ведер, под другими протечками, вернул и их на свои места.

Дополнительную постель повар приготовил в комнатушке, заполненной всякой дрянью, среди груд которой, в самом центре комнаты, торчала кровать. Поставил на стол две свечки в блюдечках для Саи и Джиана и принюхался. Чем-то странным попахивало в комнате?

— Ваша постель готова, *мастерджи!*

Но Саи и Джиан погрузились в газеты. Повар не заметил их беспокойства, так как и самому ему не терпелось прочитать два письма Винсу, пришедших с последней почтой. Они лежали у изголовья его кровати, придавленные пустой консервной банкой. Повар подвернул штаны, сжал в руке зонт, ибо вода снова хлынула с неба, и пошлепал к своей хижине.

*

Он, она и газеты. Впервые без всяких свидетелей.

Колонка рецептов Кики де Коста. Чудеса из картофеля! Мясо-колбасы! Соусы-анчоусы!

Секреты красоты Флёр Хуссейн.

Парад лысых красавцев в клубе Джимхана в Калькутте! Вручение призов. Победители: мистер Саншайн, мистер Муншайн, мистер Уил Шайн.

Четыре глаза прикованы к строчкам и иллюстрациям, но мысли ведут себя менее дисциплинированно. Наконец Джиан не выдерживает, роняет газету на стол, резко поворачивается в сторону Саи и выпаливает:

— Вы смазываете волосы маслом?

— Нет, — вздрагивает Саи от неожиданности. — Никогда не мажу.

Пауза.

— А что? — интересуется она. Что-нибудь не в порядке с ее волосами?

— Не слышу! Дождь шумит… — Он придвигается ближе. — Что?

— А что?

— Они так сверкают… Я думал…

— Нет.

— Они кажутся мягкими. Шампунь?

— Да.

— Какой?

— «Сансилк».

О-о-о, непереносимая интимность фирменных марок! О-о-о, отчаянная смелость и изощренная пытливость вопросов!

— А мыло?

— «Люкс».

— Для кинозвездочек?

Но испуг давит на них, не дает засмеяться.

Еще пауза.

— А вы?

— Да чем придется. Что в доме есть. Любое. Для мужчины это не важно.

Ему стыдно признаться, что мать покупает на рынке самопальное бурое хозяйственное мыло, весовое, самое дешевое.

Дальше — больше.

— Можно взглянуть на ваши руки? Такие маленькие…

— Неужто?

— Да. — Он вытянул для сравнения свои. — Видите?

Пальцы. Ногти.

— Пальцы… длинные. Маленькие ногти. Да вы их грызете!

Он взвесил ее руку в ладони.

— Легонькая… как воробышек. Наверное, кости пустые, как у птицы.

Эти слова всколыхнули нечто неуловимое в Душе Саи, сердце ее отозвалось звонкой барабанной россыпью пульса.

*

Сезон дождей плодит букашек. По комнате летают жуки всяческих расцветок. Из каждой дырки в полу вылезает мышь, как будто скроенная по размеру дырки. Из крохотной дырочки махонькая мышка, из большой дыры — здоровенная крыса. Из мебели выдавливаются термиты. Насекомых такая масса, что кажется, пол, стены, потолок, мебель дышат, шевелятся, вибрируют.

Но Джиан их не видел. Его взгляд сам оказался мышью, скользнувшей в рукав кимоно и обнаружившей там локоть.

— Острый какой. Страшное оружие.

Руки смерили, перешли к ногам. Он скинул башмак, стыдливо стянул и спрятал в карман поношенный носок. Углубились в созерцание поставленных рядом ступней.

Глаза ее производили потрясающее впечатление. Громадные, влажные, завлекающие, втягивающие свет. Но он не отважился их упомянуть, ограничился более доступными для понимания, для научного анализа частями тела.

Положил ладонь на голову Саи, ощущая ее шарообразность. Вытянул палец к дуге брови, сам пораженный своею смелостью. Палец скользнул

к переносице.

Вода звучала многоголосым хором. Громко пела за окнами, грохотала по крыше и по бананам, плескалась в лужах и тарахтела по камням мощеного двора, булькала в окружившей двор, подобно крепостному рву, сточной канаве, глухо рычала в русле *джхора.* Звучно стекала с крыши по сточным трубам в водоприемные бочки, звучно вытекала из переполненных бочек.

Шум воды все громче, затрудненность речевого общения облегчает обмен взглядами и жестами.

Палец Джиана уже готов был соскочить с кончика носа Саи и коснуться ее губ, как вдруг…

— А-а-а-а! — завопила она, вскочив.

«Мышь!» — подумал Джиан.

Нет, не мышь. К мышам Саи давно привыкла.

— Ух-х-х, — выдохнула Саи.

Невозможно долее переносить еле ощутимое прикосновение этого пальца и тяжкое давление вспухавшего изнутри, необъяснимого ощущения. Она прижала ладони к лицу, замерла, потом встряхнулась, как будто освобождаясь от впечатлений.

— Что ж, спокойной ночи! — почти официально провозгласила она, безмерно удивив Джиана.

Осторожно вымеряя шаги, как пьяный, жела-

ющий скрыть свою нетрезвость от дорожного полицейского, Саи направилась к прямоугольнику дверного проема и нырнула в спасительную тьму. Джиан сокрушенно созерцал разболтанную дверь, за которой скрылась ее фигура.

Она не вернулась.

А мыши никуда и не исчезали. Безмерной настырности твари.

*

Разбитая кровать судьи напоминала гамак. Со всех сторон течет, капает, струится; тинькает да булькает. Судья зарылся в кучу несвежих одеял, белье сложил на абажур лампы, чтобы подсушить, часы сунул под лампу, с той же целью. Для цивилизованного человека ситуация весьма неудобная. Воздух той же влажности, что и снаружи, как будто здесь тоже идет дождь. Недоставало лишь свежести наружной атмосферы. Судья морщится от запаха плесени и спор, древесного дыма и мышиных испражнений, керосина и каких-то еще, неопределимых сразу примесей. Он выбрался из постели, достал шерстяной ночной колпак и пару носков. Натягивая носки, заметил на стене скорпиона. Схватив мухобойку, замахнулся, но скорпион уже почувствовал движение и, задрав

хвост, заспешил в щель.

— Черт!

Вставная челюсть ухмылялась из стакана улыбкой скелета. Судья нашарил снотворное, смыл таблетку в желудок глотком воды из кувшина. Вода в Калимпонге ледяная, недавно растаявший снег гималайских гор. Десны свело холодом.

— Спокойной ночи, котлетка моя любимая, — пробормотал судья уже заснувшей собаке, когда онемевший рот снова вернулся к жизни. Собака не проснулась, а судья все не мог заснуть и оторваться от воспоминаний.

*

По результатам устного экзамена судья набрал сотню из трехсот. Низшая оценка. Письменный экзамен улучшил ситуацию, он шел сорок восьмым. Однако лишь сорок два лучших принимались на службу. Он уже собирался брести прочь незнамо куда, когда ситуация снова изменилась. С целью увеличить процент местного населения в штате гражданской службы комиссия составила новый список, в котором в последней строчке значилось; Джемубхаи Попатлал Пател.

Новоиспеченный гражданский служащий устремился в свою конуру, рухнул на кровать в

одежде, даже в обуви, из глаз потоком полились слезы. Провалялся он так трое суток.

— Джеймс! — беспокоилась квартирная хозяйка. — Вы больны?

— Нет, не беспокойтесь. Просто очень устал.

— Джеймс?

— Миссис Райс, все в порядке. Все наконец позади.

— Рада за вас, Джеймс, — автоматически промолвила хозяйка и постаралась убедить себя, что ей и в самом деле приятно. Прогресс в мире неоспорим. И это должно радовать.

Не первый, не второй. Но все же прошел. Послал телеграмму домой.

«Результат недвусмысленный».

— Что это значит? — удивились домашние. «НЕ» в английском чаще всего означает какую-нибудь гадость. Но знакомый судейский чиновник развеял их сомнения, и отец почувствовал себя королем, когда в дом потянулись родственники, соседи, знакомые да и незнакомые, чтобы полакомиться сластями с сиропом и с лицемерными улыбками выразить свою искреннюю радость.

*

Несколько придя в себя, Джемубхаи вместе с сундуком, отмеченным надписью «мистер Дж. П. Пател, пароход „Стратнейвер“», отправился в наемном кебе на новую квартиру. Он даже повернулся, чтобы помахать рукой на прощанье — ради последнего взгляда на собаку с ветчинными пирогами в глазах, следившую за его отъездом из окна верхнего этажа.

Ранее Джемубхаи жил на десять фунтов в месяц. Теперь на время двухгодичной стажировки ему обеспечены триста фунтов в год, и он может себе позволить более комфортное обиталище ближе к университету.

В новом пансионе с десятком съемщиков он познакомился с Бозе, нашел своего единственного друга в Англии.

Их роднили похожие мешковатые костюмы, похожие жилые комнаты, которым они своим присутствием придавали одинаковую неуютность, одинаковые походные сундуки. Они признали друг друга с первого же взгляда, первым же взглядом согласились, что не будут обременять один другого несущественными деталями личной биографии.

В одном существенном отношении Бозе отличался от Джему. Бозе — оптимист. Путь только один, одна дорога — в будущее! «Вперед, вперед, бодрым шагом в поход, с нами сто музыкантов идет!» Они вместе скользили по речке на неуклюжей плоскодонке, вместе пили чай с джемом и с надоедливыми осами. В Лондоне они наблюдали смену караула у Букингемского дворца, поглощали пирожки и избегали других индийских студентов. Согласились, что гигиена на Трафальгар-сквер отнюдь не отвечает хваленым английским требованиям. Жуткая масса загаживающих всё вокруг голубей, один из которых отметил и плечо Бозе. Бозе посоветовал Джемубхаи, какие пластинки купить для нового граммофона: Карузо и Джильи. Заодно поправил и произношение: Джи-*л-л-л-ь-й-й-и-и,* а не Джигли. Й-йорк-*ш-ш-ш-ш-и-и-и-а,* Э-дин-*б-б-б-ё-а,* Джен-*н-н-э-э-а* — окончание теряется, как ветер в пустошах Бронте, бесконечное окончание без окончания, а не Джен *Эйер-р-р,* как положено в южноиндийском варианте. Вместе прочитали «Краткую историю западного искусства», «Краткую историю философии», «Краткую историю Франции» и кучу других «Кратких…», всю серию одолели. Освоили эссе о стихосложении, о

сочинении сонетов, книгу о стекле и фарфоре: Уотерфорд, Сальвиати, Мейсен, Лимож, Споуд. Провели глубокие натурные исследования в области пирогов, пирожных, бисквитов, варений, конфет.

Теперь он взял реванш за прежние конфузы, поднялся «до марки». Английский судья утратил акцент, и его стали принимать за того, кем он не был, за достойного человека. Он завидовал англичанам, ненавидел индийцев. Страстно стремился стать англичанином и стал тем, кого в равной степени презирали как англичане, так и индийцы.

В конце стажировки Бозе и судья подписали присягу, поклялись в верности Ее Величеству и вице-королю, получили циркуляры по обработке змеиных укусов и обитанию в палатках, перечень имущества, коим следовало запастись для возвращения на родину: бриджи, сапоги для верховой езды, теннисные ракетки, винтовки. У обоих сложилось впечатление, что они собираются в продолжительный бойскаутский поход.

Снова на борту «Стратнейвера». Судья прихлебывает чай и пролистывает пособие по языку хиндустани. Он не знает языка той части Индии, куда его направили. Он держится особняком, ибо

в обществе англичан чувствует себя неловко.

*

Внучка проходит мимо двери его спальни в ванную, он слышит, как свистит кран: струя воды обильно разбавлена воздухом.

Саи моет ноги, забывает о лице, выходит, вспоминает о лице, возвращается, забыв, зачем вернулась, вспоминает о зубах, кладет в карман зубную щетку, выходит, вспоминает о лице и зубах, возвращается, снова моет ноги…

Взад-вперед, взад-вперед, кусая ногти.

Она гордится тем, что может вынести все что угодно.

Все что угодно, кроме нежности.

А лицо забыла вымыть!

Она возвращается в ванную и снова моет ноги.

*

Повар сидит перед письмом. Синие чернильные волны омыли бумагу, не оставив ни одного слова, ни одной буквы. Такое случается в дождливый сезон.

Второе письмо — та же самая картина. Между ним и сыном океан в буквальном смысле. Ото-

двигает надежду, раздевается и лезет в постель. Наволочку вот сменил…

В запасной комнате Джиан размышляет над содеянным. Прав он или не прав? Прав или виноват? Откуда смелость взялась? Он явно перешагнул границы дозволенного. Наверное, ром обвинить можно, пища непривычная… Ощутил что-то вроде гордости. «Ай-яй, ай-яй», — сказал он себе вполголоса.

Под дырявой крышей Чо-Ойю лежали без сна четыре человека. Снаружи бушевали дождь и ветер, молнии нагло вспарывали темное небо.

Глава девятнадцатая

— Привет, Бижу!

Саид-Саид. Белая *курта*-пижама, солнечные очки, золотая цепь, башмаки на платформе. Косички увязаны в лошадиный хвост. Прибыл из своей банановой республики.

— Мой босс пусть мой зад целовать, — сообщает Саид. — Я женится, брат.

— Ты женился?

— Да, брат.

— Кто жена?

— Тойз.

— Тойз?

— Тойз. «Зеленая карта», друг, всем вдруг. Давай, давай показать твой карта! Что делать? Я женится.

В ресторане он работал на кухне, она — в зале, официанткой. Пушинка-смешинка. Она натянула цветастое платье, Саид взял напрокат костюм, зашли в мэрию, она звонко пискнула «Да» под красно-синим, звездно-полосатым.

Потом тренировка перед серьезным экзаменом. Перед допросом в иммиграционной службе.

— Какого цвета нижнее белье предпочитает ваш муж?

— Какой зубной пастой пользуется ваша жена?

Заподозрят что-нибудь — разведут вас по разным комнатам, будут донимать одними и теми же вопросами, а ответы сравнят. Кто-то уверяет, что они подсылают шпиков для проверки, другие не верят. Откуда у них лишние деньги?

— Кто покупает туалетную бумагу?

— Я покупать, друг, я. «Софти» покупать, и ты посмотреть, сколько как много надо! Я через каждый день два пачка покупать!

*

— А родители ей разрешили?

— Ее народ меня любить! Ее мать меня любить, любить!

Проживающие в не столь далеком Вермонте родители невесты оказались длинновласыми хиппи, упертыми в правильное питание: пита с чесноком да *баба-гануш.* Они искренне жалели всех, кто не понимал ценности естественного, по возможности, необработанного продукта. Черный Саид, с детства усвоивший склонность к белому рису, белому сахару и белому хлебу, присоединился к их псу, тоже не оценившему

прелести крапивного супа и лопуховых тефтелек, и к Тофутти — «Она на этих ядовитых гамбургерах помешалась!» — и в компании двух злостных отступников отправлялся закусывать в ближайшее заведение, кормившее вредной для здоровья скоромной пищей. Фото для иммиграционной службы: две морды, собачья и Саида, впившиеся в «биг-бой-бургеры». Фото Саид вынимает из бумажника, купленного специально для хранения столь важного документа.

— Хорошие снимки, — хвалит Бижу.

Вот Саид с семейством на местной ярмарке рядом со злодейского вида куклой страхового общества; Саид и другая рекламная кукла, славящая сыры и молочно-кислые изделия «Графтон»; Саид с семейством, в обнимку с бабкой в свободной *муму*, без бюстгальтера, сивая шерсть из подмышек торчит во все стороны света.

О-о, Соединенные Штаты! О-о, рас-счу-у-удесная страна! Где еще найдешь таких прекрасных людей? Саид рассказывал прекрасным людям о своих «племенах» на Занзибаре, о фальшивых паспортах, о себе-Зульфикаре — они в восторге! Какую гадость ни устрой их родному правительству — они только рады помочь.

Бабка тут же накатала в иммиграционную

службу письмо с заверениями, что Зульфикар из Занзибара — желанный, долгожданный новый член древнего клана Вильямсов с «Мэйфлауэра».

*

Саид хлопнул Бижу по спине.

— Не зевать, брат! Искать, вокруг смотреть!

Он отбыл репетировать поцелуи для иммиграционной службы.

— Надо все тип-топ, чтобы они не возражать.

Бижу продолжил путь, пытаясь улыбаться встречным гражданкам великой страны. Но гражданки не удостаивали его даже взглядом.

*

Повар пошел жаловаться на почту:

— Письма мокрые насквозь. Ничего не прочитать.

— *Бабаджи,* что поделаешь! Посмотри на погоду.

На следующий день:

— Письма есть?

— Нет, нет. Дороги размыты. Может быть, после обеда починят, попозже зайди.

Лола лихорадочно пытается дозвониться до

дочери. У Пикси день рождения.

— Что значит «не работает»? Целую неделю не работает, что ли?

— Целый месяц уже не работает, леди, — поясняет какой-то молодой человек. — СВЧ не функционирует.

— Что такое СВЧ? — не понимает Лола.

— Микроволновая связь. Спутник, — молодой человек тычет пальцем в небо и тут же указывает в бетонный пол, заляпанный местной грязью, — спутник связи сломался.

Ни писем, ни телефона. Лола сталкивается с поваром, они делятся горестями, расходятся. Повар плетется к мяснику, Лола за спреем и новой хлопушкой. Каждый день этого злосчастного сезона уносит жизни сотен мелких существ. Лола безжалостно истребляет комаров, муравьев, термитов, сороконожек, пауков, древоточцев, жуков… А что проку? Каждый день рождаются тысячи новых, невиданные виды появляются…

Глава двадцатая

Джиан и Саи.

Последовавшие в пелене ливня прорехи позволили им провести сравнительный анализ ушей, плеч, объема грудных клеток.

Ключицы, ресницы, подбородочные выступы.

Колени-пятки, изгиб стопы.

Гибкость пальцев рук и ног.

Скулы, шеи, бицепсы, суставы.

Цвет и выпуклость вен.

Спешите, спешите! Нигде в мире! Уникальное шоу языков. Саи под руководством Арлены изучила в монастыре премудрость доставания кончиком языка кончика носа. И продемонстрировала свое умение Джиану.

Он ответил диким вращением бровей, движением головы подражая танцу Бхарат Натья, и закончил стойкой на голове.

Она обратилась мыслями к собственным исследованиям перед зеркалом, к деталям, которые упустил Джиан.

Легкий пушок на мочках ушей — как на табачных листьях, нежный блеск волос, прозрачность

кожи с внутренней стороны запястий…

В следующее посещение она наверстала упущенное, демонстрируя волосы с рьяностью рыночного торговца платками:

— Посмотри, потрогай! Как шелк!

— Как шелк, — подтвердил он.

Уши она продемонстрировала, как ювелир показывает драгоценность доверенному клиенту, вытащив из-под прилавка с видом таинственным, интригующим.

Но исследование глубины глаз натолкнулось на непреодолимые трудности. Взгляд ее прыгал, ускользал, увиливал и наконец окончательно скрылся за опущенными веками.

В этой подгоняемой глубинными первопричинами игре незаметно пролетали часы. Однако не исследованные и не проанализированные еще части их организмов поддерживали напряжение на прежнем уровне, в том же безнадежном состоянии, которое определяло атмосферу их занятий геометрией.

Спинные и поясничные позвонки.

Живот и пупок…

*

— Поцелуй меня! — попросил он.

— Нет! — в восторге и ужасе выдохнула она.

Она должна потребовать выкуп.

Но невозможно выдержать это дольше.

Дождь затаил дыхание.

Мгновения шумели в ушах каплями дождя.

Она закрыла глаза и ощутила прикосновение.

Их губы сравнили очертания и изменили форму…

Через неделю они вели себя как наглые нищие.

— Носик? — Он целует нос.

— Глазки? — Да, глаза.

— Ушки? — Уши.

— Щечка? — Разумеется.

— Пальчики? — Раз-два-три-че-ты-ре-пять.

— А эта ручка? — Десяток поцелуйчиков.

— Ножка?

Слова, их смысл, значение нырнули в детство, в изначальную цельность бытия.

Руки-ноги-сердце…

Все части тела на месте.

*

Джиану двадцать, Саи шестнадцать, они не слишком интересуются течением жизни на склонах. А на рынке появляются новые плакаты, бередящие старые раны, на стенах лавок и офисов сами собой возникают лозунги, намалеванные краской либо нацарапанные. «Где наше государство?», «Лучше умереть, чем жить рабами!», «Конституция издевается над нами. Отдайте нашу землю!». Вдоль шоссе эти лозунги дрались за место со стандартными увещеваниями, украшающими бетонные крепления склона: «Без виски — без риска», «Лучше поздно, чем никогда», «Сэкономишь минуту — потеряешь жизнь», «Коль женился — не флиртуй со скоростью!».

Призывы появились и на дороге к военному лагерю, на скалах вдоль горных троп, на стволах деревьев рядом с мазанками, под навесами которых сохло зерно. В загонах за хижинами хрюкали не умеющие читать свиньи. К вершине холма Рингкингпонг карабкалась по гидротехническим сооружениям кособокая «СВОБОДА!». Поначалу эту активность списывали на счет обычных в таких случаях активистов-студентов. Но однажды полсотни членов молодежного кры-

ла Национального фронта освобождения Горка принесли публичную клятву положить жизнь за дело создания своего родного Горкаленда. Они промаршировали по улицам Даржилинга, скандируя: «Горкаленд для горка! Мы — армия свободы!» От них жались в стороны погонщики пони, на них глазели продавцы-лоточники и официанты придорожных кафе и забегаловок, а они лихо размахивали своими *кукри*, вспарывая воздух сталью и воплями.

Запахло бунтом.

Глава двадцать первая

— Их можно понять, — сказала Нони. — Если не на все сто процентов, то наполовину. Даже на три четверти.

— Чушь, — решительно возразила Лола. — Эти непальцы прежде всего набросятся на пришлых, то есть на нас, на бонгов. У них давно слюнки текут. Нагадят, нашкодят, а после всех своих мерзостей смоются через границу в свой Непал. Очень удобно.

И она представила сторожа Буду, живущего в Катманду с ее радиоприемником и серебряным ножом для торта. И других *канчи* с другой добычей.

*

В гостиной «Мон ами» чаепитие после занятий с Саи.

Пейзаж — как на картинах примитивистов. Плоское серое небо, плоская серая гора, плоские белые пятна коров отца Бути на гребне холма. В гостиной включен свет, под лампой — блюдо рожков с кремом и ваза с туберозами. Мустафа

влез к Саи на колени, и Саи размышляет, как по-новому она воспринимает кошек с тех пор, как появился Джиан. Мустафу не интересует рост цен на рынке и лозунги на стенах, он ищет, где там у Саи ребро покрепче, чтобы потереться об него мордочкой.

— Неру, старый дурак, понапек этих штатов! — возмущается Лола. — Теперь любая кучка жуликов может потребовать себе собственный штат, да и получить тоже. Сколько их уже? Сначала пятнадцать, потом шестнадцать, семнадцать, потом аж двадцать два… — Лола крутит пальцем у виска, чтобы подчеркнуть свое мнение о старом дураке Неру и об учиненном им беспорядке. — Все началось с Сиккима. Непальцам эта грязная возня понравилась, они хотят продолжить здесь и теперь. Так ведь, Саи?

Мустафа под пальцами Саи кажется бескостным, он тает на ее коленях в глубоком знании *никакой* религии, *никакой* страны или границы. Он весь — ощущение, чутье, *чувство.*

— Да, — автоматически реагирует Саи.

Сколько раз одно и то же! Индира Ганди, плебисцит, короля долой, Индия слопала это игрушечное королевство, небо которого синеет в отдалении, из которого поступают такие чудес-

ные апельсины и еще более чудный ром «Черный кот» — контрабандой, при живейшем содействии любезного майора Алу. Там вплотную к снегам прильнули к склонам Канченджанги монастыри. Нереальная страна, волшебные сказки, поиски Шангри-Ла — но не оторваться ей от разрушительной реальности жизни.

— Попробуй взглянуть с их точки зрения, — оживляет дискуссию Нони. — Сперва непальцев вышвыривают из штата Ассама, потом из штата Мегхалая, потом король Бутана ворчит…

— Нелегальная миграция, — роняет Лола и подхватывает с блюда рожок. — Ай-яй-яй, — упрекает она себя. — Остановись, довольно.

— Конечно, они недовольны, — продолжает Нони. — Они здесь живут испокон веков. Почему бы их язык не ввести в школах?

— Потому что следующий шаг — самостоятельность, независимость. Сепаратизм, терроризм, партизаны, бунтовщики, агитаторы, подстрекатели, все друг друга подбадривают, все друг с другом соревнуются. Непальцев подстрекают сикхи со своим Халистаном и кучей движений. Джарханд, Бодоленд, Горкаленд; штаты Трипура, Мизорам, Манипур, Кашмир, Пенджаб, Ассам…

Саи думает о том, как она растаяла в руках Джи-

ана, как ее кожа слилась с его прикосновением.

Скрипит калитка.

— Здравствуйте, здравствуйте! — В дверь просовывается крючковатый нос госпожи Сен. — Не помешала? Иду это я мимо, слышу — голоса, дай, думаю, зайду… О, пирожные… — Она восторженно причмокивает и попискивает, как мышь в мультфильме.

Лола как будто ее не видит.

— Письма рассылают… Видели их письмо королеве? Горбачеву и Рейгану? Апартеид, геноцид, за Пакистаном нас, бедных, забыли… колониализм, вивисекция Непала… С каких пор Даржилинг и Калимпонг стали Непалом? Даржилинг захвачен у Сиккима, а Калимпонг у Бутана.

Нони:

— Да, с границами у британцев неловко получается, не умеют они или не хотят…

Госпожа Сен смело ныряет в дискуссию:

— Где ж им уметь, они на острове, кругом вода. Практики нет, ха-ха-ха.

*

Встречаясь, Джиан и Саи таяли и сливались, как два куска масла, растопленные на одной сковородке. С каким трудом они возвращались

к повседневности, в свои индивидуальные оболочки!

— Пакистан! — с жаром оседлала госпожа Сен своего любимого конька. Тема обкатана годами словопрений, по ней заготовлено множество отполированных до блеска формулировок, с ходу вставляемых в разговор. — Первый инфаркт нашей страны, до сих пор не залеченный.

Лола:

— Все дело в прозрачности границы. Индийские непальцы, непальские непальцы — поди отличи. А как они плодятся!

Госпожа Сен:

— Как мусульмане.

Лола:

— Если бы как здешние мусульмане.

Госпожа Сен:

— Кошмар. Никакого контроля рождаемости.

Нони:

— Везде население растет. Нельзя в этом обвинять одну или другую группу населения.

Лола:

— Лепча как раз вымирают. Если на то пошло, то они в первую очередь имеют право на эту землю, а о них никто и не вспомнит.

Спохватившись, Лола добавляет:

— Лепча, впрочем, тоже хороши. Взять хоть правительственные субсидии на свиноводство. «Возрождение традиционной отрасли хозяйства» — и хоть бы одна свиноферма! Куча писанины о дороговизне корма для свиней, об антибиотиках — а денежки тю-тю!

Госпожа Сен:

— В Индии больше мусульман, чем в Пакистане. Они предпочитают здесь размножаться. Яичница с беконом на завтрак и виски вечером, вот вам ваши мусульмане. И пять раз в день кверху жопой перед Господом, вот так. — Она сунула липкий палец в рот и вытащила его оттуда с резким звуком. — С их Кораном иного и ждать нельзя, кроме двуличности.

Эти заключения базировались на общей для хинду позиции. Раз Коран налагает на людей столь строгие правила, что придерживаться их нет никакой возможности, то мусульмане провозглашают одно, а делают другое. Они пьют, курят, жрут свинину, шляются по девкам, и все это отрицают.

В отличие от индусов, которые ничего не скрывают и не отрицают.

Лола беспокойно глотнула слишком горячего чаю. Обвинения мусульман в высокой рожда-

емости звучали вульгарно в обществе людей, читавших Джейн Остин. Болтовня госпожи Сен ослабляла ее четкую и взвешенную аргументацию по проблеме Непала.

— Мусульмане здесь ни при чем, — строго заметила Лола. — Мусульмане здесь уже давно. А непальцы пришлые. И дело не в религии.

Госпожа Сен:

— Да какая такая разница! Мусульмане тоже черт-те откуда. Бабар там, и вообще… Пришли плодиться, кролики. Я женщин не виню, бедняжек. А мужчины… три жены, пять жен… ни стыда, ни совести. — Она хихикнула. — Чем им еще заниматься. Электричества нет, телевизора нет…

Лола:

— Госпожа Сен, вы опять уводите в сторону. Мы вовсе не об этом.

— О-хо-хо, ха-ха-ха, — пропела госпожа Сен и схватила с блюда еще одно пирожное.

Нони:

— Как поживает Мун-Мун?

Она тут же спохватилась, но поздно. Бедная Лола! Теперь придется заглаживать ошибку.

— О, ее упрашивают принять «зеленую карту», а она все отказывает. Люди что угодно за это отдать готовы, а она, глупышка… Уж я ее ругаю-ругаю.

Все время ругаю. Ах, Америка! Какая страна, и как все организовано…

Сестры всегда смотрели на госпожу Сен свысока, и эмиграция Мун-Мун в США ничего в их позиции не изменила. Как не изменила она и плебейского произношения госпожи Сен, и ее прошлого. Поговаривали, что достойная дама жила перепродажей конфиската на черном рынке, помогала любящим мамашам обеспечить дочек контрабандным приданым.

Лола:

— Но эти американцы ужасно примитивны.

Госпожа Сен:

— Простой народ, душевный, без ужимок, открытые души!

— Это неискренняя открытость.

— А в Англии лучше? Там они смеются за твоей спиной.

Не ведали Англия и Америка, что в далеком Калимпонге идет между ними жестокая война, и ведут эту войну от имени великих держав две вдохновленные своей правотой вдовы.

— В Америке никто не интересуется, откуда ты приехал.

— Не надо принимать невежество за свободомыслие. Им просто не понять, откуда кто приехал.

А как они относятся к своим неграм! — Лола изобразила глубокое сочувствие к угнетенному чернокожему населению Штатов.

— Они верят, что каждый может быть счастливым!

— Счастье, радость и веселье… Дурацкие парады патриотизма с флажками и горячими колбасками! Как цирковые обезьяны, честное слово!

— Что ж, развлекаются люди…

*

— Что у тебя нового, Саи? — в отчаянии пытается Нони сменить тему. — Развесели хоть ты нас.

— Да ничего нового, — соврала Саи и покраснела, думая о Джиане и о себе с Джианом.

Три дамы тотчас подвергли ее тщательному визуальному анализу. Оказавшись в фокусной точке внимания, Саи смущенно заерзала по стулу.

— И до сих пор не завела дружка? — переадресовала Лола свое недовольство с госпожи Сен. — Сколько можно тянуть? Мы даже в старые времена давали маме-папе поводы для беспокойства.

— Оставь ее в покое. Она хорошая девочка, —

вступилась Нони.

— Лучше сейчас, пока не нахлынуло безумие, — с таинственным видом изрекла госпожа Сен.

— Может быть, у тебя глисты? — предположила Лола.

Нони порылась в куче всякой ерунды, наваленной на большом керамическом блюде, и вытащила упаковку таблеток.

— Вот хорошее средство от глистов. Мы для Мустафы купили. Он вдруг начал зад об пол тереть. Верный признак.

Госпожа Сен посмотрела на туберозы.

— Вы знаете, несколько капель пищевого красителя — и цветы любого цвета. Красные, синие, желтые… Мы давно так делали…

Саи прекратила гладить Мустафу, и он тотчас ее укусил.

— Мустафа! — строго воскликнула Лола. — Будешь себя плохо вести, сделаем из тебя кебаб.

Глава двадцать вторая

Ресторан «Бриджит» в деловом районе Нью-Йорка назван так по имени хозяйской суки, настолько плоской, что на нее лучше смотреть сбоку, как на газету Стены ресторанного зала сплошь в зеркалах, чтобы жующие могли восторгаться собою и своей энергичной манерой поглощения пищи.

Утром Бижу в составе штата ресторана носился в пароксизме трудовой деятельности. Пара хозяев, Одесса и Баз, за угловым столиком наслаждалась чаями «Тэйлорз» или «Харроугейт». Индийские колонии, свободная Индия — вкус чая тот же, но романтика утрачена. Ностальгия — двигатель торговли. К чаю обязательная «Нью-Йорк таймс», совместное чтение, включая даже международные новости. Новости всегда кошмарные.

Бывшие рабы и туземцы. Эскимосы и жертвы Хиросимы. Индейцы Амазонки, индейцы Чапас, чилийские индейцы, американские индейцы и индийские индийцы. Аборигены Австралии. Гватемальцы, колумбийцы, бразильцы, аргентинцы,

нигерийцы, бирманцы, ангольцы, тоголезцы, конголезцы, инки Перу, эквадорцы, боливийцы, афганцы, камбоджийцы, руандийцы, индонезийцы, либерийцы, папуасы, южноафриканцы, иракцы, иранцы, турки, армяне, палестинцы, французские гвианцы, нидерландские гвианцы, суринамцы, сьерралеонтийцы, малагасийцы, сенегальцы, мальдивцы, шриланкийцы, доминиканцы, кенийцы, панамцы, мексиканцы, островитяне Маршалловых островов, таитийцы, ямайцы, всякие ботсванцы, бурундийцы, суданцы, слоновокостяне, заиряне-бужумбурянетутсихутяне-ибохаусяне…

И все орут: — колониализм! — рабство! — горнодобывающие хищники! — банановые хищники! — нефтяные хищники! — шпионы ЦРУ в миссионерском обличье! — Киссинджер убил моего папочку! — простить долги Третьего мира!

— Лумумба! — кричат они. — Альенде!

С другой стороны доносится:

— Пиночет-т-т. Мобут-т-ту-Чомб-бе-Кассавуббу…

— «Нестле» травит молоко! Агент «Оранж»! Грязные сделки «Ксерокс»! Нечистые руки Мирового банка! Объединенные нации! Международный валютный фонд! — И всем заправляют

эти белые свиньи.

«Нестле» и «Ксерокс» — достойные-пристойные гиганты экономики, а Киссинджер, по крайней мере, патриот. Соединенные Штаты — страна, в основы которой положены достойнейшие принципы, и никому они ничего не должны.

Сколько можно!

Бизнес прежде всего. Можешь есть хлеб без масла, если его на всех не хватает. Масло получит достойнейший. Победитель.

*

— Естественный отбор, — говорит Одесса Базу. — Вот сидели б мы, горевали да причитали, что пришли когда-то неандертальцы, убили наши семьи большой костью динозавра, что нам бы компенсацию получить. А подайте нам за это две самые первые железные кастрюли и лакомую дочку с зубами… большие тогда зубы были, у первых людей. Да раннюю версию картофеля. На которую вроде сразу Чили и Перу претендуют.

Одесса числилась остроумной особой. Баз наслаждался ее говорком и физиономией в очках без оправы. Однажды он с ужасом услышал, как кто-то из знакомых в разговоре классифицировал ее как суку без сердца и совести, но постарался

об этом забыть.

*

— Ох эти белые! — расстраивается Ачутан, коллега-посудомой. — Черт бы их драл. Но в этой стране они все же чуть лучше, чем в Англии. Здесь они хоть немного лицемеры. Искренне воображают, что они добрые люди.

На улице приходилось иной раз слышать:

— Катись, откуда приехал!

Ачутан привычно отвечал фразой, которую Бижу уже неоднократно приходилось слышать:

— Твой отец пришел в мою страну и обобрал ее. Теперь я приехал в твою страну получить хоть что-то обратно.

Ачутан стремился к «зеленой карте», но не так, как Саид, а в порядке личной мести.

— Зачем она тебе, если ты здесь все ненавидишь? — спросила Одесса, к которой Ачутан обратился за помощью.

Ну, хотелось ему заиметь «зеленую карту». Всем хотелось, кто любил и кто ненавидел. Чем больше ненавидишь, тем больше хочется.

Этого они не понимали.

*

Меню ресторана отличалось простотой: бифштекс, салат, картофель фри. Как ресторан, так и его клиенты даже гордились этой пристойной простотой.

Священная корова — обычная корова. Бижу мог бы порассуждать на эту тему.

В бизнес-ланч и в обед ресторан выглядит как армейская столовка. Костюмы молодых бизнесменов призывного возраста отличаются даже меньшим разнообразием, чем военная форма.

— Как пожелаете, мэм?

— С кровью.

— А вы, сэр?

— Сочный.

Только полные олухи требуют прожаренный. Одесса, с трудом скрывая презрение, считает своим долгом предупредить:

— Вы уверены, сэр? Жестковат получится.

Она сидит за чаем, разрывает бифштекс и вдохновляет своим присутствием прислугу.

— Послушай, Бижу, — смеется она. — Интересно получается. В Индии никто не ест говядину, а по форме ваша Индия — точно отборная часть филея с костью.

Здесь говядину едят и индусы. Индийские банкиры. Меняя тарелки, Бижу смерил их многозначительным взглядом. Они заметили. Они поняли. Он понял. Они поняли, что он понял. Они притворились, что не поняли, что он понял. Они отвели глаза. Он усмехнулся. Но они могли себе позволить не заметить. Бифштекс стал такой же привычкой, как хорошо отработанная подпись.

Корова корове рознь.

Работа работе рознь.

Нельзя поступаться религией отцов и дедов, их принципами.

В жизни следует придерживаться каких-то правил. Поддерживать собственное достоинство. Поджаренная поверхность, на ней выступает кровь. Затем эта кровь начинает шипеть и сворачиваться.

Победят те, кто видит разницу между коровами.

Те, кто не видит разницы, проиграют.

*

Бижу работает с бифштексами.

Кровь, мясо, соль, перечница на изготовку.

— Не желаете ли сверху свежесмолотого перчика, сэр?

— Индия, конечно, бедная страна, но у нас такое мясо станет жрать разве что голодная собака, — качает головой Ачутан.

— Больше внимания Азии. Агрессивнее надо, агрессивнее, — убеждает один деляга другого. — Новые горизонты, миллионы потенциальных потребителей, высокая покупательская способность средних классов. Китай, Индия… Сигареты, памперсы, жареные цыплята, страховка, водоснабжение, мобильные телефоны… Большие семьи, все время звонки. Дети звонят матерям, матери обзванивают своих бесчисленных детей… Америка насыщена, Европа насыщена, Африка не готова, там только нефть. Азия! Все внимание Азии! Есть у них где-нибудь нефть? Надо, чтоб была…

«Умные» речи, ничего не скажешь. Но назови его дураком — и он укажет на величину своего банковского счета, якобы опровергающего обвинение.

Бижу вспомнил Саида, который до сих пор отказывается есть свинину.

— Свинья — нечистое животное, брат. Я мусульманин, я занзибари, я теперь американи…

Он показал Бижу кварцевые часы в виде мечети. Пять раз в сутки часы принимались

причитать:

«Аллаху Акбар, Ля иляха илля-Ллах, ва Аллаху Акбар…»

С верхушки игрушечного минарета сыпались слова, овеянные песчаными бурями аравийских и африканских пустынь, слова, укрепляющие веру, не дающие упасть в расщелину между нечистыми обычаями разных народов. Бодренько, как на дискотеке, мигали из арок мечети зеленький и белый огонечки.

*

— Но почему?

Одесса отказалась поверить своим ушам. С чего ему вздумалось уйти? Такие шансы, такие возможности открывались перед ним в ее заведении… Совершенно безмозглый, не способен оценить своего счастья.

— Ему вряд ли что светит в Америке с таким мировоззрением, — с надеждой поддакнул Баз.

*

Бижу покинул «Бриджит» иным человеком, полным желания начать новую жизнь, ограниченную, но чистую. Ограниченную чистотой.

*

— Вы готовите говядину?

— А как же! «Филли-стейк в тесте», — почти обрадованно сообщил владелец очередного заведения.

— Извините.

Выходя на улицу, Бижу услышал:

— Они коровам поклоняются. — Кто-то из кухни просвещал владельца ресторана.

*

«Копченый Джо».

— Говядина?

— Ми-и-и-илый, жаль тебя обижать, но я сама говядина. Без бифштекса я ни дня! Без бифштекса я не я.

*

Мэрилин. Плакаты, фото Мэрилин Монро на всех стенах.

Владелец — индус!

Он за стойкой, у громкоговорящей связи.

— *Раджнибхаи, кем чо?*

— Чё?

— *Раджнибхаи?*

— Ти кто? Ти што?

Этот индиец изо всех сил старается американизироваться.

— *Кем чо? Саару чо? Теме самджо чо?*

— Ч-ч-ё-ч-ё-ё-ё?

— Вы говорите на гуджарати, сэр?

— Нет.

— Но вы ведь гуджаратец?

— Нет.

— Но у вас имя гуджаратца, сэр.

— Ти кто?

— Значит, вы не гуджаратец, сэр?

— Да кто ти такой?

— «Американ телефон энд телеграф», сэр, льготные тарифы на разговоры с Индией.

— Я не с кем говорить в Индии.

— Совсем не с кем? А родственники?

— Йес, родственники… — подчеркивается американский акцент. — Но я не о чем говорить с родственниками.

Удивленное молчание. Собеседник пытается понять.

— Не о чем говорить с родственниками?

После паузы:

— Всего сорок семь центов за минуту, сэр!

— Какая разница сколько центов? Я уже сказал, что не звоню в Индию. — Он растолковывает медленно, как идиоту.

— Но вы из Гуджарата?

— Мы из Кампала, Уганда, Типтон, Англия, Роуноук, штат Виргиния! Я был в Индии лишь всего только один раз, и больше ни за какие деньги, никогда!..

*

Снова на улице. Ужасно преображаются иные индийцы вне Индии. Но заметить это дано только другим индийцам. Мелкий секрет мелких грызунов. Бижу не сдается. Он ощущает зов страны, зов седой старины, вековых традиций. Он чует судьбу носом. По запаху сворачивает за угол — видит первую букву, G. Затем AN. Сердце подсказывает ему: DHI! Кафе «Ганди». Воздух можно резать ножом. Плотный запах, неподвижный. Запах многих и многих блюд, не сдуваемый ветрами с океана, не смываемый дождями, не тающий в летнюю жару. Внутри темно, но дверь не заперта.

*

В полутьме, среди столов, усеянных чечевицей, еще неубранных, сидит Хариш-Харри. Он и его братья, Гориш-Гэри и Дансукх-Дэнни, управляют цепью из трех кафе «Ганди» в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Коннектикуте. На вошедшего Бижу хозяин даже не посмотрел, авторучка его застыла над просьбой о пожертвовании от коровьего убежища под Эдисоном, штат Нью-Джерси.

Пожертвуй сто долларов, и — кроме доброго дела, которое зачтется в балансе твоих реинкарнаций — мы вышлем вам подарок по вашему выбору (просим отметить соответствующий пункт):

миниатюру Кришна-Лила «Жаждет она Господа и вопиет» в рамке;

экземпляр «Бхагавадгита» с комментариями пандита такого-то, члена того-то и того-то, доктора, лауреата, президента… только что вернувшегося из поездки по шестидесяти шести странам мира;

компакт-диск с любимыми духовными мелодиями Махатмы Ганди;

купон индийской ярмарки; «Удиви госпожу

сердца своего чудным *чоли* цветов лукового, нежно-розового и масляного *ленга.* Для женщины, которая делает твой дом уютным, необходимый на кухне набор из двадцати пяти герметически закрывающихся контейнеров для специй. Пополни запас отборных орехов Нагпур Чана…»

Авторучка медлит, медлит, потом опускается к бумаге.

Услышав вопрос Бижу, он оживляется:

— Вы с ума сошли! Какая говядина? Мы чисто индийское заведение. Без пакистани, без бангладеши. Мы готовим как следует… Вы не были в тех кабаках на Шестой улице, гм… *Билкуль бекаар…*

И вот Бижу священнодействует на кухне под звуки любимых мелодий Ганди, доносящиеся из аудиосистемы.

Глава двадцать третья

Любовь Джиана и Саи расцветала, параллельно вспухали и фоновые политические дрязги.

Поглощая *момо* в *чатни,* Джиан приговаривал:

— Ты моя *момо.*

— Нет, ты мой *момо,* — отвечала Саи.

Пельменная стадия любви. Изобретение прозвищ и кличек. Выдуманные ласкательные имена и сравнения преподносились ими друг другу в качестве сувениров. *Момо,* баранья пельмешка, превращалась в символ уюта, привязанности, защищенности.

При совместной трапезе у Гомпу Джиан ел руками, Саи пользовалась единственным доступным здесь столовым инструментом — ложкой, сворачивая *роти* и подпихивая им пишу на ложку. Заметив различие, они удивились — и сделали вид, что его не заметили.

«Кишмиш», называл он ее. *«Каджу»,* отзывалась она. Изюм и орех кешью — лакомства питательные, лакомства излюбленные. Любовь превращает пары двуногих в образцовых зевак.

Подчиняясь этому правилу, они отправились в заповедник Монг-Понг, к озеру Дело, устроили пикник на Теесте и Релли. Посетили лабораторию шелководства, от которой несло вареными червяками. Здесь им охотно продемонстрировали кучи коконов, приборы для проверки эластичности и водостойкости, обрисовали захватывающие перспективы: водонепроницаемое немнущееся сари, немаркое, на молнии, с плиссировкой, на любую киногероиню дней грядущих. Они катались на поезде игрушечной узкоколейки, ходили в Даржилингский зоопарк, наслаждаясь своею современной свободной и самодовольной любовью на фоне древних тюремных решеток, за которыми маялась краснокнижная панда, прекрасное создание, торжественно жующее листья бамбука с видом погруженного в составление годового отчета бухгалтера. Они посетили монастырь Занг Дог Палри Фо-Брани на холме Дурпин, где седовласые монахи развлекали малышей, катая их в рисовых мешках по полированному полу, перед настенными росписями с демонами, гуру Падмасамбхава при непременной гневной улыбке, спрятанной в завитые усы, при карминовом плаще, скипетре с бриллиантом и в шляпе-лотосе с пером грифа; перед призраком, оседлавшим

снежного барса, и Зеленой Тарой на яке; перед дверьми, выходящими на заснеженные горы.

С Дурпина открывается вид на мир, как на географическую карту, отверзаются перспективы божественные. Внизу поля и реки, долины и холмы. Здесь Джиан поинтересовался родителями Саи. Она не хотела упоминать о космической программе, чтобы снова не показаться ущербной.

— Мои родители сбежали, и с ними никто после этого не хотел общаться. Отец был ученым в России. Там они и умерли.

История его семьи тоже оказалась связанной с заграницей, Джиан этим гордился. Не так уж мало у них оказалось общего.

*

А развивалась история его семьи так.

В XIX веке предки покинули свою непальскую деревню и прибыли в Даржилинг, привлеченные возможностями заработков на чайных плантациях. В крохотном хуторке на самой удаленной плантации владели они чудо — буйволицей, дающей чудо-молоко. Армия империи высылала по деревням своих вербовщиков, измерявших кандидатов мерной лентой и линейкой. Им приглянулись широкие плечи прадедушки Джиана,

выросшего на молоке чудо-буйволицы. Таким сильным он вырос, что сумел одолеть сына деревенского торговца сластями, парня исключительно крепкого, пышущего здоровьем.

Об армии рассказывали, что она содержала защитников империи в холе и неге, обеспечивала их носками и одеялами, маслом и медом, бараниной дважды в неделю и ежедневным куриным яйцом, водой из-под крана в неограниченном количестве и лекарством от всех обнаруженных и необнаруженных болезней. Зад зачесался — намажут, пчела ужалила — тоже намажут. И все за то, что ты прогуляешься по Большой магистральной дороге. Денег армия, во всяком случае, предложила взращенному на молоке буйволицы рекруту больше, чем когда-либо зарабатывал его отец, трудившийся курьером. Отец покидал дом до зари, приспособив за спину большую коническую корзину, разделенную перегородками. Возвращался он с закатом, в корзине восседала меланхолическая несушка с цыплятами, клюющими плетение корзины, в других отделениях находились куриные яйца, туалетная бумага, всякие шпильки-булавки, а поверх всего — бумага для письма, на которой мэм-сахиб выводила ровные строчки: «Дорогая моя дочь, здесь так

потрясающе прекрасно, что красота эта почти заглушает одиночество…»

И вот молодой рекрут присягнул короне и оставил родные места. Так завязалась столетняя связь между семьей и военной историей Британии.

Сначала все развивалось по предсказанному идиллическому сценарию. Ничего опаснее маршировки и патрулирования не встречал прадедушка Джиана в ходе исполнения служебного долга. Он женился, подрастали трое сыновей. Но затем служба привела прадедушку в Месопотамию, где турецкие пули изрешетили его грудь, и он истек кровью на поле боя. Армия проявила доброту к его семье и позволила занять место убитого отца его старшему сыну. Легендарная буйволица к тому времени умерла, и наследник боевой славы отца вырос хрупким, худощавым. Индийские солдаты воевали в Бирме, в Египте, в Италии, в Гибралтаре.

В 1943 году, за два месяца до своего двадцатитрехлетия, хрупкий солдат погиб в Бирме, защищая Британию от Японии. Брату его предложили работу, но он тоже погиб — в Италии, под Флоренцией, хотя солдатом вовсе не был. Он варил абрикосовый джем для британского майора среди итальянских олив и винограда, местные

бойцы сопротивления копали трюфели в саду — и на тебе, бомбежка!

Джиан был совсем малышом, когда последний военный их семьи, хромая из-за отсутствия большого пальца на ноге, выгрузился из автобуса в Калимпонге и вернулся домой. Никто его не признал, но детские воспоминания отца высветили его место в семейной истории, и Джиан обрел дядю. Жил дядя в семье до самой своей смерти, но никто так и не узнал, в каких странах и против каких стран он воевал. Он принадлежал к поколению, которому легче было забыть, чем вспомнить. Чем больше к нему приставали любопытные дети, тем капризнее становилась его память.

— Дядюшка, а на что Англия похожа?

— А кто ее знает…

— Разве ты не знаешь?

— Да не был я там ни разу.

Долгие годы в Британской армии — и ни разу в Англии. Невероятно! Они-то думали, что он процветает в Лондоне, как лорд, забыв о семье… Где ж он был-таки? Дядюшка так и не сказал. Раз в четыре недели дядя отправлялся на почту, получал там свои ежемесячные семь фунтов. Чаще всего его можно было видеть сидящим на складном

стуле, обращенным лицом к небесному светилу. Как подсолнух, он поворачивался за солнцем. Единственной целью остатка его жизни казалось сопоставление этих двух сфер: небесного светила и его лысой головы.

Семья же переключилась на сферу образования. Отец Джиана преподавал в школе чайной плантации под Даржилингом.

*

Затем история иссякла.

— А твой отец? — спросила Саи. Однако не настаивала. Она знала, что любая история имеет начало и конец.

*

Ночи становились прохладными, темнело раньше. Саи возвращалась, нащупывая дорогу, зашла к дядюшке Потти за фонариком.

— Где этот симпатичный парень? — поддразнивали ее дядюшка Потти и батюшка Бути. — О, эти непальские парни, скуластые, мускулистые, плечистые! О-о-о, как они умеют работать, Саи… Деревья рубить, заборы строить, носить тяжелые мешки… о-о-о!

Когда она добралась до Чо-Ойю, повар ждал у ворот с фонарем. Морщинистое лицо его торчало из шарфов и свитеров.

— Я жду, жду… Разве можно возвращаться так поздно! — ворчал он, провожая ее к дому.

— Оставь меня в покое, — огрызнулась она. Семейная опека казалась невыносимой нашедшей свободу и простор в любви.

Повар оскорбился:

— Вот я тебя сейчас как шлепну! Я тебя воспитывал, воспитывал… Заботился… А ты грубишь! Скоро я умру, и к кому ты тогда обратишься? Да-да, скоро, скоро. Вот обрадуешься-то! Беспокоюсь, переживаю, а ты развлекаешься, тебе все равно…

— Ох-х-х…

Как обычно, она попыталась его умилостивить, смягчить, а он не смягчался. В конце концов немного отошел.

Глава двадцать четвертая

Свет в кафе «Ганди» неяркий, чтобы всякие пятна не бросались в глаза. Аутентичность и никакого слияния. Красные с золотом стулья, пластиковые розы с пластиковыми каплями росы, скатерти с изображениями…

Ох, опять!

Да, опять!

…с изображениями Кришны и пастушек *гопи*, деревенских красоток у колодцев…

Меню…

Ох, опять!

Да, опять!

Тикка масала, тандури гриль, овощной соус *навраттан, дал махни, паппадум*…

Хариш-Харри поучает:

— Найди свою нишу. Изучи свою нишу. Обеспечь свою нишу.

Спрос-предложение. Хинди-американи *бхаи, бхаи.* Мы всегда хорошие иммигранты. Стопроцентное приспособление. Если уж на то пошло, дорогие сэры и леди, мистеры и миссисы, мы практиковали оч-чень развитой капитализм, еще

когда никакими вашими Америками на свете не пахло. Вы можете воображать о себе что хотите, но родина цивилизации Индия, так-то!

Возможно, он недооценивал свой рынок. Ну и что?!

В клиентах недостатка не было. Бедные студенты и нештатные преподаватели толпились в буфете. «ВСЕ, ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ЗА $5,99» под музыку заклинателя змей. И наилучшего качества.

*

По воскресеньям в кафе появлялась миссис Хариш-Харри. Со свежевымытых волос, повязанных золоченой упаковочной лентой «Дивали фрут-энд-нат», капала вода.

— *Арре,* Бижу. То *сунао кахани,* — говорила она. — *Батао…* Что там у нас?

Ответом она не интересовалась, проходила к месту под строем богов, карауливших конторские книги.

— Хе-хе, — радовался ее супруг, поблескивая щелочками глаз. — Малини не проведешь. Малини выбьет прибыль, дай ей только телефонную трубку в руку.

*

Малини и предложила, чтобы персонал ночевал на кухне.

— Бесплатное жилье! — нахваливал Хариш-Харри.

Экономию на жилье хозяева компенсировали, срезав зарплату, наложив лапу на чаевые «в целях благоустройства» и заставляя работать по пятнадцать — семнадцать часов. Саран. Джив, Риши, господин Лалкала, а теперь и Бижу. Все нелегалы.

— Все мы здесь — дружная семья! — улыбалась Малини, энергично втирая растительное масло в кожу лица и рук. — И не надо никаких лосьонов, *баба,* еще лучше…

Бижу покинул свой гарлемский подвал осенним утром, когда листья на деревьях желтели солнечным светом. Мешок и скатанный полиуретановый матрас со следами упаковочных решеток для яиц, перевязанный веревкой. Перед тем как сунуть в мешок свадебное фото родителей, он еще раз взглянул на него. Цвета поблекли, теперь портрет представлял собой изображение двух суровых привидений. Промелькнул Джасинто-Хасинто, сверкнул золотым зубом.

— Адьос, адьос!

Бижу в последний раз обернулся на облупленный фасад, на виднеющийся за ним мавзолей Гранта, похожий на поминальный пирог с варварской отделкой. И — решетки, решетки, решетки.

Обустройство в кафе «Ганди». Уголок сангигиены — кухонная раковина с зеркалом размером с почтовую марку. Штаны на ночь развешивали на веревке вперемежку с полотенцами. Матрасы раскатывали на полу, где находилось место.

Крысы не покинули Билсу, как будто пришли с ним с прежнего места работы. Они рылись в отходах, прогрызали деревянные преграды, проделывали дыры, которые Хариш-Харри заделывал стальной стружкой и кирпичом, проделывали новые и новые дыры… Они правильно питались, в соответствии с призывами настенных плакатов, авитаминозом и сопутствующими болезнями не страдали.

Однажды крыса отгрызла у Бижу клок волос.

— На гнездо, — объяснил Джив. — Для детишек.

Они перебрались спать на столы, с которых сползали на пол утром, перед приходом хозяина.

— *Чало-чало,* еще день, еще доллар.

*

Хариш-Харри чаще всего лучился отеческим добродушием, но иной раз резко менялся, метал громы и молнии, мог и по маковке треснуть. Но если в двери появлялся белый американец, его выражение лица менялось в долю секунды.

Вот он сюсюкает с мелким детенышем, деловито обмазывающим подливкой ножки стула. Комплименты малышу, комплименты мамочке…

Хариш-Харри — двойное имя, раздвоение личности. Появившись в кафе «Ганди», Бижу увидел перед собой воплощение последовательного соблюдения принципов, к которым он сам стремился. Но поддержка коровьего убежища тоже оказалась мелкой взяткой махинациям индуизма с перевоплощениями. Подмажешь богов, проедешь на ободе колеса фортуны… А если трон займут другие боги? Как бы не промахнуться. Бежать рядом с нужной колесницей — как бы не ошибиться. Хариш-Харри пытался совмещать так много концепций, что не смог бы определить, какое из его многочисленных «я» было подлинным. Может быть, никакое?

*

Если бы только Хариш-Харри. Толпа посетителей наглядно демонстрировала смешение понятий, подходов, концепций, систем. Индийские студенты приходили сюда с американскими знакомыми, один акцент в одном углу рта, другой в другом. Нет, они ни в коем случае не хотели выдать себя за нечто иное, за то, чем они не являлись. Они не отрекались от величайшей культуры мира…

Особая проблема — отношения полов, индийско-белые пары.

Дези просматривали меню под ухмылочки официантов.

— Острый, средний или мягкий? — обязательно спрашивали официанты.

— Острый! — без раздумий отвечал бывалый клиент, пуская пыль в глаза сопровождающей его особе противоположного пола.

— Ха-ха, — посмеивались в кухне, тут же меняя настроение и зло бросая: — *Сала!*

«Бывалый» вонзал зубы в *виндалу*…

И *виндалу* тотчас же огрызался всею мощью своих зубов, вышибая у злоумышленника слезы и сопли. «Бывалый» требовал йогурт, оправдыва-

ясь перед спутницей тем, что «мы в Индии всегда запиваем это йогуртом».

Для баланса, видите ли…

Для баланса…

Остро-прохладный, сладко-кислый, горько-пикантный — древняя мудрость Яджур уравновешивает, успокаивает, умиротворяет…

— Слишком острый? — ухмыляется Бижу.

— О нет-нет! — сквозь кашель и слезы.

Ни чистоты, ни гордости. Ни ясности сознания.

*

Хариш-Харри конфликтовал с дочерью. Она слишком американизировалась. Кольцо в носу уживалось с десантными ботинками и камуфляжем из армейских излишков.

— Сколько можно! Дай ты ей по заднице как следует, и дело с концом, — посоветовала жена.

Да нет, какое там «с концом»!

— С глаз моих! С глаз моих долой! — бушевал отец. И это не помогло.

— Я на этот свет не просилась, — аргументировала она. — Вы родили меня из эгоистических побуждений, вам нужна была даровая прислуга. Но в этой стране, отец, никто тебе не будет жопу подтирать за так.

Ни даже «зад»! «Жопу»! «Отец»! Не *пападжи!* Не «зад подтирать, *пападжи*», а «жопу — отец». Вот так. В результате Хариш-Харри напился. Он засел перед кассой и домой не собирался, а кухонный персонал с нетерпением дожидался его ухода, чтобы завалиться на столы, завернуться в скатерти и захрапеть.

— Они воображают, что мы ими восхищаемся. — Хариш-Харри засмеялся. — Когда они входят, я улыбаюсь. «Хай, хелло, как дела!» Но я б им шеи переломал, честное слово. Не могу! Может, сын переломает. Одна надежда. Однажды Джайант-Джаи улыбнется и сломает шеи их сыновьям. И они подохнут. На это вся надежда. Ох, Бижу, какой этот мир плохой! — Он обнял Бижу за плечи, проливая пьяные слезы.

*

Его утешал лишь подсчет доходов и прибылей. Деньги оправдывали место его пребывания, служили моральной опорой, перекрывали пропасть между нациями.

«Еще день — еще доллар, пенни сэкономил — пенни заработал, не потопаешь — не полопаешь, бизнес есть бизнес; делай, что положено — делай, как положено»… Эти аксиомы, к Бижу

не относящиеся, он тем не менее повторял как подбадривающие формулы, как заклинания, объединяющие его с современниками.

— Что делать, на жизнь надо зарабатывать, — вздыхал Бижу.

— Да, Бижу, прав ты. Что мне делать, надо на жизнь зарабатывать. Взвешивать, пробовать.

Взвешивал, пробовал. Купил дом, стал мечтать о большом доме. Пусть даже поначалу и без мебели, как дом, который купил его кумир и соперник господин Шах. Все семь комнат пустые, кроме одной, в которой диван, телевизор да ковры. Все белое, даже телевизор. Цвет успеха для индийской общины. «Хе-хе, мебель придет, а дом — вот он, никуда не денется», — приговаривал господин Шах, отсылая фото родственникам в Гуджарат. Белый автомобиль перед белым домом, «лексус», на крыше которого восседает госпожа Шах. Индию она покинула робкой невестой, вся в хне, сари в золоте, металлодетекторы аэропорта в панике. А теперь — вся в белом, ха, белая женщина, короткая стрижка и макарена.

Глава двадцать пятая

Шамку доставили к Аполло Тугоухому, чтобы скроить ей зимний наряд из одеяла. Хотя снегопады Калимпонг не посещали, линия снегов в горах сползала ниже, по утрам мороз схватывал ручейки, низины меж холмами.

Сквозь дыры и щели Чо-Ойю в дом проникал стерильный запах зимы. Краны и выключатели искрили, наэлектризовывалась шерсть свитеров, стреляла в тело, Саи ахала. Когда она раздевалась, сухая кожа потрескивала, волосы вставали дыбом. Губы при улыбке трескались до крови.

Навазелиненная по случаю Рождества, она прибыла в «Мон ами» вместе с дядюшкой Потти и отцом Бути, куда они принесли с собою также и запах подмокшей овцы, исходивший от подмокших свитеров.

Елка в горшке, мишура на ветках, уютные огоньки, кажется, отодвигают холод.

Батюшка Бути и дядюшка Потти грянули дуэтом:

Кто бросил тетке Мерфи в суп пуховое пальто?

На этот правильный вопрос не отвечал никто.

И вопрошаем мы опять, кто бросил в суп пальто?

Лола, вскакивает, смеется, поет вместе с ними.

*

Прекрасный вечер!

Прекрасный суп в медной кастрюле Джако, крепостной ров вокруг раскаленной дымовой трубы, волнение жира золотого; скользкие, неуловимые на зуб грибочки.

— А где пуд? — В Англии этот вопрос Лолы никто бы не понял. Даже Пикси сделала вид, что озадачена.

Но здесь ее все прекрасно понимают, и Кесанг предъявляет увесистый пудинг, в котором боевое братство фруктов и орехов скреплено ароматом бренди. Освящающая корона паров бренди вспыхивает над пудингом — полный восторг!

Мустафа занимает место по своему выбору. А выбирает он, как всегда, колени Саи. Сначала мордой к огню. Потом задом. Зад отогревается, оттаивает до такой степени, что с него вдруг течет на кресло струйка — и кот с воплем вскакивает и

пронзает возмущенным взглядом Саи, как будто обвиняя ее в этом безобразии.

Ради торжественного мероприятия сестры достали присланные из Англии украшения, похожие на мятные пряники. Снежинки, снеговики, сосульки, звезды… Маленькие тролли, эльфы-сапожники. «И что в сапожниках, троллях или эльфах рождественского?» — недоумевала Саи. Остальное время года эти игрушки проводили в обувной коробке «Бата» на чердаке вместе со сказкой о привидении в белой ночной рубашке, которым сестры пугали Саи, когда она впервые появилась у них.

— Что она сказала?

— М-м-м… Кажется, она заухала совою: «У-ху! У-ху!» — засвистела, засвиристела, а потом пробормотала: «И кап-пельку шерри-бренди, дорогая моя, прошу вас…»

Подарки — вязаные носки из лагеря тибетских беженцев. В шерсти застряли сухие травинки и мелкие щенки, подчеркивающие подлинность ручной работы и усиливающие симпатию к бедным беженцам, хотя и раздражающие кожу. Ушные подвески из янтаря и кораллов, бутылки домашней абрикосовой жженки отца Бути, записные книжки из прозрачной рисовой бумаги

с корешками из щепок бамбука. Их мастерят в Бонг-Бусти собравшиеся за большим столом мастерской болтливые кумушки, закусывающие тут же и иногда роняющие на стол какую-нибудь пряность или соленость: так что белизна бумаги иной раз нарушается праздничным всплеском яркого пятна….

*

Еще рому… Лола хмелеет, и радостное возбуждение укладывается, перерождается в торжественное спокойствие.

— В старые времена, в далекие пятидесятые и шестидесятые, — вспоминает Лола, — трудно было попасть из Сиккима в Бутан. Дорог-то почти и не было. Верхом приходилось добираться, с мешками гороху для пони, с карманными фляжками виски, с картами дорожными. В дождь пиявки падали на нас с деревьев. Приходилось мыться соленой водой, солить обувь и носки, даже волосы, чтобы держать кровососов подальше. Дождь смывал соль, мы останавливались и солили все заново. Леса были не чета нынешним. Если б сказали, что в них страшные чудовища живут, поверила б, не задумываясь. Взбирались в горы, к монастырям, окруженным *чортенами* и

хоругвями. Их белые фасады наливались светом закатного солнца, золотели на фоне индиго гор. Отдыхали, пока пиявки не начинали сверлить носки. Буддизм здесь давно укоренился, раньше, чем где угодно в другом месте. Мы входили в монастырь, построенный еще в пору полетов ламы меж горами, с холма Менак на Энчи в другой, возникший, когда радуга соединяла Канченджангу с вершиной этого холма. В *гомпа* часто совершенно никого, потому что монахи в полях собираются только для *пуджа*, и лишь ветер стучит бамбуком. Тучи входят в дверь и смешиваются с тучами, нарисованными на стенах. Внутри темно, пахнет дымом, мы пытаемся рассмотреть настенную живопись при свете масляных ламп…

До Тхимпху две недели пути. В джунглях остановки в *дзонгах*, похожих на корабли и построенных без единого гвоздя. Высылали гонца, они присылали нам подарки. Сто лет назад дарили тибетский чай, шафрановый рис, шелковые платья из Китая, подбитые мехом нерожденных ягнят, но в наше время это уже были корзины с ветчинными сандвичами да пиво Джимхана. Каждый *дзонг* сам по себе, у каждого своя армия, свои крестьяне, свои аристократы и узники в темницах: убийцы и браконьеры, глушившие

рыбу динамитом, все вместе, в одной яме. Если нужен был новый повар или садовник, они спускали туда веревку и выуживали кого-нибудь. В освещенном фонарями зале нас встречали цветной капустой с сыром и запеченным поросенком. Одного повара помню, бывший буйный убийца, особенно у него кондитерская выпечка получалась. Такого вкусного крыжовникового торта нигде больше в жизни не пробовала.

— А ванна! Помните ванну? — не выдерживал отец Бути. — Однажды, помнится, я с молочной программой разъезжал. Остановился у матери короля, сестры Джигме Дорджи, правителя провинции Ха, в Ташиганге, рядом с вами, Саи. Он набрал такую силу, что король подослал к нему убийц. Не спасло и то, что он брат королевы. Ванны в их *дзонге* выдалбливались из целого древесного ствола, внизу такая канавка для горячих камней. Ты в ней сидишь, а слуги новые камни подносят да скребут тебе хребет. А когда разбивали лагерь, они рыли яму у берега реки, наполняли ее водой и тоже бросали в воду горячие камни. Вокруг гималайские снега да рододендроны, а ты в горячей водичке плещешься… Потом, много лет прошло, я вернулся в Бутан, и королева настаивала, чтобы я принял ванну. «Но мне, го-

ворю, не нужно». — «Непременно нужно!» — «Да я не хочу!» — «Нет, вы ДОЛЖНЫ!» Ну, должен так должен. И что ж? Все испортили. Современное корыто, современные трубы, розовый кафель да розовый унитаз… Вышел — королева поджидает, гордится: «Видите, как мы все отлично устроили?»

— Почему бы не съездить снова? — загорается желанием Нони. — Давайте запланируем поездку!

*

Саи в этот вечер улеглась в постель в новых носках. Трехслойные носки того же образца, как и те, в которых шерпа Тенцинг восходил на Эверест.

Носками Тенцинга Саи и Джиан любовались в музее при его мемориале в Даржилинге. Подобно крыльям орла парили эти носки в музейной витрине. Изучили также шляпу, ледоруб, походный мешок, образцы концентрированной пищи, флоры и фауны высокогорья.

— Он настоящий герой, Тенцинг, — изрек Джиан. — Хилари без шерпа не смог бы и близко подойти к вершине.

Никто с ним не спорил. Тенцинг, конечно, был первым. Просто его заставили ждать, сидеть при

мешках, пока Хилари поставит пятку на вершину и воткнет свой флаг в то, что ему не принадлежит. Отрыжка колониализма.

Саи тоже об этом размышляла. Люди покоряют гору или гора покоряет их? Шерпа совершают восхождения по десять-пятнадцать раз за сезон, без шума и славы. А некоторые утверждают, что не следует двуногим осквернять священные вершины своим нечистым присутствием.

Глава двадцать шестая

Однажды после Нового года, покупая на рынке рис, Джиан услышал снаружи шум. Получив товар, Джиан вышел из лавки и столкнулся с процессией, занявшей всю ширину Минтри-роуд. Возглавляли толпу молодые люди, размахивающие своими *кукри* и вопящие во все горло:

— Джаи Горка!

В толпе он разглядел знакомые лица товарищей по колледжу, которых не видел с начала своего романа с Саи, — Падам, Джунги, Дава, Дилип.

— Чанг, Бханг, Сова, Осел! — окликнул он друзей, пользуясь привычными студенческими кличками.

*

— Слава Освободительной армии Горка! — кричали они.

Джиана, конечно, никто не заметил и не услыхал. Толпа слилась в единый организм и двигалась слитной массой, вопила единой глоткой и прислушивалась к чему-то иному, не к его одинокому голосу. Джиан двинулся вдоль ряда

купцов Марвари, сидящих на белых матрасиках вдоль улицы;

мимо лотков торговцев антиквариатом, *тангха* на которых становились все древнее и ценнее с каждым выхлопом проползавшего мимо автомобиля; мимо ювелиров Невари, мимо гомеопата Парси, мимо перепуганных глухих портных, воспринимающих вибрацию момента, но не улавливающих ее смысла. Безумная нищенка с жестянками на ушах, одетая с портновские ошметки, жарила на углях на обочине дохлую птицу, помахивая демонстрантам с видом королевы.

Двигаясь по рынку, Джиан ощутил, что история движется вместе с ним, потому что толпа вела себя как в документальном фильме о войне. Джиан невольно сполз на позицию зрителя-революционера. Его тут же вырвали из ностальгии, вернули в современность фигуры обеспокоенных лавочников, застывших перед своими берлогами, омытыми многими муссонами. Он выкрикнул что-то, и его голос слился с историей, показался ему значительным, весомым.

Джиан отвел взгляд от толпы, взглянул на холмы и горы. Можно ли изменить повседневность? Нужно ли ее менять? Были эти люди преданы идее или имели к ней лишь некоторое опосредо-

ванное отношение? Чистый ли огонь горел в их душах? Верили ли они в то, что провозглашали? Видели ли они себя со стороны, эти поклонники Брюса Ли в американских футболках, произведенных в Китае и доставленных через Катманду сюда, в Калимпонг?

Как часто хотел он занять очередь в американское или британское посольство! «Послушай, *момо,* — говорил он иной раз Саи, — давай уедем в Австралию». Улетай, гуд бай, прощай! Отряхнуть с ног прах истории, семейные обязательства, прилипшие к подошвам столетия.

Патриотизм — дешевая фальшивка, понял он вдруг, наевшись крикливым энтузиазмом колонны. Их вожди используют естественный молодой задор этих придурков в собственных неприглядных целях, хотят захватить власть в свои грязные руки, заменить собою нынешнюю министерскую шайку, чтобы *самим* торговать правительственными контрактами и огребать взятки, чтобы усадить на теплые местечки *своих* родственников, направить *своих* детей в лучшие школы, подключить газ к *своим* кухням…

Но люди самозабвенно орали, и он снова засомневался. Вроде верили они в то, что кричали. Никакой циничности в интонациях. Они

искренне возмущены царящей везде несправедливостью. Они миновали проулки, оставшиеся от времен, когда Калимпонг царил в торговле шерстью, прошли мимо бюро путешествий «Снежный барс», обтекли будку междугородного телефона, оставили позади закусочную «Ферразини Пионер», лавку шалей «Теплое сердце» двух сестер с Тибета, библиотеку комиксов, навес «Ремонт зонтов» с подвешенными вверх ногами мятыми поганками сломанных зонтиков. Подошли к участку полиции. Стражи порядка, обычно сплетничающие перед дверью, скрылись внутрь и заперлись.

Джиан вспомнил волнующие истории о миллионах демонстрантов, требующих ухода британцев. В этом было что-то захватывающее, славное, зажигательное. «Индия для индийцев! Нет налогам без самоуправления! Ни человека на войны! Ни рупии! *Бритиш радж мурдабад!*» Если нация однажды уже испытала такой подъем, возможны рецидивы.

*

Кто-то вскарабкался на скамью.

— Братья и сестры! В тысяча девятьсот сорок седьмом году британцы ушли, предоставили

Индии независимость, позаботившись об исламском Пакистане, о кастах и племенах, не забыв ничего, дорогие братья и сестры…

…КРОМЕ НАС! Кроме индийских непальцев. Тогда, в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Коммунистическая партия Индии требовала создания Горкастана, но ее требование отвергли. Мы работаем на чайных плантациях, носим на своих плечах тяжелые тюки, мы служим в армии. Но можем ли мы стать врачами и правительственными служащими, можем ли владеть чайными плантациями? Нет! Мы всего лишь слуги. Мы воевали за Британию двести лет. Мы дрались в Первую мировую войну, дрались в Восточной Африке, в Египте, в зоне Персидского залива. Нас перебрасывали туда, где мы им были нужнее. Мы воевали и во Вторую мировую войну. В Европе, в Сирии, в Персии, в Малайе и Бирме. Где были бы они без храбрости нашего народа? Мы все еще воюем за них. Потом, когда войска разделились, часть полков ушла в Англию, часть осталась. Теперь мы дрались за Индию. Мы верные и храбрые солдаты. Ни Англия, ни Индия никогда не имели повода усомниться в нашей преданности. В войне с Пакистаном мы дрались против наших собратьев по ту сторону границы.

Наш дух рыдал, но мы Горка. Солдаты-гурки. И какова награда? Нас уважают?

Нет! На нас плюют!

Джиан вспомнил, как он больше года назад ездил в Калькутту ночным автобусом, надеясь получить работу в бетонной офисной коробке. Запомнился дрожащий поток света готовой издохнуть, предсмертно рычащей люминесцентной лампы.

Все там выглядело безнадежно. Проводящий собеседование выключил лампу. «Низкое напряжение», — объяснил он. «Хорошо, мы сообщим вам о результатах», — закончил он собеседование. Джиан сразу понял, что надеяться ему не на что.

— Мы составляем восемьдесят процентов населения, в округе девяносто чайных плантаций, но владеет ли хотя бы одной непалец?

— Нет!

— Могут наши дети выучиться в школе родному языку?

— Нет!

— Можем ли мы получить работу, если она уже обещана другому?

— Нет!

— В собственной стране, за которую мы про-

ливали кровь, с нами обращаются как с рабами. Каждый день лесовозы вывозят древесину, проданную одними иностранцами другим иностранцам, чтобы набить карманы иностранцев. Каждый день из камней нашей Теесты в их городах строят дома. Мы работаем босиком в любую погоду, тощие, как щепки, а они жиреют в офисных креслах. Братья и сестры, мы должны бороться, должны завоевать право самим решать свою судьбу. Мы должны объединиться под знаменем Фронта национального освобождения Горка, GNLF. Мы построим больницы и школы. Мы обеспечим работой наших детей. Мы вернем достоинство нашим дочерям, таскающим тяжести и ломающим камень на дорогах. Мы защитим нашу родину. Мы родились здесь, здесь родились наши родители и родители наших родителей. Мы будем управлять нашими делами, пользуясь родным языком. И если потребуется, омоем наши обагренные кровью *кукри* в водах родной Теесты. *Джаи Горка!*

Оратор лихо взмахнул своим *кукри,* осторожно воткнул острие в подушечку большого пальца левой руки и задрал его вверх на всеобщее обозрение.

— *Джаи Горка! Джаи Горка! Джаи Горка!* — за-

вопила толпа.

Их собственная кровь рвалась наружу, подстегнутая каплями, выдавленными из капилляров бравого вожака. Тридцать демонстрантов выступили вперед, тоже окровавили большие пальцы и собственною кровью намарали плакат с требованием независимости Горкаленда.

«Храбрые воины-гурка! — призывали листовки, наводнившие город. — Покиньте индийскую армию немедленно! Ибо, когда вы выйдете в отставку, вы, возможно, окажетесь здесь иностранцами».

GNLF обещал работу, сорокатысячную собственную армию, университеты и больницы.

*

Чанг, Бханг, Сова, Осел и множество их товарищей по оружию набились в бывшую армейскую кантину Тапа на Рингкингпонг-роуд. На бумажке нацарапано от руки: «Цыплята-бройлеры». К пустой нефтяной бочке прилажен бильярд; две старые кривоногие развалины, ветераны Восьмого пехотного полка гурка, толкутся вокруг. Облака заползают в кантину и трутся о колени солдат. Горы льнут к городу.

Вечереет и холодает. Джиан, кричавший вме-

сте с демонстрантами иной раз для забавы, иной раз и всерьез, подогрелся алкоголем и заразился общим настроением. Он рассказывает о своих предках солдатах.

— …А пенсия, которую они получили! Думаете, они получили столько же, сколько и англичане их ранга? Умирать вместе, а денежки врозь…

Все здесь братья во гневе, гнев подбадривает их, похлопывает по спинам, по плечам. Раскрывает глаза. Становится ясно, почему он до сих пор без работы, почему не может позволить себе продолжить образование в Америке, почему стыдится показать свой дом. Он вспомнил, как удержал Саи от посещения своей семьи. Более того, становится ясно, почему так злит его отец, почему он не может разбудить этого сверхскромного старика, довольного своим классом из полусотни орущих пацанов, своей дурацкой школой. Встряхнуть бы его!..

Но что проку встряхивать старый дырявый носок! Только лишний раз расстраиваться…

И все прошлые разочарования, все моменты унижения слились в единую истину.

Все они здесь, в старой кантине, выплескивали свой гнев, убеждаясь, что старая ненависть не стареет. Она лишь выкристаллизовывается зано-

во, очищаясь и усиливаясь. Печали улетучились, осталась злость. Прекрасный, возвышающий наркотик.

Благородная, мужественная атмосфера заставила Джиана устыдиться своих вечеров на веранде, тостов с сыром, пирожных и — хуже всего — этих дурацких сю-сю-сю с никчемной, избалованной девицей.

Он вдруг почувствовал на себе требовательный взгляд седых столетий.

И громогласно потребовал радикализации курса GNLF.

Глава двадцать седьмая

На следующий день Джиан прибыл в Чо-Ойю в настроении раздраженном, почти злобном. Таскаться в такую даль в такой холод за жалкие гроши! Они там живут в хоромах, горячие ванны принимают, спят в отдельных спальнях. Вспомнились и котлеты за ужином, и оскорбительное замечание судьи: «В математике вы, возможно, сильны, но в отношении здравого смысла, извините, подкачали».

— Как ты поздно! — сказала Саи, и он еще больше озлобился. Втянул зад, выпятил грудь, задрал нос. Злость туманила мозг, мешала думать и говорить. Новая, незнакомая ранее реакция на Саи.

*

Чтобы его подбодрить, Саи рассказала о рождественской вечеринке.

— Три раза пытались поджечь бренди в столовой ложке…

Джиан, не обращая внимания на ее болтовню, открыл учебник физики. Ох как она глупа! Куда он смотрел?

Она опустила глаза в учебник. Давно они толком не занимались.

— Два тела, одно весом… другое весом… сброшены одновременно с Пизанской башни. За какое время и с какой скоростью они упадут на землю?

— Что-то ты сегодня не в духе, — сказала Саи и зевнула, явно намекая на существование иных, кроме физики, вариантов занятий.

Он сделал вид, что не расслышал.

И тоже зевнул, хотя и не хотел.

Она зевнула снова, со смаком, неторопливо, как хищная кошка.

Он зевнул кратко, смяв и проглотив свой зевок.

Она…

Он…

— Надоела физика? — спросила она, вообразив, что примирение достигнуто.

— Нет. Вовсе нет.

— Почему ж тогда зеваешь?

— ПОТОМУ ЧТО ТЫ НАДОЕЛА! ДО СМЕРТИ НАДОЕЛА!

Молчание.

— Мне неинтересно твое Рождество! Почему ты празднуешь Рождество? Вы хинду, но вы не празднуете Ида или день рождения гуру Нанака,

или даже Дурга Пуджа, или Дуссехра, или тибетский Новый год…

Она тоже подумала почему? Не из-за монастыря же ненавистного…

— Вы, как рабы, слепо подражаете Западу, насилуете себя. От вас никакого проку…

— Нет, — отрезала она, пораженная неожиданным взрывом. — Нет, не из-за этого.

— Тогда почему?

— Потому что мне нравится праздновать Рождество. Если мне не нравится отмечать Дивали, я и не отмечаю. Рождество — такой же индийский праздник, как и любой другой.

Он вдруг почувствовал себя блюстителем религиозной чистоты и антигандистом.

— Делай что хочешь, мне плевать, — передернул он плечами. — Показывай всему свету, какая ты ДУ-РА!

Он подчеркнул последнее слово, наблюдая за выражением ее лица.

— Зачем тогда со мной заниматься? Иди домой!

— Да, ты права. Я уйду. Какой смысл с тобой заниматься? Ты способна только имитировать. Не можешь мыслить самостоятельно. Имитатор. Но только те, кому ты подражаешь, на тебя плюют.

Ты им не нужна!

— Я никому не подражаю.

— Ах, как это оригинально — праздновать Рождество! Ты такая дура, что даже этого не понимаешь?

— Гм… Если ты такой умный, почему до сих пор не можешь найти работу? Сколько ни пытался — везде отказ.

— Из-за таких, как ты!

— Из-за таких, как я! И в то же время — я дура. Так кто ж тогда дурак? Иди-ка ты к судье, да спроси его, он тебе объяснит.

Она схватила стакан с водой, но руки так тряслись, что вода выплеснулась, еще не достигнув губ.

Глава двадцать восьмая

А судья размышлял о своей ненависти.

*

Когда он вернулся из Англии, его приветствовал тот же самый духовой дуэт престарелых музыкантов, что и провожал. В этот раз трубачей, правда, невозможно было разглядеть из-за сверкания и дыма фейерверков и петард. Две тысячи человек встречали первого сына общины, зачисленного на гражданскую службу. Его задушили гирляндами, поля шляпы усеяли лепестки цветов. В тени на краю платформы он заметил чем-то знакомую фигуру. Нет, не сестра, не кузина. Ними, его жена. Она вернулась из отцовского дома, где проживала все время его отсутствия. Его общение с женщинами за все эти годы сводилось к обмену репликами с квартирной хозяйкой и кратким приветствиям в лавках.

Она подошла к нему с гирляндой, подняла ее. Глаза их не встретились. Он поднял взгляд, она опустила. Ему двадцать пять, ей девятнадцать.

— Такая робкая, такая робкая! — восторгалась

толпа, уверенная, что это робость обожания. Зрители никогда не поверят в отсутствие высокого чувства.

Что ему с нею делать?

Он и забыл, что женат.

Нет-нет, знал он, разумеется знал; но эта особа осталась в прошлом, и в то же время она привязана к нему, как и положено было женам в те времена.

*

Все пять лет Ними вспоминала о велосипедной прогулке, о замирании сердца, о том, какой желанной она ему показалась. Конечно же, она представлялась ему желанной, а Ними уже готова удовлетворить желания всякого, кому она показалась желанной. Она перерыла туалетный набор, привезенный Джемубхаи из Кембриджа, обнаружила кувшинчик с зеленой мазью, щетку для волос и гребень, отделанные серебром, пуховку с шелковой петлей в круглой пудренице, из которой до нее впервые в ее жизни донесся аромат лаванды. Чужой запах, запах иных мест. Пифит пахнул пылью, иногда эти запахи перекрывали ароматы дождя. Запахи Пифита сильные, весомые, заразительные. Об Англии

представление самое смутное, мало что доходило до женской половины родительского дома. Например, то, что англичанки играют в теннис в нижнем белье.

— В шортах! — поправил один из молодых дядьев.

— В нижнем белье! — настаивали обитательницы женской половины.

Как бы она вела себя среди женщин, играющих в теннис в нижнем белье?

Она сжала в руке пуховку судьи, расстегнула блузку и напудрила груди. Снова застегнула блузку на все крючки, оставив эту пушистую штучку внутри. Детство какое-то, понимала она, но руки сами проделали это нечистое действо.

*

Вечера в Пифите длились долго, Пателы отдыхали, перебарывая страх перед временем, убеждая себя, что оно отомрет и снова двинется неспешным шагом. Лишь Джемубхаи отвык от этой туземной неспешности.

Он сел, беспокойно огляделся, уставился на крылатого динозавра с пурпурным клювом, банановое дерево, как будто впервые в жизни увиделись они с этим деревом. «Иностранец!»

— кричало ему его сознание, кричали все части тела — кроме пищеварения. Оно отрезвляюще констатировало, что Джемубхаи вернулся домой, оно функционировало безотказно, заставляя его с проклятием и хрустом сгибать джентльменские колени в наружном клозете. Работало как западная транспортная система!

От нечего делать принялся рыться в своих вещах, обнаружил пропажу.

— Где пуховка из моей пудреницы? — недовольно повернулся Джемубхаи к дамам семейства Пател, раскинувшимся на покой в тени веранды.

— Что? — поднялись и повернулись в его сторону головы.

— Кто-то тут рылся…

А кто, собственно, там не рылся, в этих безделушках? Их представления о частной сфере оказались далекими от представлений иностранца, но при чем тут воровство?

— Что ты потерял?

— Пуховку.

— Это что такое?

Он попытался объяснить.

— А для чего же это такая штуковина служит, *баба?* — Они искренне пытались понять.

— Розовая и белая? И ты это кладешь на кожу?

Зачем?

— Какая, какая? Розовая?

— Розовая… Хм…

— Что с твоей кожей, сынок? — забеспокоилась мать.

— Ха-ха-ха, — засмеялась сообразительная сестра. — Мы тебя послали далеко-далеко, чтобы ты стал джентльменом, а ты превратился в леди, ха-ха-ха!..

Смех отзвучал, но напряжение не спало. Из ближних и дальних домов клана Пател посыпались родственники. *Какас-какис, масас-масис, фуас-фоис…* Кошмарные детишки кошмарных родителей, один к одному, напоминавшие многоножек-многоручек, копошащихся в пыли, вопящих на многие голоса, стопопые-стоголосые. Кто что у кого украл? Клара кораллы? Карл кларнет?

— Его Павдарр Пафф пропал! — провозгласил глава семейства, серьезно опасаясь, что пропажа таинственного артефакта скажется на служебной деятельности сына.

Никто не мог выговорить «powder-puff» на приличном английском, а в гуджарати точного соответствия для обозначения пропажи не обнаружили. Пропажу Павдарр Паффа, напо-

минающего звучанием какое-то блюдо *парси,* восприняли серьезнейшим образом.

Из буфета вытащили все содержимое, перетряхнули каждый хранившийся там предмет, тщательно осмотрели уголки, проинспектировали коробочки, чайнички и кастрюльки; перерыли все его костюмы, заглядывали даже в оперные бинокли, приближавшие к Джемубхаи белые и розовые пачки и худосочные нижние конечности балерин, мелко семенивших по сцене в «Жизели», а также более аппетитные кондитерские декорации этого балетного действа.

И никакого Павдарр Паффа! Ни в кухне! И на веранде ни следа!

Мать допросила родственников.

— Ты его видел?

— Кого?

— Павдарр Пафф.

— Бахудур Бааф? Какой такой Бахудур Бааф?

— Кожу защищать.

— Кожу… От кого защищать?

И снова череда объяснений.

— Белый и розовый!.. Зачем?

*

— Что вы вообще знаете! — возмущался Джемубхаи. — Невежественные воришки!

Он-то воображал, что они переполнятся почтением перед тем, кем он стал, в кого вырос, а они… они смеялись!

— Ты наверняка что-то знаешь, — обратился судья наконец к Ними.

— Не видела я его. Зачем он мне?

Сердце ее неспокойно стучало под двумя бело-розовыми лавандовыми грудями, под вернувшейся с мужем из Англии пуховкой.

Выражение лица жены ему не понравилось. Проконсультировавшись со своей ненавистью, принялся искать ее ненависть, обнаружил красоту, пренебрег ею. Однажды эта подозрительная штука, красота, уже заставила таять его сердце, хватит. Индийская девушка не может быть столь же красивой, как английская.

И, уже отворачиваясь, он заметил…

Что-то белое и розовое в щелочке между крючками.

— Др-рян-н-нь! — завопил он и вырвал из ее опечаленной груди, как смешной странный цветок или как погибшее сердце… свою законную

пуховку.

*

— Кровать сломаете! — заскрипела древняя тетка, заслышав возню в комнате. Все захихикали и закивали.

— Она скоро устроится поудобнее, — комментировала звуки другая старая карга. — Энергичная девушка. Электрическая девушка.

В комнате, очищенной от всех, кто в ней спал ранее, гневный Джемубхаи с лицом, пухлее найденной пуховки, хватал свою жену.

Жена не давалась. Увертывалась и вырывалась.

Гнев его вспухал. Воровка. Они смеялись над ним. Из-за нее. Из-за неграмотной деревенщины. Он снова схватил.

Она вывернулась и бросилась к двери.

За ней!

Дверь заперта.

Она еще раз дернула за ручку.

Не поддается.

Тетушка заперла дверь снаружи. На всякий случай. Все эти истории о сбежавших невестах, иногда и о сбежавших мужьях… Позор-позор-стыд-позор семье.

Он направился к ней с физиономией убийцы.

Она — к окну.

Он преградил ей дорогу.

Не размышляя, она схватила со столика пудреницу и швырнула ему в лицо, с ужасом и решимостью…

Пудреница раскрылась, пудра взметнулась, осела…

Весь в пудре, напоминая опереточное привидение, он рухнул вместе с нею на пол, подмял под себя. Ярость смешалась с похотью, все покрыло медленно опускающееся облако пудры, его расцвеченный изнутри черным и синим, снаружи белым и розовым член рванулся в атаку и немилосердно врезался в поверженную жертву.

Облаченный в дхоти иссохший, пожилой дядюшка, прильнувший очками к щели в стене, ощутил пониже пояса эмоциональный подъем и несолидно запрыгал по двору.

*

Джемубхаи обрадовался возможности спрятать свою неопытность и неотесанность за пеленой ярости и ненависти. В дальнейшем он не гнушался маскировать этими и иными высокими чувствами, эмоциями, мотивами свою служебную

некомпетентность. Но гротескность, пародийность процесса произвела на его чуткую натуру ужасающее впечатление. Уродливые волосатые органы, похожие на страшные раны, грыжи и опухоли, на синяки и ущемления… судорожные движения, смахивающие на подергивания агонизирующего… какая-то механическая насосно-поршневая возвратно-поступательность… вонь выделений из пор, желез и внутренних органов… все это выворачивало наизнанку его чувствительную, цивилизованную натуру.

Тем не менее он снова и снова возвращался к этому гадкому акту. Со скукой и отвращением, ненавидя себя самого. Ненависть он переносил на ближайший доступный объект, выражая ее в виде жестокости. Он преподаст ей уроки терзания, стыда и одиночества. Хватит, настрадался, пусть теперь мучаются другие. С женой он почти не разговаривал и никогда не обращал на нее внимания при третьих лицах.

Ними привыкла к его свирепости, к использованию в качестве неодушевленного предмета, к ерзанью чужого черствого образования по ней и в ней, к невидящему ненавидящему взгляду, в момент оргазма меняющему выражение, но так и не приобретающему теплоты. Но вот пытка

окончена, ОНО встает с нее и удаляется оттираться и отмываться. Горячая вода, мыло, полотенце. Продолжительная гигиеническая процедура завершалась приемом аптекарски отмеренной дозы виски, как бы дезинфекцией изнутри.

*

Два дня поездом и на автомобиле. Судья и Ними прибыли в Бонда. Бунгало на задворках цивилизации за тридцать пять рупий в месяц, без воды и электричества. Долги еще не выплачены, приходится экономить, но он все же выкроил деньги на компаньонку для Ними. Какая-то мисс Энид Потт, вылитый бульдог в шляпе. Бывшая наставница детишек некоего господина Сингха, комиссара администрации. Она научила своих подопечных называть отца «па», маменьку — «ма», пичкала их «от животика» рыбьим жиром и заставила вымучить наизусть «Нелли Блай». На предъявленном фотоснимке мисс Потт нависала над двумя темнокожими крошками в матросских костюмчиках, в безупречных носочках и с надутыми физиономиями.

Из чистого упрямства — так полагал судья — Ними не усвоила ни слова по-английски.

— What is this? — гневно вопрошал он, подни-

мая над столом грушу.

— What is this? — указывал он перстом на супницу, купленную в комиссионке. Случаю угодно было украсить эту посудину монограммой JPP. Судья купил ее тайком и сунул в корзину, смешал с другими вещами, чтобы сохранить иллюзию принадлежности. *Джеймс Питер Питерсон* или *Джемубхаи Попатлал Пател?* Кому придет в голову гадать…

*

— What is this? — Над гордой главой судьи вознесся сладкий рулетик.

Молчание.

— Не назовешь, не получишь.

Молчание.

Он опустил рулетик на свою тарелку.

Вечером он вырвал из ее руки стакан с «Оувалтином».

— Не нравится, не пей.

И никуда с нею не выйдешь.

— Почему вы прячете от нас супругу, мистер Пател? — улыбалась госпожа Сингх. — Надеюсь не *пурда* помехой?

Госпожа Сингх стремилась играть активную роль в карьере мужа, имитируя манеры англий-

ских женщин, которых представляла агрессивно чарующими и одновременно жестко деловыми. Она успешно подминала под себя местных дам, гордящихся своей пассивной бестолковостью.

*

Жены многих чиновников сопровождали мужей в разъездах. Верхом на лошади, иногда на слонах, на верблюдах или в *палки,* подвешенных на горбах носильщиков, которые, по причине тяжких женских задов, умирали молодыми. Под сладкую музыку брякающих и звякающих кастрюль, сковородок, бутылок виски и портвейна, счетчика Гейгера, сцинтиллятора, консервных банок, под возбужденное куриное квохтанье. Откуда в их куриных душах это врожденное знание, ожидание мига, когда топорик повара отхватит голову?

Ними оставалась в Бонда. Три недели из четырех в одиночестве. Она мерила шагами дом и сад. Девятнадцать лет провела она в заточении родительского дома, и теперь ей не приходила в голову идея выйти за ворота. Вид ворот подчеркивал ее одиночество, неприкаянность. Не нужна ей свобода, не нужен муж, пренебрегающий своим долгом.

Она взбиралась на плоскую крышу, наблюдала течение Джамуны в запыленных сумерках. Возвращались домой коровы. Звонили колокола в храме. Птицы шумно устраивались на ветках, готовились затихнуть до утра. За рекой виднелись развалины охотничьего замка Великого Могола Джахангира: несколько арок поддерживали рельефы с изображением ирисов. Моголы спустились с гор, чтобы завоевать Индию, война билась в их жилах, но мягкое сердце плакало по погибшему от солнечного жара цветку. Повсюду ирисы, запечатленная неизвестными камнерезами неизвестная им красота.

Этот печальный пейзаж совершенно выбивал Ними из повседневности. Она как будто выпала из жизни, замкнулась в себе. Слуги небрежно бухали перед нею на стол то, что не доели сами, безо всякого стеснения воровали припасы. Дом зарастал грязью. За день до возвращения Джемубхаи в доме вновь наводился порядок, заводились часы, вода в бойлере готова была закипеть, фрукты вымачивались в растворе марганцовки положенные двадцать минут. Ворота принимали очередной подержанный автомобиль Джемубхаи, солидный, как ленивая корова.

Он энергичным шагом входил в дом — и сразу

же в нем вскипал гнев. Жена бросала вызов его амбициям!

Его раздражало даже выражение ее лица, а когда с лица исчезало всякое выражение, он еще больше возмущался его отсутствием.

Что делать с ней? Безынициативное ничтожество, ни на что не способное, никчемное — но вот она, в доме! Все портит своим присутствием.

Мисс Энид Потт оставила попытки обучить ее чему бы то ни было, заявив напоследок:

— Ними твердо решила ничему не учиться, мистер Пател. У вас в доме *свараджи.* Она никогда не возражает, и это хуже всего. С ней не поспоришь, не убедишь. Она ни на что не реагирует и от всего ускользает.

А эта ее типично индийская задница! Широкие ленивые бедра… А резкий запах красного масла для волос — судья болезненно реагировал на него, ощущая как удар.

— Сними сейчас же эти дурацкие побрякушки! — указывал он на браслеты, раздраженный их позвякиванием.

— Что за идиотская манера одеваться? Желтый и розовый! Ты с ума сошла?

Он выкинул бутылки с маслом, и она не могла более справиться с пышной гривой длинных во-

лос. Судья путался в ее волосах. Шагая по комнате, однажды выудил гриб из супа за обмотавшийся вокруг него волос.

Он обнаружил следы подошв на сиденье туалета. Она взбиралась на него с ногами! *Ногами!* Он приволок жену в туалет и сунул ее *туда* головой, лицом, носом! Ними после этого стала какой-то совершенно подавленной, заторможенной. Она смотрела, но не видела. К зеркалу не подходила, потому что не видела в нем себя. Да и что перед ним делать? Одеваться и расчесывать волосы? Это занятие тех, кто счастлив и любим.

Заметив на ее щеках прыщи, Джемубхаи воспринял их как очередное оскорбление, К тому же существует опасность заражения. Он приказал слугам оттирать все дезинфицирующим раствором. Еще тщательнее пудрился новой пуховкой, каждый раз вспоминая старую, выброшенную, оторванную от неприличных, клоунских грудей его жены.

— Не вылезай из дому, не пугай людей.

Очень скоро их взаимное отвращение разрослось настолько, что они превратились в придатки к этому всепоглощающему чувству, сравнявшемуся по интенсивности со взаимной ненавистью наций и рас.

Глава двадцать девятая

— Рождество! — возмущался Джиан. — Вот идиотка.

Выходя, он услышал ее всхлипывания.

— Гнусный ублюдок! — донеслось сквозь рыдания. — А ну вернись! Нагадил — и наутек?

Ощущение катастрофы пугало. Он убоялся собственного гнева. Глядя на Саи сквозь пелену эмоций, он понимал, что не она являлась причиной его ощущений, но, выходя, все же хлопнул дверью.

Рождество… Не было ему дела до Рожества, и вот тебе…

Она сформировала его ненависть, подумал Джиан. И она же помогла эту ненависть заострить, направить. Прояснить.

Да где же ваша гордость? Низкопоклонники! Запад! В гробу они вас видали! Катитесь к ним — увидите, как они вас примут с распростертыми объятиями. Позволят за собой дерьмо разгребать, да и тогда останутся недовольны.

*

Джиан вернулся в Чо-Ойю.

— Слушай, — сказал он. — Прости. Погорячился.

Надо помягче.

— Так мерзко себя вел!

— Извини.

В конце концов они приняла его извинения. Они помогли игнорировать тот факт, что не она занимает центральное место в их отношениях. Конечно же, она в центре внимания только для себя самой и всего лишь мелкий игрок в чужих играх.

От этой мысли ее отвлекли поцелуи Джиана.

— Я не могу от тебя оторваться, что поделаешь, — вздыхал Джиан.

Она, как и подобает искусительнице, засмеялась.

Природа человека… Влажность поцелуев… Мокрый процесс… Искренность извинений меркнет, сменяется неискренностью. Он уже злится на себя за мягкотелость.

*

Джиан шагает в кантину, закат изображает бешенство Кали. Джиан кичится чистотой помыслов. Отречься от слюнявых поцелуйчиков, посвятить себя борьбе! Вот он уже мученик за дело правое… На фоне чистых помыслов естественное отстранение от грязи. Эта Саи… как легко она поддалась! Соблазны, соблазны! Ф-фу! Гадость какая…

Вспомнилась ось буддийского колеса жизни, зажатая в клыках и когтях демонов. Ад не дремлет! Петух-змея-свинья — похоть-гнев-глупость… и как они перерастают друг в друга, питаются одно другим…

*

Задумалась и Саи в Чо-Ойю. Мысли ее посвящены вожделению, злости, тупости. Она пытается подавить гнев, но он клокочет и выплескивается из нее наружу. Нелегко совладать с собственными эмоциями.

С чего он взъелся на это злосчастное Рождество? Тогда, если рассуждать последовательно, не следует и английскому обучаться. И нечего

бегать за пирожками в «Хейсти-тейсти», куда этот надутый болван то и дело заскакивает. Она упорядочивает свои мысли, демонстрируя себе неправоту оппонента.

— Прид-дурок! — бросает она воображаемому Джиану. — Да тысяча таких, как ты, меня не стоят.

— Куда это он так скоро? — вынырнул, откуда ни возьмись, повар.

— Кто его знает… Но ты был прав насчет рыбы и непальцев. Дурак дураком. Чем дальше, тем меньше он разбирается в этой физике. Не знает, потом злится. Чем меньше знает, тем больше злится.

— Да-да, — соглашается повар без особого энтузиазма. Что ж, его правота подтвердилась, и то хорошо.

*

В кантине Тапа Джиан жалуется на судьбу Улу, Гадха, Сове и Ослу. Как его эксплуатируют эти двое, судья и его капризная внучка. Фальшивый английский акцент, морда пудреная, из-под светлой пудры темная кожа… Под хохот слушателей имитирует судью: «Каких па-аэтов читает нынче ма-ла-дежь?» Любуется собой, разогретый возлия-

ниями, высмеивает и выцветший кембриджский диплом, и ружья на стене… Вот бы найти настоящую работу, чтобы не ходить туда больше!

*

Да к чертям свинячьим эту Саи!

С ее английским и пиджин-хинди, с ее неспособностью даже разговаривать ни с кем вне узкого кружка понимающих английский.

С ее неумением есть руками, неумением присесть на корточки в ожидании автобуса. Она и в храмы-то заходит, Лишь чтобы поинтересоваться архитектурой. Ни разу не пробовала *паан* и лакомства из лавки *митаи.* Ее, видишь ли, от запаха воротит. А болливудский фильм разбил ее вдребезги, на кусочки. Она еле домой доплелась и свалилась на диван, совершенно обессиленная, видишь ли.

Масло для волос — да что вы, как можно! А бумага для задницы!.. Вот ведь до чего додумаются! Английские овощи, французская фасоль, зеленый горошек, зеленый лук — и ни в коем случае, ни в коем случае никаких *локи, тинда, катал, патрел,* никакого местного *сааг* с рынка.

Совместные приемы пищи каждый раз оказывались сопряженными с неприятными сюрпри-

зами. Его раздражали ее чопорность и жеманное удивление каждой мелочью, она широко раскрывала глаза от вида его энергичных манер, глядя, как пальцы разрывают *дал;* вздрагивала от его хлюпанья и чавканья. Судья даже *чапати, пури* и *паратха* поглощал с помощью ножа и вилки. И требовал, чтобы Саи в его присутствии тоже так же придуривалась.

*

Джиан понимал, что Саи вовсе не стыдилась своего поведения, даже гордилась им, притворяясь расстроенной нехваткой индийского национального начала, подчеркивала свой статус. Именно критикуя себя, укоряя, она добивалась обратного эффекта. Не падала, а возвышалась.

Раздражаясь все больше, он болтал и болтал. О ружьях, о ножах и запасах съестного в кухне, о винах в шкафчике; подчеркнул отсутствие телефона и невозможность вызвать помощь.

На следующее утро он проснулся под гнетом чувства вины. Вспомнил, как лежал в прошлом году под деревьями, глядя в ночное небо, протянувшее к нему лучи звезд сквозь густые ветви деревьев.

Но любовь — штука неуловимая, неосязаемая.

Не гранит, не бронза, не скрижали. Ее нестойкость склоняет к изменам, из нее можно вылепить что угодно по собственной эгоистической потребности. Сосуд. И даже много сосудов разной формы для разных субстанций различного назначения. Не ленись лепить да разливать… Он начал пугаться этой расхристанной вседозволенности. Где границы?

Глава тридцатая

Обеспокоенный проблемами рыночной экономики — проблемами на местном рынке, вызванными беспорядками до забастовками, — повар добавлял все больше буйволиного мяса в меню Шамки. Он разворачивал окровавленный бок, отлеплял от него окровавленные газеты, и казалось ему, что в руках два кило тела Бижу, убитого сына.

Когда жена его погибла, упав с дерева, на котором она собирала листья на корм для козы, все соседи опасались, что призрак ее заберет с собой сына, ибо умерла она смертью безвременной. Гневен дух погибшей такой смертью, утверждали священнослужители. Жена его отличалась при жизни редкой незлобивостью. Да она и рта-то почти не раскрывала. Но все утверждали, что дух ее являлся Бижу ночью, что зыбкий, прозрачный призрак протягивал к мальчику руки. Толпа родственников направилась в соседний городок на почту, в дом судьи посыпались обеспокоенные телеграммы. Доставлял их курьер, потрясавший на бегу копьем и вопящий: «Дорогу, именем коро-

левы Виктории!» — не подозревая, что королева Виктория давным-давно почила вечным сном.

«Священник сказал *балла* сотворить в *амавас*». То есть в самую темную, безлунную ночь принести в жертву курицу.

Судья отказался отпустить повара.

— Дурак! Суеверия! Предрассудки! Почему призраки сюда к тебе не явились, а ждут тебя в твоей дурной деревне?

— Здесь электричество, — резонно возразил повар. — Электричества они боятся, а в нашей деревне нет электричества.

— Ничему тебя жизнь не учит! — возмущался судья. — Ты живешь возле меня, ходишь к настоящему врачу, читать-писать научился, газету даже читаешь. И все впустую! Эти жулики, жрецы-священники, они просто хотят свою курицу слопать. Денежки твои им нужны.

Коллеги повара из рядов обслуживающего персонала хором советовали повару не слушать хозяина. Надо спасать сына, конечно же, ему угрожают призраки. «Хота *хаи*, давай-давай, спасай-спасай!»

Повар придумал для судьи байку о крыше, сдутой бурею с хижины в его деревне. Судья плюнул и отпустил его.

И вот, несмотря на прошедшие годы, повара охватило беспокойство, что жертвоприношение не подействовало, что его эффект ослабила ложь, которую он придумал для судьи, что дух жены его все же явился. Может быть, записали что-нибудь неверно, может быть, нужно было пожертвовать козу, а не курицу. Что, если дух все еще жаждет крови Бижу?

*

Впервые повар попытался отправить Бижу за границу четыре года назад. В Калимпонге появился тогда вербовщик судовой компании. Он набирал официантов, кухонных подсобников, уборщиков — всех, кто во время заключительного гала-ужина появляется в костюмах и при галстуках-бабочках с ананасами и фламбированными блинчиками, с поклонами и улыбками.

«Легальное трудоустройство в США!» — кричало объявление в газете. То же самое твердили и расклеенные в городке плакаты.

Временный офис вербовщика расположился в номере отеля «Синклер». Очередь жаждущих окружила отель, хвост ее сплелся с головой, что послужило причиной недоразумений.

Бижу прибыл в Калимпонг полный радужных

надежд. Судья вовсе не радовался. Почему бы парню не перенять почетный пост отца, когда тот состарится?

Бижу захватил на собеседование некоторые из липовых рекомендаций отца, чтобы показать, из какой достойной семьи он происходит. При нем были также письмо отца Бути, восхваляющее его характер и воспитание, и письмо дядюшки Потти, восхваляющее приготовленное им жаркое. Дядюшке Потти не довелось, правда, попробовать ничего из приготовленного этим достойным парнем. Да и сам парень ничего из приготовленного им не пробовал, так как за всю жизнь ничего съестного сам не приготовил. Стряпала для него бабушка, изо всех сил баловавшая внука, несмотря на то что они оставались одной из беднейших семей деревни.

Несмотря на эти хитросплетения, Бижу сразу же приняли.

— Любой пудинг! Континентальный и индийский, все равно.

— Прекрасно, прекрасно. У нас каждый вечер буфет с десертом семнадцати сортов.

И Бижу вывел свою фамилию в строчке, обозначенной пунктиром.

Повар гордился:

— Это все потому, что я много рассказывал ему о пудингах. У них на судне богатый буфет, судно как большой отель, знаете, как клубы в старые времена. Тот человек спросил его, что он может делать, и Бижу ответил, мол, что пожелаете, то и это. Торт «Аляска», плавучий остров, бренди-снэп…

— Ты уверен, что там все законно? — беспокоился сторож «железного купца».

— Совершенно законно.

Как мог повар сомневаться в человеке, высоко оценившем сына?

Они вдвоем пришли в отель на следующий вечер, принесли заполненную медицинскую карту и квитанцию банковского перевода на восемь тысяч рупий. Покрытие издержек и стоимость обучения в Катманду. Им выдали весьма солидные бумаги, квитанции, проверили медкарту, заполненную врачихой на базаре, указавшей давление ниже, а вес Бижу выше реального и грамотно заполнившей графу прививок.

— Все должно выглядеть как положено, иначе в посольстве обязательно придерутся, — приговаривала она.

Она-то это знала, ее собственный сын обучался в медицинском колледже в Огайо, и Бижу по-

обещал доставить в Штаты и переслать ее сыну пакет сушеного сыра *чурби.* Парень еще в Даржилинге усвоил привычку что-нибудь жевать во время подготовки к занятиям.

Через две недели Бижу прибыл в Катманду для прохождения недельного курса обучения.

Уже из окна рейсового автобуса он удивлялся этому резному деревянному городу дворцов и храмов, схваченному современным бетоном, зарывшемуся в пыль и тянущемуся к небу. Никаких гор не видно. Никакого Эвереста. С главных улиц он свернул в путаницу средневековых проулков, полных звуками из далекого прошлого. Улица жестянщиков, улица горшечников. Глина, солома, песок — все перемешивается босыми пятками, как и в прошедшие столетия. Крысы жуют сласти в храме Ганеша. Внезапно отворилась расписанная звездами ставня, он увидел лицо из волшебной сказки… Но когда, опомнившись, метнулся взглядом к этому окну, личико юной феи исчезло. Вместо нее в окне торчала морщинистая старая карга, скрипучим голосом вещавшая что-то невразумительное другой старой карге, остановившейся под окном с подносом *пуджа,* полным какой-то жертвенной чепухи. И вот снова широкие улицы, снова бетон, автобусы,

мотоциклы, мопеды. Громадный плакат славит трусы с карманом. «НЕТ ВОРИШКАМ!» — провозглашает лозунг рядом с крестом, нанесенным на самое интересное место. Рядом с плакатом фотографируются развеселые туристы-иностранцы. За углом, позади кинотеатра, маленькая лавка мясника с гирляндой декоративных куриных лапок над дверью. Перед дверью торчит какой-то тип, с рук капает кровь. Перед типом таз с водой, окрашенной кровавой ржавчиной. Номер рядом с дверью совпадает с указанным на фирменном бланке, хранящемся в кармане Бижу: 223А, первый этаж, за кинотеатром «Пан».

— Следующий! — бросает тип, полуобернувшись к двери. Там его подсобники воюют с упирающимся козлом, уставившимся на окровавленную тушу своего травоядного собрата.

— Надули тебя, милый, — смеется мясник. — Не ты первый, не ты последний.

Подсобники справились с козлом, выходят наружу. Все они запятнаны кровью.

— Эх, дурила! Разве можно отдавать деньги первому встречному? Ты откуда? Не знаешь, кого в мире больше всего? Жуликов! Преступников! Подай заявление в полицию. Денежки-то твои плакали, но все равно подай.

Прежде чем перерезать горло козлу, мясник разражается эмоциональной тирадой:

— С-с-сука, бл-л-л-л… п-пиз-з-з-з… *сали!*

Не забудьте обругать свою жертву, прежде чем всадить в нее нож.

Пока Винсу переваривал, что с ним случилось, они уже успели снять с козла шкуру, подвесить его вверх ногами, чтобы выпустить кровь.

*

Вторая попытка.

Обыкновенная туристическая виза. Один деревенский сосед тщетно пытался пятнадцать раз и на шестнадцатый все-таки визу получил.

— Не сдаваться! — поучал он односельчан. — Ищи удачу, и она придет!

— Амриканское посольство? — обратился Бижу к наружному сторожу внушительного здания.

— *Амрика* нет, *бефкаф!* Это посольство США.

— Где Амриканское посольство? — спросил Бижу следующего встречного. Тот показал на то же самое здание.

— Но это США.

— То же самое. Ты это усвой, прежде чем в самолет сядешь, *бхаи.*

Перед зданием целый лагерь; неведомо, сколь-

ко тут людей и когда они здесь поселились. Семьи, от мала до велика, распаковывают привезенную с собой провизию, устраиваются поудобнее и надолго. Иные босиком, на некоторых лопнувшие в нескольких местах пляжные пластиковые шлепанцы. От всех несет застарелым потом и запахами дальних странствий. Попадая внутрь, они дышат кондиционированным воздухом и ждут, усевшись в оранжевые кресла-скорлупки, дружно отзывающиеся колыханием на покачивание одного из них.

Главное имя — Балвиндер.

Фамилия — Сингх.

Средние имена —…

Это еще что?

Клички и прозвища, подсказал кто-то, и они принялись заполнять; Дампи, Плампи, Пинки, Чики, Мики, Вики, Дики, Сани, Бани, Хони, Лаки, Гуду…

Бижу подумал немного и написал: «Баба».

— Кому анкеты? Анкеты кому? Паспортные фото *чахийе?* «Кампа-Кола» *чахийе?* — предлагают услужливые люди из авторикши.

У некоторых просителей абсолютно все документы фальшивые: свидетельство о рождении, справка о прививках, сертификат финансовой

состоятельности. Всегда готовы помочь ласковые люди, скрестив ноги, восседающие за пишущими машинками и снабженные всеми необходимыми штампами и печатями.

— Откуда такие деньги?

Кто-то беспокоится, что сумма на банковском счете слишком мала.

— Нет-нет, это их не устроит! — заверяют опытные люди. — Не знаете, как поступить?

— Как?

— Все мои родственники, дядюшки из Дюбаи, из Сингапура, из Новой Зеландии перевели деньги моему брату в Тулсу. Банк выправил справку, брат составил и нотариально заверил обязательство о материальной поддержке… А после этого разослал деньги обратно дядюшкам. А как иначе им угодишь? Откуда столько денег взять?

— Просим всех обратившихся за визами подойти к окну номер семь и получить регистрационный номер, — прокрякал невидимый громкоговоритель.

— Что? Что они говорят?

Бижу, как и половина присутствующих, ни слова не понял, но забегал по помещению, довольный уже тем, что получил какой-то сигнал к действию. Шум, гам, свалка! Все рвутся к окну.

Молодые и сильные отталкивают и топчут старых и слабых. В очереди впереди волчьи морды холостяков, за ними мужчины с семьями, далее одинокие женщины и Бижу, а самые последние — полные развалины. Наглый и сильный — первый. Вот он уже любезный и вежливый, сама предупредительность: да, сэр, я цивилизованный член общества, сэр… да, мэм, я созрел для США, мэм… живые, понимающие глаза — в окошко, к иностранцам. Те же глаза, но мертвые, ничего не выражающие, невидящие — к согражданам.

Кого-то допустили, кому-то отказали. Почему разрешили? Почему отказали? А черт его знает. Случай! Морда не приглянулась. Сорок пять градусов в тени. Все индийцы осточертели. Может, предыдущему разрешили, поэтому вам следует отказать. Он дрожал от мысли, что может не понравиться этим людям. Может, они начали работу добрыми и предупредительными, но после постоянного вранья, после нагромождения нелепостей, с которыми приходится разбираться, озверели и разразились пулеметной очередью отказов:

— НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ-НЕТ!!!!!!

Стоявшие первыми тоже дрожат за бетонной уверенностью своих наглых морд. А вдруг те,

за окном, начнут рабочий день свежими и внимательными, разглядят пробелы и недочеты, уличат во вранье… или просто вздумается им начать день с отказов, для затравки…

Чем измеришь, чем проверишь умы и сердца тех великих американцев? Бижу призывал себя успокоиться. Ему нечего скрывать, значит, нечего и бояться. Легко сказать! Но в таком состоянии, на грани срыва, казаться честным и спокойным можно, лишь будучи нечестным и беспокойным. Честный или нечестный, стой перед пуленепробиваемым стеклом и репетируй ответы.

— Сколько у вас денег?

— Можете ли вы доказать, что не собираетесь остаться?

Эти грубые, неприличные даже вопросы задавались спокойным, ровным тоном, сопровождались пристальным немигающим взглядом. Чувствуя себя безмерно презренным и презираемым существом, вопрошаемый должен был отвечать кротко и четко. Начнешь робко бормотать, покажешься наглым и заносчивым — пиши пропало. По обе стороны барьера утвердилось мнение, что местные жители готовы вынести любую меру унижения, лишь бы попасть в Штаты. Суй их физиономией в грязь, они все равно будут умолять:

пустите нас, пожалуйста…

*

— Какова цель вашего визита?

— Что сказать, что сказать? — волновалась очередь. — Вот *хубши* ворвался в лавку и убил нашу свояченицу. Мы на похороны едем.

— Не надо, не надо! — предостерегает студент университета штата Северная Каролина, пришедший продлить свою визу.

Но студенту не верят.

— Почему нет?

— Шаблонно. Неправдоподобно. Сразу заподозрят неладное.

Не верят студенту. Всем ведь известно, что негры всегда во всем виноваты.

— Да-да, — соглашается очередь. — Негры на деревьях живут, как обезьяны, не то что мы, цивилизованные индийцы.

К их ужасу из-за барьера смотрит чернокожая американка. (Бог мой, если они *этих* принимают, то нам должны просто радоваться!)

Женщина перед Бижу получила отказ. Она опешила, затем забилась в истерике.

— Они меня не пускают! Моя дочь родила, а они не дают мне взглянуть на личико внука!

Смерть моя!..

Охрана выволакивает ее по дезинфицированному и обработанному против бактерий коридору.

*

Человек с версией убийц-*хубши* попал к окошку *хубши. Хубши-хубши бандар-бандар,* соображать надо быстро, история разваливается на куски…

— Скажи, что мексиканец, мексиканец, — шипит кто-то.

— Мексиканец?

Он кланяется окну, улыбается. Лучше не злить эту *хубши.* Так хочется в эту Америку, что готов даже неграм улыбаться.

— Доброе утро, мэм…. Да, мэм, что-то вроде этого, мексиканцы-тексиканцы, точно не запомнил.

Женщина смотрит на него как энтомолог на букашку.

— Не знаю, мэм, мой брат говорил, но он так волновался, я не расспрашивал подробно…

— Нет, мы не можем выдать вам визу.

— Но, мэм, прошу вас, мэм, я уже билет купил…

Обращаются за визами и собственники особняков, джинсов, автомобилей с водителями,

поварами, ожидающими их с легкой закуской. Эти стараются выделить себя из толпы немытых соотечественников. Их манеры, костюмы, выговор внушают клеркам посольства, что они судьбой избраны для заграничных путешествий, что они-то не рыгнут во время приема пищи, не влезут на унитаз с ногами, как эти деревенские тетки.

— Я много раз за границу летал и всегда возвращался. В паспорте отметки: Англия, Швейцария, Америка, даже Новая Зеландия. Да, в Нью-Йорк, да, последние фильмы, калифорнийское вино, чилийское тоже, да, не из слишком дорогих…

Бижу видит перед собой аккуратного молодого человека в очках. Белые всегда выглядят чище и аккуратнее. Конечно, чем ты темнее, тем кажешься грязнее.

— Цель поездки?

— Я как турист еду.

— Собираетесь вернуться?

— У меня здесь семья… Жена, сын… И моя лавка.

— Какая лавка?

— Фотоателье. — А вдруг не поверит?

— Где вы собираетесь остановиться?

— У друга в Нью-Йорке. Друга Нанду зовут, вот

его адрес, если желаете проверить.

— Надолго?

— Хотелось бы на две недели. (О-о-о, хоть денек, хоть один только денечек!)

— Достаточно ли у вас средств для покрытия дорожных издержек?

Бижу вытаскивает бумажку с дутыми суммами, с фальшивыми нулями, справку, которую повар приобрел у банковского клерка за две бутылки «Блэк лэйбл».

— Оплатите в окошке за утлом и после пяти вечера можете получить визу.

Неужто получилось?

— Бижу, ну как? Ну, ну, как, Бижу? — волнуется человек сзади. Он жизнь готов отдать за Бижу, но волнуется, разумеется, за себя.

— Получилось!

— Ты счастливейший из смертных, Бижу!

*

Счастливейший из смертных несется по парку, упиваясь своим счастьем. Пышная вонючая трава парка орошается открытым стоком канализации. Трава радуется, улыбается ему и стаду пятнистых свиней, веселящихся в сточных водах. Бижу вспугнул свиней, свиньи, радостно

визжа, понеслись прочь; с их спин взметнулась вверх стая возмущенных ворон. Неудобный экстренный взлет спиной вперед, боком, чуть не кувырком — что поделаешь! Замер в неуклюжей позе толстый джоггер в пестром тренировочном костюме, прервал полезное для здоровья полезного члена общества занятие. Замер дожидающийся джоггера шофер, замерла меж его зубами веточка нима, замерли пальцы, ковыряющие в зубах этою веточкой.

— Хух! Хух! — вопит Бижу, несется за свиньями. — Хух! Хух! — гонится за коровой. Перепрыгивает через буйное веселье папоротников, бросается на шведскую стенку, подтягивается, отжимается, энергия брызжет из него во все стороны, в бесконечную Вселенную.

*

На следующее утро счастливейший из смертных телеграфирует отцу, делится счастьем. И вот уже повар — счастливейший из отцов. Вину не ведает, что сердце Саи тоже переполняется счастьем. Страшным разочарованием для нее оказалось открытие, выпавшее на ее долю при приезде Бижу в Калимпонг, к жуликам из «круизной компании». Оказалось, что у повара есть

своя семья, что не о ней одной его помыслы, что в первую очередь заботится он о сыне. С приездом сына ей доставались лишь крохи его внимания. Оказалось, она лишь временная замена, отдушина для нерастраченного отцовского чувства.

— Юп-пи-и-и-и! — взвилась она, услышав о разрешении на въезд в заокеанскую даль. — Гип-гип ур-ра-а-а-а-а!

*

Этак годика через три после получения визы счастливейший из смертных поскользнулся в кафе «Ганди» на гнилом шпинате, поехал вперед по зеленой слизи и грохнулся на пол. И не смог подняться. Колено.

— Врача надо! — простонал он, когда Саран и Джив помогли ему усесться на свернутый матрас рядом с ящиками овощей.

— Врача! Ты знаешь, сколько стоит вызов врача в этой стране?

— Это в вашей кухне случилось. Вы отвечаете.

— Я отвечаю? — Хариш-Харри возмущенно упер руки в бедра. — Ты свалился. Упал бы ты на улице, кого бы звал, а?

Он ввел этого парня в заблуждение. Плакался ему в жилетку, клеил с его помощью разбитый

мир иллюзий…

— Я подобрал тебя с улицы, в дом впустил, как родного, без бумаг, и вот твоя благодарность! Ты живешь у меня бесплатно. В Индии тебе бы вообще не платили! У тебя никаких прав! А я виноват, что вы даже пол не моете, неряхи? С вас надо спросить за то, что живете как свиньи. Я заставляю вас быть неряхами?

Боль в колене подстегивала Бижу, гнала его напролом. Он проткнул хозяина горящим взглядом.

— Если б мы не жили как свиньи, вы бы не гребли деньги лопатой. Мы день и ночь упираемся горбом ни за грош, как рабочая скотина, потому и живем по-скотски. Почему бы вам не обеспечить нас «зелеными картами»?

Ядерный взрыв эмоций. Извержение Кракатау.

— Я? Вас? «Зелеными»… «Карта» тебе — значит, «карта» Риши, «карта» Риши — значит, «карта» Сарану, «карта» Дживу, и еще приползет мистер Лалкала и завопит: «Несправедливость! Я первый, я дольше всех здесь!» Значит, бежать в иммиграционную службу и написать заявление, что ни один американец за эту работу не возьмется. А они сделают вид, что в это не верят. И я должен это доказывать. Что я давал объявления.

Они придут проверять мое кафе. И мигом упекут меня за решетку. «Карту» ему! Не нравится — катись отсюда, не задерживаю! Думаешь, незаменимый? Да таких, как ты, — свистни, набегут. Мгновенно! — Он щелкнул пальцами, чтобы показать, как легко он, его кафе, этот город и вся планета обойдутся без Бижу. — Вон отсюда!!!

Вопль его относился к Бижу, но поскольку колено не давало возможности перемещаться без посторонней помощи, из кухни испарился сам Хариш-Харри. Он понесся к себе наверх, но очень скоро снова спустился. Его настроение менялось во мгновение ока, это все давно заметили.

— Послушай, я ведь с тобой всегда обходился по-доброму, — заворковал он. — Я ведь не нехороший человек, правда? Зачем ты со мной так? Что могу, я делаю, но не все в моих силах, ведь так? — Он вытащил из бумажника полусотенную купюру. — Вот возьми. Отдохнешь. Можешь помогать лежа, овощи там резать, то-се… Не пройдет колено — возвращайся в Индию. Там врачи хорошие и дешевые. Вылечишься — снова вернешься.

Оконная рама выстроила на полу свою несложную светотеневую геометрию. Узор перемещался, постепенно переполз на стену.

В Индию.

Назад.

Вернуться.

Отступить.

Когда-то в одной из кухонь многокухонного прошлого счастливейшего из смертных кто-то мимоходом бросил: «Не так уж здесь тяжело, иначе вас не наползла бы сюда такая уйма».

Тяжко, очень тяжко приходилось им здесь. Но, несмотря на это, их «наползла сюда такая уйма», и ползли все новые, рискуя жизнью, унижаясь, ненавидя, отрекаясь от семей, от прошлого…

Хариш-Харри не дурачок. Он все это прекрасно знает. Как у него язык повернулся помянуть возвращение? Этак легко, пальчиком грозя, как малышу-шалунишке.

— Шалунишка, — погрозил пальчиком Хариш-Харри и притащил Бижу *прасад* из храма в Куинзе. — Хлопот из-за тебя…

Лимит хозяйских забот и хлопот исчерпан, понял Биясу. Старая уловка хитрозадых индийских хозяев и хозяйчиков в сложной, многоходовой игре «господин — слуга». Благосклонный патриарх с отеческой улыбкой склоняется к стаду… вместо регулярной платы заткнуть глотку подарком-другим-третьим…

Лежит Бижу на своем матрасике, следит, как солнце скребет фасады. Куда ни глянешь в этом городе без горизонтов, везде карабкаются вверх этажи, жаждут света, давят подножие тьмой. День продирается сквозь лабиринты по расписанию: здесь с десяти до двенадцати, там с десяти пятнадцати до десяти сорока пяти, где-то «с полвторого до без четверти четыре». День арендован-переарендован, сдается с рук на руки, его прихода дожидаются домашние коты, растения на подоконниках, старики, принимающие теплые лучи дряблыми щеками и дрожащими коленями. День здесь даже не гость, а какое-то мимолетное напоминание о чем-то далеком, недостижимом.

*

Две недели — и Бижу уже ходит, хотя и опираясь на палку. Еще две недели — и даже боль прошла. По-прежнему досаждает лишь проблема с «зеленой картой».

Чертовы бумаги. «Зеленая карта». *Мачут сала олу пата чаар сау биис,* «зеленая карта», которая не карта и которая не зеленая. День и ночь она копошится у Билсу в мозгу, как курица в мусорной куче. Проникает в желудок и подступает к горлу.

Билсу выворачивается наизнанку и спускает ее в канализацию.

Письма от отца. Билсу плачет. Вскрывает конверты, читает. Слезы высыхают, вскипает злость.

«Помоги, пожалуйста, Они… Я уже писал тебе о нем, но ты не ответил… Он ходил в посольство и очень американцам понравился. Через месяц прибудет… Может быть, остановится у тебя, пока что-нибудь не подыщет…»

Билсу скрипит зубами не только наяву, но и во сне. Однажды просыпается с треснувшим зубом.

— Грохочешь, как бетономешалка, — жалуется Джив. — Ты зубами гремишь, крысы топают, как носороги, не заснуть!

Однажды ночью Джив проснулся и накрыл крысу в гулком жестяном ведре, на дне которого милый зверек обнаружил какое-то лакомство. Он спрыснул крысу бензином из зажигалки и поджег ее.

— Да угомонитесь вы наконец, мать вашу!!! — вопили сверху. — Дайте поспать, падлы поганые, суки гребаные!!! Чтоб вас… бать-мать-перебрать!!!

Об асфальт зазвякали бутылки, брызги осколков взметнулись с мостовой.

*

— Спросить про башмаки на Манхэттене, и я сказать, где купить дешевле всего.

Снова Саид-Саид. Откуда взялся?

— Спроси, спроси. Давай спрашивай.

— Да брось ты…

— Слушай, друг, — улыбается Саид. — Ты дом покинул, ты здесь, в Америке. Все, что хочешь, можешь получить.

Английский Саида заметно улучшился. Он даже две книжки читает. «Живи без забот» и «Искусство жить вдвоем».

У него уже двадцать пять пар башмаков. Иные неподходящего размера, но это не столь важно. Зато красивые.

Колено Бижу в полном порядке.

А если бы не зажило?

Но ведь зажило!

Может, плюнуть на эту Америку? Он бы вернулся. Пусть радуются.

Саид увлекся башмаками. Бижу погрузился в жалость к самому себе. Обнаружив в мешке *басмати* дохлого жука, он с трудом сдержал слезы, подивился чудесному перемещению существа в пространстве, сопоставил со своим дальним

странствием. Этот рис в Индии мало кто может себе позволить. Надо было обогнуть земной шар, чтобы здесь поглощать то, что выросло *там.* Здесь любой нищий может наслаждаться этим рисом… даже и не наслаждаться, а воспринимать как должное. А вернувшись к месту его произрастания, ты сможешь лишь любоваться ростом и созреванием…

«Оставайся в Америке, пока можешь, — писал повар. — Копи деньги. Не возвращайся».

Глава тридцать первая

В марте отец Бути, дядюшка Потти, Лола, Нони и Саи направились в джипе Швейцарской молочной фермы в Даржилинг, чтобы обменять в библиотеке книги, пока не начались на склонах ожидаемые беспорядки.

Прошло несколько недель после ограбления Чо-Ойю.

Программа действий обещала:

заслоны на дорогах, чтобы парализовать экономику, не дать вывезти ни дерева из лесов, ни камня из карьеров; ни одна машина не пройдет;

день «Черного флага» 13 апреля;

семидесятидвухчасовую забастовку в мае;

отмену всех национальных праздников; к чертям День республики. День независимости, День рождения Ганди;

бойкот выборов под лозунгом «Западный Бенгал — чужая сторона»;

аннулирование всех налогов и займов (очень остроумно!);

сожжение соглашения между Индией и Непалом от 1950 года.

Непалец ты или нет, всем рекомендовано (читай: от всех требуется) поддерживать правое дело, покупать календари и кассеты с речами Гисинга (главный GNLF в Даржилинге) и Прадхана (главный в Калимпонге).

От каждой семьи — бенгали, лепча, тибетцы, сиккимцы, бихари, марвари, непальцы — все имеются в виду — приглашается (настоятельно) мужчина для участия в шествиях и для присутствия при сожжении индо-непальского договора.

Если же этими любезными приглашениями пренебречь, то… никто, разумеется, не желал, чтобы к нему относилось завершение этой фразы.

*

— А зад куда дел? — спросил дядюшка Потти, когда отец Бути вскарабкался в джип.

Он прошелся пристальным взглядом по фигуре друга. Отгрипповав, отец Бути превратился в ходячий скелет. Одежда висела на нем как на чучеле.

— Зад-то ты, милый, дома оставил! — беспокоился дядюшка Потти.

Священник уселся на надутый резиновый спасательный круг, чтобы предохранить свои

дряхлые мощи от тряски. Столь же дряхлый джип представлял собой шаткое сооружение из нескольких стальных профилей да листов ржавой жести, древнего двигателя, раздолбанной ходовой части. Ветровое стекло покрыто сеточкой от ударов многочисленных камней, неизбежных на разбитой дороге. Машине двадцать три года, но отец Бути утверждает, что все рыночное новьё в подметки не годится его ветерану.

По заднему сиденью прыгают зонтики, книги, дамы да сыры отца Бути для отеля «Виндамир», для монастыря Лорето, где без этого сыра не обходится ни один завтрак. Одно колесо сыра про запас. Может, удастся уломать шефа ресторана Гленари, зацикленного на «Амул». Вряд ли. Слишком уж он уверен, что продукт в жестянке с фирменными наклейками, превозносимый рекламой в масштабе страны, лучше, чем изготовленный фермером-соседом. Х-ха! Какая-то Тапа! Полторы коровы на лужайке!

— Но ведь нужно же поддерживать местного производителя! Тоже как-никак национальная компания, — настаивает батюшка Бути.

— Э-э, дорогой батюшка, деловая репутация… честь марки… уважение клиентов… международные стандарты гигиены…

Но батюшка Бути не терял оптимизма, поддерживаемого весной, цветением природы, буйством ароматов.

Сад монастыря Святого Иосифа изобиловал этим цветением, красками и ароматами, как-то не вязавшимися с мрачными кляксами монашек. Громадные, чувственные, неприлично распахнутые лилии выставляли свои тычинки-пестики, в небе бесилась крылатая птичья и насекомая мелочь, крылья бабочек стряхивали пыльцу на стекла джипа. Любовь порхала в воздухе, цвела в мире растений и мелких тварей.

*

Джиан и Саи — она вспоминала о них вместе. Ссора из-за Рождества… безобразно… Какой контраст с прошлым согласием! Ее лицо уткнулось в его шею, переплетение рук, ног, пальцев, здесь и там, не разобрать, где кто и что, целуя его, она вдруг удивлялась, что целует себя.

«ИИСУС ИДЕТ!» — лозунг на подпорной противооползневой стене. Кто-то приписал мелом: «ЧТОБЫ СТАТЬ ИНДУСОМ».

Отца Бути лозунг развеселил, но он тут же посерьезнел, когда джип миновал рекламу «Амул»:

«НЕСРАВНЕННАЯ МАСЛЯНИСТОСТЬ!»

— Пластмасса! Это не сыр и не масло, этим можно дыры в сантехнике замазывать!

*

Лола и Нони машут из окна джипа.

— Хелло, госпожа Тондап!

Госпожа Тондап, тибетская аристократка, восседает с дочерьми Пем-Пем и Домой в расцвеченных драгоценностями *баку* и бледных шелковых блузках, расшитых восемью охранительными эмблемами буддизма. Дочери, посещавшие монастырь Лорето, — потенциальные подруги Саи. Так судили взрослые. Но у дочерей госпожи Тондап уже есть подруги, под завязку, новых им не надо.

— Очень милая, элегантная леди!

Лола и Нони в восторге от госпожи Тондап. Они в восторге от аристократов, в восторге от крестьян. Отвратителен им лишь средний класс, прущий через любые дали бессчетной массой.

Поэтому они «не замечают» госпожу Сен, выскочившую из здания почты.

— «Ах, как они упрашивают мою дочь принять „зеленую карту“»! — передразнивает Лола. — Врунишка, врунишка, обсикала штанишки!

Снова машут: джип минует афганских принцесс, отдыхающих в плетеных креслах среди

цветущих азалий, девственно-стеснительных и одновременно вызывающих, как сексапильное нижнее белье. Пахнет от азалий почему-то курицей.

— Суп! — возбуждается уже проголодавшийся дядюшка Потти, пропустивший завтрак.

Следующий сеанс махания у сиротского приюта Грэхема. Ах, как прекрасны эти детишки! Как будто ангелочки, как будто уже умерли и вознеслись в небеса.

Армейское подразделение рысит из-за поворота. Вперемежку с мотыльками и стрекозами. Тощие ноги комично торчат из кажущихся непомерно широкими шортов. Надежная защита Индии от потенциальной китайской агрессии.

От армейских кухонь доносятся запахи всепобеждающей вегетарианской стряпни. Все больше вегетарианцев среди молодых офицеров, утверждает Лола. И не только вегетарианцев, но и трезвенников. И не только среди молодых. И даже среди высшего командования.

— Хоть бы рыбу ели, что ли! — сокрушается она.

— Зачем? — интересуется Саи.

— Чтобы убивать, ты должен быть плотоядным. Иначе ты дичь, а не охотник. Как в природе: лев,

корова, антилопа… Мы ведь тоже животные. Чтоб победить, надо крови отведать.

Но армия все больше отходит от первоначального английского образца, становится истинно индийской армией. Даже в выборе расцветок. Джип миновал клуб «Могучий лев», выкрашенный веселенькой розовой красочкой.

— Может, им просто надоела эта грязная краска, куда ни глянь, на каждой военной штуковине, — заступается за защитников родины Нони.

«ЦВЕТЫ» — кричит большой плакат программы популяризации армии, хотя это единственное место в городе, где ни цветочка.

*

Джип притормозил, пропуская двух молодых монахов, спешащих к воротам недавно выстроенного здания их ордена.

— На деньги Голливуда, — ворчит Лола. — Когда-то они благодарили Индию, единственную страну, которая их приняла. А теперь презирают. Ждут, когда американцы переселят их в Диснейленд. Дождутся, как же!

— Симпатичные ребята, — говорит дядюшка Потти. — И кому только вздумалось их выгонять…

Ему вспомнилось, как они встретились в отцом Бути… с каким восхищением они уставились на одного и того же монаха на рынке. Начало большой дружбы.

— Ах, все разахались! — недовольно продолжает Лола. — Ах, бедные тибетцы! Ах, изгнанники! Ах, бедный далай-лама… А гляньте на этот дворец Потала! Да далай-лама должен небо благодарить за то, что он в Индию попал. Климат лучше, еда лучше. Добрые, жирные бараньи *момо*…

Нони:

— Да ведь они мяса не едят!

— Кто тебе сказал? А что им еще есть? Что зеленое растет в Тибете? Да и Будда их окочурился, свининой обожравшись.

— Ситуа-ация! — тянет дядюшка Потти. — Армия — сплошь вегетарианцы, монахи мясом обжираются…

*

Джип грохочет между зарослей саль и *пани садж,* кассетный плеер поет голосом Кири Таканава, голос взлетает ввысь, к пяти макушкам Канченджанги.

Лола:

— Мне бы лучше Марию Каллас. Хоть каждый

день. Старая школа! Карузо вместо Паваротти.

Джип сползает все ниже, окунается в густой тропический воздух, плывущий над рекой. Еще больше бабочек, жуков, стрекоз, мошек.

— Вот бы здесь жить, — Саи тычет в сторону правительственного санатория на песчаном берегу, в прибрежных травах беспокойной Теесты.

Снова подъем в хвойный эфир, сквозь золотую морось.

— *Меток чхарп,* цветочный дождь, — замечает отец Бути, щурится на небо. — Типично для Тибета: дождь и солнце. — Он подпрыгивает на очередном ухабе, ежится и поправляет под собой резиновый спасательный круг.

*

Учитывая бум рождаемости, правительство недавно провело закон, разрешающий надстраивать дома в Даржилинге. На один этаж! Не более. Давление массы бетона ускорило сползание города, вызвало новые оползни. Снизу город выглядит как сползающая по склону, опрокидывающаяся мусорная куча, схваченная в кадр ловким фоторепортером в момент опрокидывания.

— Сползает Даржилинг, сползает, — с озабоченным удовлетворением констатировали дамы,

оценивая процесс сползания как в прямом, так и в переносном значении. — Помнишь, каким милым он был когда-то?

К моменту, когда в уличной толчее отыскалось местечко для парковки, вопрос заката и падения Даржилинга уже решился, и они покинули машину с видом кислым и разочарованным. Огибая коров, жующих очистки, перепрыгивая через грязные уличные ручейки, побрели по улице к рынку. Уличный шум усугубляли носящиеся по жестяным кровлям обезьяны. Но как раз когда Лола собралась открыть рот, чтобы припечатать падение Даржилинга очередным презрительным замечанием, облака вдруг раздвинулись, и над городом вознеслась Канченджанга, все ее 28 168 футов. В отдалении сурово маячил Эверест. Лола онемела.

Чуть подальше раздался вульгарный вопль переполненного восторгом туриста-иностранца, как будто узревшего вдруг живую кинозвезду.

*

Дядюшка Потти от них отделился. Он в Даржилинг прибыл не ради книг, а чтобы обеспечить себя алкоголем на период беспорядков. В Калимпонге все запасы спиртного уже скупил. Еще

пара коробок из Даржилинга — и готов к любым перебоям в снабжении.

— Нет, не читатель он, не читатель, — неодобрительно заметила Лола.

— Комиксы, — поправила Саи.

Дядюшка Потти уважал Астерикса, Тин-Тин и серию «Не хочешь, не верь», тратил на их изучение драгоценное время посещения туалета и не стыдился своих познавательных интересов, хотя в свое время изучал языки в Оксфорде. Дамы терпели его по причине образования и происхождения. Выходец из блестящего семейства в Лакхнау, он называл родителей «матер» и «патер». Матер в дни молодости слыла знаменитой красавицей, в ее честь сорт манго назвали Хасина.

— А какая она была кокетка! — всплескивала руками Лола.

Она слышала от кого-то, кто слышал еще от кого-то, о соскальзывающем с плеча сари, о низком вырезе блузки и еще о многих интересных деталях. После веселой молодости она вышла замуж за дипломата по имени Альфонсо (еще один сорт манго). Хасина и Альфонсо в честь своей свадьбы приобрели двух жеребцов, Чингисхана и Тамерлана, которые в свое время попали на

обложку «Таймс оф Индиа». Лошадей вскоре продали вместе с домом у Мраморной арки в Лондоне. Сраженные изменчивой судьбой, матер и патер примирились с Индией и спрятались в ашрам. Сын с таким самоотречением родителей примириться не мог.

— Какой ашрам? — допрашивали его Лола и Нони. — Какого учения?

— Смирение. Отказ от пищи и сна. Пожертвования и самопожертвование.

Он любил рассказывать, как он в эту строго вегетарианскую атмосферу — из меню исключены даже чеснок и лук как разогревающие кровь — вперся с изрядным шматом зажаренного кабана. Этого кабана он подстрелил на своей чесночной делянке, так что мясо жертвы изрядно пропиталось духом ее последней трапезы.

— Соблазнил. Умяли до последнего кусочка, бедные матер и патер!

Договорились о встрече, и дядюшка Потти направился за спиртным, а остальные продолжили путь в библиотеку.

*

Библиотека Джимхана напоминала покойницкую, пропитанную мускусным запахом тлеющих

книг. Названия на корешках выцвели. Некоторые книги никто не брал в руки уже полвека. Они разваливались в руках. Из живых существ с ними общались лишь жуки да термиты.

Содержались тут переплетенные тома «Гималайан таймс», «единственного англоязычного еженедельника Тибета, Бутана, Сиккима, Даржилингских чайных плантаций и Дуара», а также «Иллюстрейтед уикли», однажды опубликовавшая посвященную корове поэму отца Бути.

Конечно же, были в библиотеке и «Далекие шатры», и «Радж-квартет», но Лола, Нони, Саи и отец Бути игнорируют английских писателей, описывающих Индию. Безумной чушью нафаршированы все их храмы да змеи, любовные страсти, катастрофы и пролитая кровь. Излишек фантазии и никакого правдоподобия. Английские писатели, пишущие об Англии, намного лучше. Пи Джей Вудхаус, Агата Кристи, их сельская Англия; поместный роман. Читаешь их — как будто смотришь фильм в Британском совете в Калькутте. Лола и Нони частенько бывали там в детстве. Под звуки скрипок выходит дворецкий с зонтом — разумеется, идет дождь, как же иначе. Хозяйка имения появляется в кадре начиная с башмака, высовывающегося из распахнутой дверцы, и

вид ноги в кадре сразу дает понять, какое у нее выражение лица.

Полки ломятся от отчетов о путешествиях по Индии со сценами прибытия утомленных путников поздним вечером в вовремя подвернувшийся *дак*, где повар готовит пишу в черной кухне; Саи удивлена неоригинальностью ее прибытия в Калимпонг. Снова и снова, на разных страницах, в разные годы и в разных местностях, видит она себя, судью, его собаку и повара. И даже автомобиль из картофельного пюре.

Здесь Саи натолкнулась на книгу «Мой исчезающий народ», обнаружив, что ничего не знает о первых людях этого края. Лепча, ронг-па, фодонгтинг, нузонгнью — все они возникли из священных снегов Канченджанги.

Джеймс Эррио, Джеральд Даррел, поросята Сэм и Энн, мишка косолапый, Скратчкин-Патчкин, живущий на листке яблони.

И еще:

...уважающий себя индийский джентльмен не войдет в купе, отведенное для европейцев, или в купе для дам. Даже усвоив европейские манеры и привычки, он не стыдится того, что он индиец, и не пренебрегает расой, к которой принадлежит.

Х. Хардлис «Индийскому джентльмену. Наставление по этикету».

Краска гнева залила ее лицо. Нет, не следует читать старые книги. Гнев, который они возбуждают, вовсе не стар. Свежий гнев, полон огня. Конечно, этот придурок Хардлис давно сгнил. Отыскать бы его потомков, вытрясти из них душу. Но сын за отца не отвечает, попыталась она себя урезонить. Не отвечает, а краденым и награбленным пользуется?

*

Саи прислушивается к разговору Нони с библиотекаршей. Речь о «Преступлении и наказании».

— Смешанные чувства, знаете ли... Потрясена, да... но только наполовину. И наполовину... — «Смущена? Возмущена?» — гадает Нони. — Эти христианские идеи покаяния да прощения... Они взваливают всю тяжесть вины на жертву! Если последствия преступления неизгладимы,

то как можно прощать грех? Система выгодна преступнику, причем за счет праведника. Твори что вздумается, развлекайся за чужой счет, а потом быстренько попросил прощения — и свеж как огурчик! А жертва должна нести тяжесть последствий преступления и, сверх того, тяжесть прощения. Кому ж не захочется грешить после этого. Знаешь волшебное словечко «извините» — и выпускай его на ветер, как воробушка.

Библиотекарша — невестка докторши из Калимпонга — отвечает:

— У нас, у индусов, система совершеннее. Получаешь по заслугам и ни от чего не можешь отречься. Да и боги наши на богов похожи, так ведь? Взять хоть Раджа-Рани. Не то что эти голодранцы, Иисус да Будда…

— Но мы тоже изворачиваемся как можем! Нет, говорим, не в эту жизнь, лучше в следующую…

Саи не выдерживает:

— Хуже всего считать, что бедные голодают из-за своих грехов в прошлые жизни…

А главное — полная беспомощность. Несправедливость неустранима. Правосудие слепо. Оно может покарать бедолагу, укравшего курицу, но крупные преступления махровых мерзавцев остаются безнаказанными при всей очевидности,

потому что тронь преступника — и закачаются основы так называемой цивилизации, ее «незыблемые столпы». Никакая религия и никакое правительство не накажут виновных ни в чудовищных сделках между нациями, ни в тихих, без свидетелей, преступлениях между двумя индивидами.

*

Беседу заглушил уличный шум. Опять демонстрация.

— О чем они? — спрашивает Нони. — На непальском кричат.

Подходят к окну. Молодые энтузиасты с плакатами.

— Опять гурка, наверное.

— Но что вопят?

— Они вопят не для того, чтобы их кто-то понял. Их цель — шуметь погромче, *тамаша,* — просвещает Лола.

— Да, они шляются туда-сюда, то одни, то другие, — соглашается библиотекарша. — Несколько дегенератов начинают, сбегается куча бездельников — и вот тебе свободное волеизъявление.

*

Дядюшка Потти погрузил спиртное в джип. Отец Бути отрывается от полок со всяким мистицизмом.

— Закусим здесь?

Прошли в обеденный зал, но обедом не пахнет. Выбежал управляющий.

— Извините, уважаемые. У нас проблемы с наличностью, вынуждены временно закрыться. Работать все труднее.

Он улыбается группе иностранцев.

— На экскурсию, господа? Не забудьте посетить монастырь Гум. У нас и раджи останавливались… раджа Куч-Бехара, раджи Бердвана, Пурниа…

— Вы теперь и туристов пускаете?

Джимхана сдает помещения постояльцам, чтобы поддержать клуб.

— А проку-то с них! Перепуганы, с перепугу жмутся, экономят… Вот гляньте, — он тычет пальцем в открытку, которую кто-то из группы положил на стойку для отправки: — «Отличный обед всего за четыре с половиной доллара. Самая дешевая страна! Здесь очень интересно, но хочется домой. Мы никогда не были привередами, но дезодорантов, извините, не хватает…» Эти тури-

сты, кстати, последние. Беспорядки отпугивают.

Глава тридцать вторая

В этом обеденном зале клуба Джимхана, в одном из дальних углов, под ветвистыми оленьими рогами и поеденной молью шкурой, произошла последняя встреча судьи с его единственным другом Бозе.

Последняя их встреча. Последний раз, когда судья вывел автомобиль за ворота Чо-Ойю.

Они не виделись тридцать три года.

*

Бозе поднял бокал.

— За старые времена. — Выпил. — О-о-о… Материнское молоко…

Он выставил привезенную по случаю бутылку «талискера». Инициатор свидания тоже он. Встреча состоялась за месяц до прибытия Саи в Калимпонг. Бозе написал судье, что остановится в Джимхана. Почему судья согласился на этот контакт? В тщетной надежде усыпить память? Из любопытства? Себя он убедил, что если не поедет в Джимхана, то Бозе навестит его в Чо-Ойю.

*

— Гор таких, как у нас, конечно, нигде в мире не отыщешь, — говорит Бозе. — Ты на Сандак-Фу не поднимался? Мики попробовал. Помнишь Мики? Идиот, надел новые ботинки, а когда вернулся на базу — все ноги в пузырях. А жена его, Миту — помнишь? Шикарная девица, бодрая такая… — та гавайские *чаппали* напялила.

Помнишь Дикки? Твидовый костюм, трубку сосал, пижонил… всё английским лордом… «О-о-о, морозный иней!..» Родил сына-идиота и не смог этого снести. Застрелился…

Субраманиум, помнишь? Жена такая, коротышка квадратная, четыре на четыре. Утешился с секретаршей-англичанкой. Жена вышвырнула его из дому и прибрала все денежки. Вместе с деньгами испарилась и англичанка. Другого нашла…

Бозе распахнул рот, оглушительно расхохотался. Перепуганный зубной протез сделал попытку выскочить из столь шумного рта. Бозе дернул головой, поймал беглеца, захлопнул его в скользкой темнице. Фокус с протезом не произвел на судью слишком угнетающего впечатления, так как он впал в прострацию еще до начала их встречи.

Шикарное зрелище! Два старых сморчка в углу под пятнами протечек, под обмякшим чучелом медведя с торчащей из него набивкой. В медведе жили осы, мех жрали несколько видов моли; одураченные клещи заползали в шкуру чучела в надежде насосаться горячей крови и подыхали с голоду. Над камином вместо парадного портрета королевы или короля повис еще один сморчок: тощий, с выпирающими ребрами Ганди — чтобы отбить аппетит и испортить настроение, подумал судья.

Когда-то, оставляя за собой много миль, прибывали сюда задубевшие плантаторы с упакованными в багаже фраками, чтобы насладиться томатным супом, побренчать ложками-вилками, пройтись в танце на фоне трофеев жестокой и кровавой охоты. В гостевых книгах, хранящихся в библиотеке, каллиграфическим почерком зарегистрированы акты резни и разбоя. Сотня *махасир* из Теесты ровно сорок лет назад. Твен застрелил тринадцать тигров между Калькуттой и Даржилингом. Но на мышей никто не охотился, и беседа двух уважаемых джентльменов протекала под шуршание их когтей и скрипение прогрызаемых досок пола.

— Помнишь, как мы покупали тебе сюртук в

Лондоне? Помнишь, что на тебе было? Да, видок у тебя был… Настоящий *гоу валлах.* Помнишь, как ты вместо *Джилли* говорил *Джигли?* Помнишь? Ха-ха-ха…

Сердце судьи наполнилось ожесточением. Да как он смеет? Для этого он приехал сюда, путь неблизкий… Унизить судью, поднять самоуважение?

— А Гранчестер помнишь?.. Мед-то они к чаю подадут?

Он и Бозе на пароходе, отдельно друг от друга, отдельно от других, чтобы не оскорбить прикосновением темной кожи…

Судья подзывает официанта. Скорее бы ужин, скорее отделаться от этого… Он вспоминает ждущую его Шамку.

Она сидит у окна, смотрит в сторону ворот, хвост поджат, уши слегка пошевеливаются.

Он вернется и поднимет палку.

— Бросаю? Поймаешь? Бросаю!

Да, да, да, бросай, бросай! Она подпрыгнет и поймает, скорей, скорей, скорей!

*

Судья игнорировал Бозе, не смотрел на него, но тот все ускорял скороговорку, болтал самозабвен-

но, взахлеб.

Он тоже служил, как слышал судья, и с группой коллег возбудил судебный процесс с целью повысить пенсию до уровня белых служащих гражданской службы. Процесс они проиграли, и Бозе упал духом.

Письма Бозе, отстуканные на портативной «Оливетти», судья игнорировал, в процесс не вмешивался. Он уже научился цинизму. Он не хотел, чтобы Бозе эксплуатировал его наивность, смешивал ее со своей. Наивность оказалась наследственной. Судья слышал, что сын тоже затеял процесс — против «Шелл ойл» — и тоже проиграл. Сын полагал, что новое время принесло новые правила игры. И ошибся. Новое время что-то припудрило, подрумянило, но в сути ничего не изменило.

— Жизнь в Индии дешевле, — аргумент ответчика.

А если они захотят провести каникулы во Франции? Или купить бутылку-другую в дьюти-фри? Послать детей в колледж в США? Если им платят меньше, то как сможет Индия вырваться из бедности? Как индийцы смогут жить так же, как живут на Западе? Бозе не мог переносить этих противоречий.

Но большие деньги сыпались из противоречий, из расщелин между нациями. Большие деньги можно было добыть, лишь сталкивая нации лбами. И в кошели сыпались золотые искры. Придавить Третий мир, не дать ему подняться! Не дать Бозе и его сыну влезть выше установленной планки! Англичане отбыли, но мир остался колониальным.

*

Над ними смеялись в Англии, но над ними смеялись и дома. Ха, вообразили, что они лучше других! И получили по носу. Не высовывайтесь!

Судья сжимал губы, а Бозе все расходился:

— Лучшие дни жизни! Помнишь? Лодка, «Кингз», «Троица», Бог мой!.. Что потом? Ага, «Корпус Кристи»… Нет-нет, все перепутал. Сначала «Троица», потом «Сент-Джон»… Нет, сначала «Клер», потом «Троица», потом что-то женское… «Примула»? «Примула»!

Судья не вытерпел.

— Нет, вовсе не так, — услышал он свой скрипучий голос. — Сначала «Троица», потом «Клер».

— Ну что ты! «Кингз», «Корпус Кристи», «Клер», потом «Сент-Джон»… С памятью у тебя, брат…

— Это тебя память подводит!

Бозе лихорадочно рылся в памяти… Общие воспоминания… Что-то объединяющее…

— Нет-нет-нет! «Кингз»! «Троица»! — Он припечатал бокал к столу. — «Иисус», «Клер», Гонвиль, а потом чай в Гранчестере.

Судья не мог далее терпеть этой бестолковщины. Он поднял руку и, загибая пальцы, провозгласил:

— Первое — «Сент-Джон»!

Второе — «Троица»!

Третье — «Клер»!

Четвертое — «Кингз»!

Бозе затих. Ему, кажется, полегчало.

— Может, все-таки закажем ужин, наконец? — спросил судья.

*

Но Бозе сменил пластинку. Еще одна интересующая его тема: есть ли светлые пятна в проклятом прошлом? Он уже изрядно пьян, глаза плавают, слезятся.

— Ублюдки! — бросает он желчно. — Какие они все-таки ублюдки, эти белые! Они в ответе за все преступления века!

Молчание.

— Хорошо хоть смотались подобру-поздорову, слава Богу…

Судья не разжимает губ.

— Не то что в Африке — там они все еще гадят повсюду…

Неодобрительное, осуждающее молчание.

— Все равно они даже издали влияют, гады…

На скулах судьи играют желваки, кулаки сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются…

— Ну конечно, был от них и какой-то прок…

…сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются…

И тут судью прорвало:

— Да! Да! Гады они, гады. И мы были частью той же проблемы, как и частью ее решения.

И сразу:

— Официант!

Официант!

Официант!

ОФИЦИАНТ!!!

— Может, за курицей гоняется. Гостей-то никого, — вяло шепчет Бозе.

*

Судья врывается в кухню. Два зеленых перца в жестяной миске на деревянной стойке с гравировкой: «Лучший картофель выставки 1933 года».

Ничего больше.

И никого.

Он подошел к портье.

— В кухне никого.

Портье с трудом разлепляет веки.

— Уже поздно, сэр. Рядом «Гленари». У них богатый выбор в ресторане и в баре, сэр.

— Мы сюда пришли поужинать. Мне что, жаловаться администрации?

Портье прошаркал куда-то в глубины, извлек официанта. Официант подошел к столу, отскабливая от синей куртки присохшую чечевицу. Чечевица отвалилась, оставив желтое пятно. Официант не выспался. Жил и работал он по законам социализма, не обращая особого внимания на зарвавшихся толстосумов, вечно желавших чего-то нереального. Внимательного и вежливого обслуживания, к примеру.

— Жареная баранья лопатка под мятным соусом! — повелительно бросил судья. — Баранина

не жесткая?

— Да откуда ж ей взяться, нежесткой-то? — презрительно пробубнил официант.

— Томатный суп?

Официант задумался, да так из задумчивости и не выбрался. Выждав минуту, Бозе решился разбудить честного труженика:

— Тефтели? Котлеты?

— О нет, откуда… — нагло усмехнулся официант.

— А что есть?

— Баранина-карри-баранина-пулао-овощи-карри-овощи-пулао…

— Но вы сказали, что баранина жесткая.

— Сказал, и точно ведь сказал уже.

*

Подали наконец.

Бозе все никак не уймется:

— Только что нашел нового повара. Старый Шеру протянул ноги. Сорок лет отработал. Новый ничего не умеет, зато и дешевый. Я нашел кулинарную книгу и продиктовал ему оттуда на бенгали. Все просто. Красный соус и белый соус. Белый к рыбе, красный к мясу.

Эта тема тоже заглохла. Тогда он рванулся в

лоб:

— Скажи, ведь мы остались друзьями? Мы друзья, да?

— Время идет, обстоятельства меняются, — возразил судья, вдруг ощутивший духоту помещения.

— Но ведь что-то остается неизменным?

— Все меняется. Настоящее влияет на прошлое. Оглядываясь, видишь все иначе.

Судья уже решил, что никогда более не встретится с Бозе. Никаких контактов. Он не собирался прикидываться другом англичан. Смешны индийцы, вопящие о дружбе, которую их «друзья» объявляют несуществующей. Но и не хотел дать ткнуть себя физиономией в грязь. Он окутался молчанием и не желал, чтобы кто-то — тот же Бозе — разрушил эту пелену. Ни к чему смирять свою гордость, склоняться к мелодраме, жертвовать достоинством, обнажать свое сердце. Чтобы его сожрали? Спасибо.

Судья потребовал счет. Второй раз. Третий. Но даже счет не интересовал официанта. Пришлось снова идти в кухню.

После вялого рукопожатия судья вытер руку об брюки, но липкий взгляд Бозе продолжал его раздражать.

— Гуд бай… Гуд найт… Со лонг… — Даже прощание не индийское. Английские штампы. Преимущества чужого языка: самосознание, самопонуждение, самодисциплина. Чужие языки поднимают над обстановкой, расширяют поле обзора, поддерживают…

*

Обзор ухудшается, автомобиль еле ползет по дороге, туман ползет над чайными кустами за обеими обочинами. Судья покидает Даржилинг. Но из тумана выскакивает память.

Проклятая память.

Шестеро сопляков на автобусной остановке.

— Почему китаец желтый?

— А он против ветра ссыт, ха-ха-ха!

— Почему индус коричневый?

— А он вверх ногами серет, ха-ха-ха-ха-ха!!!

Его дразнили, бросали в него камни, строили рожи. Странно, но он боялся детей, существ, вдвое меньших ростом.

Вспомнился случай намного худший. Другого индийца, ему неизвестного, избила толпа парней возле паба. Один их героев-победителей расстегнул ширинку и орошает избитого под восторженный рев товарищей. Будущий судья,

зажав под мышкой ветчинный пирог, прошмыгнул мимо. Вступиться? Да он даже полицию не вызвал! Прошмыгнул в свою арендованную комнатенку и затих. «Не заметил». «Забыл».

*

Автоматически судья рулит, газует, притормаживает, направляется домой, в Чо-Ойю. Возле дома чуть не врезался в армейский джип, с погашенными огнями прижавшийся к обочине. Повар и двое в армейской форме прячут в кустах ящики. Судья выругался, объехал джип, поехал дальше. «Не заметил». Он давно знает об этом бизнес-хобби своего повара.

За воротами — несчастнейшая собака этой планеты. Дожидается. Судья дает сигнал прибытия — и вот перед ним уже счастливейшее создание земли. Сердце Джемубхаи молодеет от удовольствия.

Повар открывает ворота, собака прыгает на сиденье, они вместе едут от ворот до гаража. Шамке эти поездки настолько нравились, что судья, даже прекратив выезжать, иногда катал ее по имению.

На столе ждет телеграмма. «Адресат — судья Пател. Отправитель — Св. Августин. Относитель-

но вашей внучки Саи Мистри».

Судья обдумывает сообщение монастырского руководства, еще не оправившись после свидания с Бозе, еще не укрепив расшатанные искусственные конструкции, поддерживающие его существование. Построенное на лжи прочно и устойчиво. Правда подрывает устои, разрушает. Откажись от лжи — и рассыплется прошлое, потащит за собой настоящее.

Он решил опереться на случайно подвернувшийся обломок прошлого, подкрепить им устои без чрезмерных усилий…

*

Саи может присмотреть за Шамкой. Повар уже развалина. Неплохо иметь под рукой кого-то… прислугу, которой и платить не надо. Саи прибыла. Он ожидал, что она вызовет вспышку ненависти, не угасшей в глубинах его натуры, что он тут же захочет от нее избавиться, начнет третировать внучку, как ее мать и бабку. Но оказалось, что Саи больше похожа на него, чем он сам. Поведение, осанка, произношение… Европеизированная хинду, воспитанная английскими монахинями, чужая в своей стране. Начатое им столь давно путешествие продолжилось в по-

томках. Возможно, он ошибся, отказавшись от дочери. Проклял, не узнав. Возможно, восстанавливалось нарушенное им равновесие решений и действий.

Внучка не вызвала у него ненависти! Чудо небывалое! Единственное, подаренное ему судьбой.

Глава тридцать третья

Через полгода после посещения библиотеки Саи, Лолой, Ноной и отцом Бути клуб Джимхана и его библиотека оказались под пятою оккупантов. Помещения занял Фронт национального освобождения Горка. Оказалось, что персонал клуба еще не довел его до полного развала, что еще было над чем поработать лучшим членам освободительного движения.

В обширном «предбаннике» женского туалета с любопытством разглядывали себя в громадных зеркалах чумазые бойцы освободительного движения, лениво сплевывали в раковины умывальников. Надо же, увидеть себя в зеркале целиком, с головы до пят!

В обеденном зале люди в форме защитного цвета охотно фотографировались на фоне головы леопарда, обняв одной рукой медведя и победно подняв другой бутылку виски. Перво-наперво патриоты опустошили бар. Здесь же они проводили и ночи, закутываясь в сорванные со стен драные и запыленные шкуры.

Позднее стало известно, что они также занима-

лись сбором оружия, карт местности, планировали разрушение мостов, облизывались на чайные плантации, растянувшиеся по горам Сингал ила от Счастливой долины через Макаибари, Чонглу, Першок…

Когда все завершилось, те же люди подписали мирный договор и покинули клуб. Здесь же устроили и показательную сдачу оружия.

Второго октября 1988 года, в День Джайянти Ганди, семь тысяч доблестных бойцов сдали пять тысяч обрезов, самодельных и настоящих пистолетов, одно- и двуствольных ружей, винтовок. К оружию приложились снаряжение и боеприпасы: тысячи патронов, три с половиной тысячи мин и гранат, пластиковая взрывчатка, детонаторы, артиллерийские снаряды. В кучу легли также ружья судьи, с которыми он когда-то бродил, напившись чаю, по окрестностям Бонда.

*

Но Лола, Нони, Саи, дядюшка Потти и батюшка Бути, выходя из клуба Джимхана, не подозревали, что дела примут столь печальный оборот. Они наивно надеялись, как и управляющий клуба, что временные трудности вскоре канут в прошлое, что все наладится, жизнь войдет в колею.

Их больше волновал вопрос, где бы им перекусить.

— Может, эта новая забегаловка, «Let's B Veg»? — нерешительно спросил отец Бути.

— Не-ет, только не эти *гас фу*, хватит с меня веточек и листиков! — взвился дядюшка Потти. Его не склонишь к вегетарианству.

— «Лунь Фунь»? — китайский кабачок с бумажными драконами.

— Засаленный шалман, там еще сесть не успеешь, уже зад испачкаешь.

— «Виндамир»?

— Дорого. Это для иностранцев. Но чай у них хорош, ланч миссионерский, *тунда кичри*… баранье жаркое… соль и перец, если повезет…

Остановились на «Гленари», как обычно.

— Богатый выбор, каждый найдет что-то по вкусу.

За столиком в углу сидели отец Питер Линдаму, отец Пиус Маркус, отец Бонфаций д'Суза. Отцы вкушали апфельштрудель.

— Добрый вечер, монсеньор, — приветствовали они отца Бути. Привкус Европы. Так элегантно: монсеньор…

В зале полно школьников. Пансионатами Даржилинг знаменит почти так же, как чаем.

Школьники, просто принимающие пищу. Старшие школьники, самостоятельно справляющие чей-то день рождения. Младшие школьники, что-то празднующие под присмотром родителей. Родители из Калькутты, из Бутана, из Сиккима, из Бангладеш, Непала или с окрестных плантаций. Иные отцы докучают детям вопросами об учебе, но матери встают на защиту питомцев:

— Оставь его, *баба,* дай ребенку отдохнуть.

Они пичкают детишек лакомствами, гладят по головкам и глядят на них такими же голодными глазами, как дети на сладкое.

Меню «Гленари» выучено наизусть. Индийские блюда, континентальная кухня, китайская. Жареное мясо, цыплята, сладкий кукурузный суп, мороженое с горячим шоколадом. Дети искусно пользуются слабостью родителей и перед предстоящим расставанием выпрашивают еще мороженого. Отцы демонстрируют непреклонность, их чада призывают на помощь матерей, отцы сдаются. «Была ли моя мать такой же?» — подумала Саи. Она почувствовала зависть к этим избалованным малышам. Жаль, нельзя снять комнату в чьей-то жизни.

Дамы строго проинспектировали тарелки, потребовали одну заменить, тщательно протерли

столовые приборы бумажными салфетками.

— Выпьем чуток, леди?

— О, Потти, слишком рано.

— Совсем чуть-чуть.

Он заказал джин-тоник и нырнул куском хлеба в масленку. Отправил кусок, увенчанный изрядной горкой масла, в рот.

— Страсть как люблю хлеб с маслом.

— У них хорошая рыба с чипсами под татарским соусом, — мечтательно протянул отец Бути, мечтая о речной рыбке в золотистой корочке хлебных крошек.

— Рыба свежая? — спросила Лола официанта. — Прямо из Теесты?

— Почему нет? — ответил вопросом официант.

— Почему нет? Я не знаю! Вы должны знать почему, если она несвежая!

— Лучше не рисковать. Как насчет цыпленка с сырном соусе?

— Какой сыр? — спросил отец Бути.

Все замерли. Роковой вопрос. Каждый понимал, чем это закончится.

«НЕСРАВНЕННАЯ МАСЛЯНИСТОСТЬ!»

«АМУЛ!»

— Замазка! — закричал отец Бути.

В конце концов склонились в пользу Китая.

— Конечно, это не настоящая китайская кухня.

Лола вспоминает, что Джойдип, ее покойный муж, был в Китае и сразу понял, что китайская кухня — совсем другое дело. Скажем, яйцо, сто дней (а то и все двести) проведшее в земле. Несравненный деликатес! И вида соответствующего. По возвращении из Китая Джойдип пользовался оглушительным успехом на вечеринках. Его слушали раскрыв рты. По его словам получалось, что в Индии все лучше. Женщины, антиквариат, музыка и даже китайская кухня. А во всей Индии ничто не может сравниться с калькуттской китайской кухней «Та Фа Шун», где дамы за острым горячим супом обмениваются острыми горячими сплетнями.

— Так на чем мы остановились? — интересуется дядюшка Потти, справившись с содержимым хлебницы.

— Свинина или курятина?

— Свинина?! Ленточный червь! Кто знает, откуда эта свинина?

— Значит, цыпленок?

Снаружи снова гомон демонстрации.

— Господи, как они шумят!

Поставив курятину на стол, официант вытер нос об занавеску.

— Ф-фу! — возмущается Лола. — И мы удивляемся, почему Индия отсталая страна.

Приступили к еде.

— Но приготовлено вкусно.

Увлеклись курятиной.

*

И снова та же процессия, с тем же шумом, под теми же плакатами. Выйдя из ресторана, они пропускают орущую толпу. И кто же чуть не наступает на ногу Саи?

Джиан!

В ярко-красном свитере, вопящий с незнакомым Саи воодушевлением. Что он делает в Даржилинге? Почему он в этой толпе?

Саи уже открыла рот, чтобы крикнуть ему, но в этот момент их взгляды встретились. На его лице отразилось недовольство, даже злость. Она закрыла рот, как рыба.

Борцы за независимость Индийского Непала проследовали далее.

— А ведь это твой учитель математики? — спросила Нони.

— Нет-нет, — замотала головой Саи, пытаясь сохранять достоинство. — Очень похож, я сначала тоже так подумала, но это не он.

*

Крутой спуск к руслу Теесты. Саи выглядит нездоровой.

— Что с тобой? — спрашивает батюшка Бути.

— Укачало.

— Совсем зеленая. Смотри вдаль, полегчает.

Она возводит взгляд к горным вершинам, но легче не становится. Она даже не понимает, что перед глазами. Цыпленок в желудке воскресает, восстает, рвется наружу.

— Останови машину! — кричит Лола. — Выпусти ее!

Саи вырвало в траву, все могут полюбоваться, чем они только что лакомились. Нони наливает ледяную воду из термоса в его серебристый колпачок, подносит Саи. Отдых на берегу прекрасной, прозрачной Теесты.

— Дыши глубже, дорогая. Пища слишком жирная. Неряхи! Чего стоил этот официант… Нам следовало уйти оттуда сразу же.

На другой стороне моста контрольный пост Солдаты проверяют машины. Сейчас они особенно бдительны в связи с беспорядками. Тщательно проверяют поклажу, роются в багаже пассажиров большого рейсового автобуса. Пассажиры при-

жимаются к стеклам, выглядят как животные, которых везут на бойню. Металлическая труба шлагбаума опущена поперек дороги, за автобусом уже выстроилась очередь из нескольких машин.

Садящееся солнце золотит деревья, травы, кусты, тени кажутся абсолютно черными. Воздух жаркий, камни нагреты, но вода, в которую Саи опустила руку, обжигает холодом.

— Отдохни, Саи. Все равно очередь.

Отец Бути тоже вылез из джипа, разминает кости, потягивается, потирает отбитый зад. И замирает. Замечательная бабочка!

Долина Теесты известна своими бабочками. Со всего мира приезжают сюда туристы и специалисты, любуются и изучают, наблюдают и классифицируют. Здесь летают во множестве представители видов, запечатленных в библиотечном томе «Редкие чешуекрылые северо-восточных Гималаев». Когда Саи было двенадцать лет, она им давала имена: «Японская маска», «Мотылек дальних гор», «Икар, падающий с солнца», «Освобожденная флейтой»… Имена записывала в альбом «Моя коллекция бабочек» и сопровождала их иллюстрациями.

— Потрясающе, — чуть дыша, прошептал отец Бути. — Вы только гляньте. Синий павлиний

и длинные изумрудные хвосты… О-о-о, а эта! Черная с белыми точками и розовым пламенем у сердца… Фото, фото! Потти, достань камеру из бардачка!

Поли занят Астериксом. «Аве Гол!» «Клянусь Тутатисом!» «#@***!!!» Однако безропотно лезет в перчаточное отделение и протягивает другу маленькую «Лейку».

Бабочка перепархивает на трос мостовой подвески, отец Бути щелкает затвором.

— Бог мой, дернулся, смазал, кошмар!

Он снова вскидывает камеру к глазу, но солдаты закричали, один уже бежит к нему.

— Мост фотографировать запрещено!

Бог ты мой, знает он, знает. Забыл впопыхах, переволновался.

— Извините, Бога ради!

Конечно же, этот мост — стратегический объект, соединяющий север с Индией, рядом агрессивный Китай, да к тому же эти непальские экстремисты бунтуют…

Не помогло и то, что он иностранец. Фотоаппарат отняли, принялись обыскивать джип.

Странный запах.

— Чем пахнет?

— Сыром.

— *Кья чиис?*

Этот парень из Мерута.

Что за сыр? Не слыхали о таком. Запах подозрительный. Наверное, взрывчатка.

— Газ *маар раха хаи,* — говорит парень из Мерута.

— Что он бормочет? — спрашивает отец Бути.

— Что-то вроде «ударный газ». Или «горючий газ».

— Выкинь его, — советуют они отцу Бути. — Он испортился.

— Нет, он хороший, добрый сыр.

— Плохой! Вся машина провоняла.

Солдаты начинают рыться в книгах, все так же морща носы.

— А это что?

Конечно же, литература должна быть подрывной, поджигательской, антииндийской.

— Троллоп. — Лола несколько бравирует, возбужденная боевой обстановкой. Она поворачивается к попутчикам: — Лучшее чтиво для грядущего старческого маразма. Старый стиль, неспешный слог. Не то что все это новьё — ни начала, ни конца, какая-то… плазма текучая.

— Английский писатель, — повернулась она к пограничникам.

Те разбирают названия: «Последняя Барсетская хроника», «Приход Фрэмли».

— Зачем вы это читаете?

— Чтобы хоть ненадолго забыть все ЭТО, — она кривит губы и легким пренебрежительным жестом обводит все ЭТО, включая и доблестного стража страны. Который исполнен собственного достоинства. Который знает, что все знают, какой он нужный и полезный член общества. И мама его это знает. Не далее как час назад она подпитала эту уверенность и организм своего сына. Организм ввел в себя *пури алу* и лимонно-лаймовую «Лимку», все еще щекочущую пузырьками его блестящий капельками пота нос.

Разозленный наглостью этой мадам, он перемещает книгу в полицейский джип.

— Но это библиотечная книга! — возмущается она. — Вот дурной! Вы не имеете права отбирать библиотечную книгу! Что я скажу в Джимхана?

— А это?

Нони взяла в библиотеке книгу Махашвета Деви о зверствах полиции при подавлении движения наксалитов, перевод Спивак, которая, как она недавно с интересом прочитала, со вкусом дополнила сари авиадесантными ботинками. И книгу Амит Чоудхури с описанием краха энер-

госистемы Калькутты, вернувшего население во времена доэлектрические, доисторические. Она уже читала эту книгу однажды, но почему-то вдруг захотелось освежить поблекшие впечатления, погрузиться в туманную даль. Отец Бути вез с собой трактат по буддийской эзотерике, сочинение современника из древнего монастыря в Лхасе, а также «Пять поросят» Агаты Кристи. В мешке Саи обнаружился «Грозовой перевал».

— Все это изымается для инспекции.

— Но, сэр! — взмолилась Нони. — Что же мы будем читать? Мы специально ездили…

— Любезнейший, вы не там ищете, — улыбнулся отец Бути. — Вокруг столько *гунда*, а вы впустую тратите время на мирное население.

Но книжные черви не вызывают симпатий у защитников родины. *Гунда* им ближе и понятней.

— Воры и бандиты! Вся полиция воры и бандиты! — кричит Лола. — Вы и *гунда* — близнецы-братья. Я пожалуюсь майору! Притесняете население! Ничего вы от меня не получите, зря стараетесь, вымогатели! — Она отворачивается от вымогателей. — Поехали!

— *Чало Пар*, — мурлычет дядюшка Потти, стреляя глазом в сторону своих картонок, намекая, что пара бутылок…

— Нет-нет, это дело серьезное, — отмахивается страж. — Даже пяти бутылок не хватит.

Если уж и пяти бутылок не хватит, то Калимпонг ожидают серьезные потрясения.

— Прекратите, мадам! — одергивает пограничник Лолу. — Если ваши книги не опасны, вы получите их обратно, никому они не нужны.

Подозрительные книги изъяты. Изъят и фотоаппарат отца Бути. Этот случай будет рассмотрен особо.

*

Саи не слишком опечалилась пропажей книги. Инцидент у моста вообще обошел ее стороной. Слишком близко к сердцу приняла она реакцию Джиана, его злобную агрессивность.

Почему он там? Почему оттолкнул ее? Разве не он бессвязно бормотал, едва владея собой: «Я не могу без тебя…»

Дома дожидался повар, но она отправилась спать, не поужинав, чем его, разумеется, оскорбила. Конечно, подумал повар, наелась в ресторане всяких финтифлюшек, простая домашняя пища ей теперь не по нутру.

Обычно, вернувшись домой, она льстила его самолюбию, жалуясь:

— Перец не промолот толком, я чуть зуб не сломала; мясо жесткое, не прожевать…

— Да, да, — улыбался повар, — нынче никто время не тратит, чтоб мясо подготовить да перец смолоть. Лентяи! — Тут улыбка исчезала, указующий перст вздымался вверх с политической назидательностью: — А какие деньги они сдирают за это с посетителей!

И раздраженно гремел тарелками.

— В чем дело? — возмутился судья.

Вопрос ответа не требовал. Напротив, он должен был кануть в почтительное молчание.

— Да ни в чем, — небрежно бросил повар. — Ребенок в ресторане поужинал, спать пошел, вот и все.

Глава тридцать четвертая

Через неделю после противостояния на мосту книги вернулись. Их нашли совершенно безвредными. Иначе отнеслось начальство к снимку бабочки, за крыльями которой запросто можно было пересчитать всех пограничников и детально разглядеть пересекающий Теесту мост Более того, фокус снимка оказался наведенным не на бабочку, вместо которой угадывалось расплывчатое пятно, а на мост.

— Спешка, — оправдывался отец Бути. — Не успел навести резкость. Хотел переснять, но не успел, не дали.

Но полиция ему не поверила. В доме его устроили обыск, конфисковали будильник, радиоприемник и батарейки к нему, забрали упаковку гвоздей для ремонта коровника, контрабандную бутылку рома «Черный кот» из Сиккима.

— Документы!

И тут выяснилось, что отец Бути нелегал. Проживает в Индии незаконно! Откуда ж он знал, что придется столкнуться с начальством… Разрешение на проживание давно утратило силу.

Продлевать его — пустая трата времени, общение с этими проклятыми бюрократами. И зачем? Он никуда не собирался из Индии. Да, он иностранец, но настолько сжился с этим местечком…

Ему предоставили две недели, чтобы покинуть Калимпонг.

— Но я прожил здесь сорок пять лет!

— Это не имеет значения. Вам предоставили возможность жить здесь, но вы злоупотребили доверием. Нарушили закон.

Затем официальное лицо смягчилось. Вспомнило, что сына его обучали иезуиты, что неплохо бы отправить парня в Англию или Америку. Или даже в Швейцарию…

— Что поделаешь, — элегический вздох. — Времена такие. Я и сам могу работу потерять. В иное время, может, обошлось бы, но сейчас — никак. Так что обратитесь в бюро путешествий, закажите билет. До Силигури мы вас доставим бесплатно в полицейском джипе. Представьте себе, что вы в отпуск отправились. Когда здесь заваруха закончится, подайте заявление, получите бумаги и возвращайтесь, добро пожаловать. — Официальное лицо умилилось своей мягкости да обходительности.

В отпуск… Каникулы. Добро пожаловать!

Отец Бути побежал по знакомым. Шефы полиции и госбезопасности — регулярные посетители его молочной фермы, любители свеженького творожка. Майор Алу весьма ценил «шоколадные сигары» отца Бути. К лесному начальству сбегал. Лесники снабжали его грибницей, чтобы к грибному сезону в его хозяйстве своевременно вызревали грибочки. Однажды у него на участке вдруг буйно расцвел бамбук, и пчелы со всей округи нервно отплясывали в воздухе в честь этого чуда — бамбук цветет раз в сто лет. Лесное начальство купило у него саженцы, бамбук погиб, и они снабдили отца Бути новой рассадой.

Но все, кто ранее находил время навестить его и поболтать о целебных свойствах творога, о грибах и бамбуке, вдруг оказались слишком занятыми или слишком испуганными, чтобы чем-то помочь.

— Угроза национальной безопасности!

— Но у меня здесь дом! Ферма, коровы…

Нелегальный дом, нелегальная ферма, коровы-нелегалки. Иностранцы не имеют права владеть недвижимостью.

Ферма, собственно говоря, записана на дядюшку Потти, когда-то выручившего друга своей подписью.

Но пустующие постройки в пределах зоны повышенного риска, в которой оказался Калимпонг, автоматически подпадают под опеку армии. Армия заплатит символическую аренду, набухает везде своего бетона и заселит дома черт-те кем, в кратчайший срок угробив все хоть сколько-нибудь ценное, оказавшееся в пределах ее досягаемости. Известная история.

Отец Бути хватался за сердце, представляя на своих лужайках армейские танки вместо коров. Он оглядел родной участок. Орхидеи, лилии, бамбук… Далеко внизу мелькает Тееста… Дикий пейзаж, и любовь, пронзавшая сердце отца Бути, тоже бушевала дико, неудержимо…

Через день отца Бути посетил еще один гость. Непальский врач, подыскивающий участок для санатория. Он по-хозяйски прошелся по участку, окинул взглядом вид, с которым за долгие годы сроднился отец Бути, постучал по прочным стенкам дома, названного хозяином «Сухтара» — «Звезда счастья»… Двадцать пять платежеспособных пациентов… И тут же предложил отцу Бути смехотворную сумму.

— Да столько и сарай не стоит!

— Больше вам никто не даст. К вам больше никто и не обратится.

— Почему?

— Я уже все устроил. Скажите спасибо и за это. Вы здесь никто и так или иначе потеряете все это. И ничего не получите.

*

— Присмотрю я за коровушками, Бути, — успокаивал друга дядюшка Потта. — А потом вернешься, не вечно же этой заварухе длиться.

Их трое. Отец Бути, дядюшка Потта и Саи. Шипит кассетник, крутятся бобины, поет Абида Парвин: «Алла-х-ху, Алла-х-ху, Алла-х-ху…» Бог — дикое безбрежное пространство, утверждает хриплый голос. Его не беспокоят любовь и ненависть. Все суета… «Мудже джа-а-а…» Пожелай себе свободы!

Но отец Бути беспокоится. Друг его — человек ненадежный, алкоголик. В нетрезвом состоянии он что угодно может вытворить, что угодно подписать. Что ж, сам виноват. Надо было получить этот дурацкий индийский паспорт. Почему он этого не учел? Потому что это казалось столь же не нужным, как получать, скажем, паспорт колумбийский.

Мангуст скользнул по траве, как струйка воды, теряясь в тенях вечера, выдавая себя лишь

движением.

Гнев сдавил сердце Саи. Джиан! Его гнусные делишки. Его и его подонков-друзей. Во имя торжества справедливости! Больницы и преподавание языка! Да отец Бути сделал для этого края, для этих гор больше, чем любой другой из местных. Он принес пользу, без идиотских воплей, без размахивания *кукри.* А эта мразь лить гадит и разрушает! И теперь отец Бути принесен им в жертву.

В долинах уже ночь. Тьма ползет вверх по склонам. Трое на террасе потягивают «Старого монаха», вглядываются во тьму, стремящуюся поглотить все вокруг, подбирающуюся даже к сияющей вершине Канченджанги. Сколько вечеров они провели здесь втроем… Здесь Саи узнала, как алкоголь, музыка и дружба создают великую цивилизацию…

Там, куда вернется отец Бути, музыка оперных театров объединяет аудиторию, гремят аплодисменты, выражая общий восторг, общую скорбь, печаль и радость…

Но можно ли там ощутить то же, что и здесь, где рядом вздымаются горы, где сердца рвутся к чему-то неизвестному, к просторам мира, к иным мирам…

Саи вспомнила первые дни в Чо-Ойю, когда ее переполняло стремление к чему-то, неизвестно к чему, стремление, сопряженное с болью. Стремление улетучилось, боль осталась.

Она вспомнила день ограбления Чо-Ойю. День, начиная с которого все пошло вкривь и вкось.

Глава тридцать пятая

Дурацкие винтовки на стене, тоже украшение! Джиан — первый за долгое время, кто к ним прикоснулся. Парни любят такие игрушки. Даже далай-лама собрал коллекцию военных игрушек и солдатиков. Саи не приходило в голову, что оружие может ожить, что случившееся где-то преступление может привести к порогу их дома.

*

— Дедушка когда-то любил охотиться, — гордо сообщила Саи Джиану. Хотя чем тут гордиться, подумала она тут же. Может, стыдиться надо.

Повар рассказывал:

— Большой *шикари* был ваш дедушка, Саи-беби. Красавец, храбрец, верхом на коне… Крестьяне всегда звали его, когда рядом появлялся людоед.

— Часто? — Мурашки ползли по коже.

— Часто, часто. Все время. Р-р-р-р-р! Все время рычали в лесу. Сам слышал. А утром следы у реки, иногда у самых палаток.

Повар восхищался своими рассказами, веря им все больше и больше.

*

Полиция обыскала хижину повара, разбросала письма Бижу.

— Что ж, это их работа, — вздыхал повар. — Дело-то серьезное…

Серьезность дела подтвердил визит в Чо-Ойю шефа управления местной безопасности в сопровождении свиты из трех вооруженных полицейских.

— Преступники пока не обнаружены, но вы не беспокойтесь, сэр. Мы справимся с возмутителями спокойствия. Мы уничтожим заразу в зародыше.

— Мой отец тоже был большой *шикари,* — разглагольствовал он позже, за чаем. — Я его упрекал, что, не будь он таким заядлым охотником, он бы оставил немножко живой природы и нам, ха-ха-ха…

Смех его заставил бы покраснеть лакмусовую бумажку.

— Да, судья-сахиб, вы с ним были великие *шикари,* леопарды да львы… А сейчас идешь по лесу, и разве курица сбежавшая откуда-то вдруг выскочит…

Никто его шутке не рад. Перестарался, что ли?

— Не беспокойтесь, преступники будут обезврежены. Они используют проблемы Бутана и Ассама. Они оскорбляют чувства таких людей, как мы с вами. Не уважают никого, даже самих себя… Подрывают нашу экономику.

Он повернулся к Саи:

— Три кита нашей экономики: чай, дерево, туризм! Большое ЧДТ!

Покидая Чо-Ойю, остановился перед цветущим вьюнком.

— Прекрасный цветок, судья-сахиб. Смотришь на него и понимаешь, что Бог есть.

Пассифлора, страстоцвет — причудливое создание, полуцветок, полуактиния, пурпур, белизна, чуткие щупальца — действительно достаточное основание для веры.

— Я в Калимпонге стал страстным садоводом, привязался к своим цветам, как к детям.

Тут любитель природы сменил тон:

— Если что-нибудь случится, дайте знать. Не думаю, что на вас еще раз нападут, но все-таки…

Он энергично прыгнул в джип, водитель энергично осадил машину за ворота, энергично взревел двигатель — укатили.

— Может, найдут, — неуверенно начал повар.

— Ничего они не найдут, — отрезал судья.

Саи ничего не сказала, потому что думала о Джиане.

*

Через несколько дней полиция нашла виновного. Непросыхающий алкоголик, вечно пьяный нищий валялся, как всегда, на обочине неподалеку от рынка. Его с почетом доставили в участок, бросили на пол, связанного по рукам и ногам. Постояли над ним. Насмотрелись. И принялись выколачивать истину. В борьбе за истину выбили преступнику зубы, переломали ребра. Вопли разносились по округе, но вопли не те, неправильные вопли. Пьяница нагло утверждал, что ни в чем не виноват, и любой желающий, подойдя ближе к участку, слышал, что он никаких ружей не крал, давно ни в какие дома не заходил, даже в свой собственный.

Вопли его знаменовали все те же эпохальные изменения жизни обитателей склонов.

— Простите! Я не виноват, но простите, простите, простите меня!

Полиции, однако, нужно было практиковаться, укреплять мордобойные группы мышц в ожидании грядущих событий.

Пьяница выполз из участка на своих ногах,

белками невидящих глаз обвиняя весь мир в своих злоключениях. Окружающий мир жался, старался сделаться незаметнее и утешался лишь тем, что пьяница не замечал его смущения. Он утешал свои скорби и печали все тем же целебным средством.

Глава тридцать шестая

Мистер Айип, продавец газет, потряс перед носом экземпляром «Индия эброд».

— Ты не из Даржилинга, парень? Там у вас такое творится…

— Что случилось?

— Непальцы затеяли беспорядки. Беспокойная публика.

— Забастовки?

— Еще хуже, *бхаи*, пальба на склонах.

— Да ну?

— Давно уже началось. Ты что, не слышал?

— Нет. Давно писем не получал.

— Почему?

Почему нет писем? Плохая погода, всегдашняя индийская расхлябанность…

— Надо выгнать этих мерзавцев в Непал, — нашел решение мистер Айип. — Бангладешцев в Бангладеш, афганцев в Афганистан, мультани в Пакистан. Домой, домой: в Тибет, в Бутан…

— И нас выгнать?

— Ха! Эта страна — другое дело. Как бы они тут без нас справились?

Бижу вернулся к работе. В нем крепла уверенность, что отец умер. Судья не знает, где его найти. Да и не станет он искать, плевал он на своего повара и на его сына.

*

На следующий день Бижу не выдержал. Выскочил из кухни и купил двадцатипятидолларовый номер у придурка, торчавшего у телефонной будки и подслушивавшего коды звонивших. Код некоего ничего не подозревавшего мистера Онопулоса.

— Только быстро, — торопил он Бижу. — Пара человек уже этим номером пользовалась.

Трубка еще горячая и влажная, хранит следы чьих-то откровений, туберкулезно дышит в рот Бижу. Телефона в Чо-Ойю нет, поэтому Бижу вызывает резиденцию «железного купца» на Рингкингпонг-роуд.

— Можете отца позвать? Я через два часа позвоню.

*

И вот однажды вечером, за несколько недель до того, как перерезанные телефонные линии

смолкли, когда мосты еще не взлетели на воздух, сторож «железного купца» затарабанил в ворота Чо-Ойю.

— *Ля!* Телефон! *Ля!* Сын звонит! *Ля!* Америка! Через час снова позвонит! Скорей беги!

Повар бросил все, оставив кости скелета и недорезанную зелень, крикнув Саи:

— Бебиджи-и-и!

— Ты куда? — вскинулась Саи, выбиравшая репье из шерсти Шамки и думая о Джиане.

Но повар не ответил. Он уже выбежал за ворота.

*

Телефон «железного купца» охвачен цепью, цепь на замке. Пронырливая прислуга принимает входящие звонки, но сама позвонить не может. Вот телефон зазвонил снова. Сторож «железного купца» подпрыгнул.

— Телефон, ля! Телефон! *Ля маи!*

И принеслась вся семья сторожа. Они прибегали на каждый звонок, не давая выдающемуся техническому достижению опуститься до уровня привычной, повседневной игрушки.

— Алло!

— Алло! Алло!

Все ели глазами повара, причмокивая и прицокивая, качая головами и беспокойно ерзая, соучаствуя, сопереживая.

— АЛЛО?

— АЛЛО? ПИТАДЖИ?

— БИЖУ?

Повар вопил, потому что Америка вон как далеко! И потому что голоса сына почти не было слышно за шумом и треском в трубке, за шарканьем и шушуканьем заинтересованных зрителей.

— Бижу, Бижу, ай, это Бижу, о!.. о! — стрекотал семейный хор сторожа «железного купца». — Это твой сын! — сообщали они повару. — Это его сын! — сообщали они друг другу. Они ели глазами лицо повара, пытались угадать, что происходит на другом конце линии, пытались вникнуть в общение, пытались *превратиться* в разговор повара с сыном.

— АЛЛО, АЛЛО!!

— А? НЕ СЛЫШНО! ОЧЕНЬ ТИХО!

— НЕ СЛЫШНО! ТЕБЕ СЛЫШНО?

— Он не слышит! Ай-яй-яй! Совсем не слышит, ах-ах…

— ЧТО?

— Все равно не слышно? — теребят они по-

вара.

Вместе со звуками к Бижу в Нью-Йорк проникает атмосфера Калимпонга. Он чувствует влажные лесные ароматы, видит пышную зелень, щегольское оперение бананов, чувствует колкие иголки кактусов, отзывается на дрожь обеспокоенных лягушками папоротников…

— АЛЛО!!!

— А-яй, шум, э? — переживает семейство сторожа. — Нич-чего не слышно!

Повар морщится, машет им:

— Ш-ш-ш-ш…

Они тут же бросаются ему помогать, утихомиривают друг друга:

— Ш-ш-ш-ш…

— АЛЛО?

— КЬЯ?

— КЬЯ?

Тень слов больше их значения. Гулкое трансокеанское эхо глушит слова.

— ШУМИТ СИЛЬНО!

Жена сторожа выходит, поднимает голову, смотрит на провод, уходящий вдаль над оврагами и меж горами, в сторону дымящейся, как вулкан или как сигара, Канченджанги. Может, птица села на провод. Или спутник в небе за что-то

зацепился… ушел в мертвую зону…

— Сильный ветер, очень сильный, — сокрушается жена сторожа. — Провод мотает, вот так, вот так. — Она показывает рукой, как мотается провод.

Дети полезли на дерево, чтобы помешать проводу качаться «вот так».

Треск в трубке усилился.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

— ЧТО?

— Слезайте! — приказывает детям жена сторожа. — Вы еще хуже делаете.

— ЧТО У ВАС ПРОИСХОДИТ? СТАЧКИ? СТРЕЛЯЮТ?

— У НАС ВСЕ В ПОРЯДКЕ! (Лучше не волновать попусту.) ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

— Он приедет? — спрашивает сторож.

— ТЫ ЗДОРОВ? — кричит Бижу из Нью-Йорка.

— НЕ ВОЛНУЙСЯ ИЗ-ЗА МЕНЯ! НИ О ЧЕМ НЕ ВОЛНУЙСЯ! В ОТЕЛЕ ХОРОШО КОРМЯТ? РЕСТОРАН ТЕБЯ УСТРОИЛ? КТО-НИБУДЬ ПРИЕХАЛ ОТСЮДА?

Конечно-конечно. Бесплатное питание. Ресторан оплачивает проживание в гостинице. А как же иначе. Держи карман шире.

— ВСЕ ХОРОШО! — кричит Бижу. — У ТЕБЯ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

— ЗДЕСЬ ВСЕ ТИХО!

— ТЫ ЗДОРОВ?

— ДА! ВСЕ ХОРОШО!

— Да-да, все хорошо, — кивают болельщики. — Все в порядке.

И вот больше и говорить-то не о чем. Пылали эмоции, теперь они схлынули, оба повисли над бездной.

— Когда он приедет? — спросил сторож.

— КОГДА ТЫ ПРИЕДЕШЬ?

— НЕ ЗНАЮ. ПОПРОБУЮ…

Заплакать хочется.

— ТЕБЕ ДАДУТ ОТПУСК?

Отпуск… Ни одного выходного.

— КОГДА У ТЕБЯ ОТПУСК?

— НЕ ЗНАЮ…

— АЛЛО!

— *Ля-ма-ма-ма-ма-ма-ма*-ему-отпуск-не-дают. Почему? Откуда я знаю, трудно. Много денег — много работы, там зря денег не дают, нигде зря денег не дают, нигде в мире…

— АЛЛО! АЛЛО!

— ПИТАДЖИ, ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

Снова провал…

Биип, биип, бип-бип-бип-бип… Хр-р-р-р-р — телефон запищал, захрюкал и замер, отбросил их в

стороны друг от друга.

— АЛЛО! АЛЛО! — надрывается повар над трубкой.

— Алло, алло, — расстраиваются родственники сторожа.

Повар дрожащей рукой кладет трубку на аппарат.

— Может, он снова позвонит, — предполагает сторож.

Но телефон молчит. Лишь лягушки стрекочут в зарослях.

Даже попрощаться как положено не удалось. В конце концов, даже обычная фраза может передать родственное чувство.

— Наверное, что-то с линией.

— Да, да, да.

Конечно, с линией всегда что-то случается.

— Бижу толстый приедет. Говорят, они оттуда все толстые приезжают, — пытается утешить повара жена сторожа.

*

Разговор не рассеял беспокойства Бижу. Наоборот. Да и разговора-то никакого, одни обрывки стандартных фраз, телеграфные строчки, выкрикнутые в трубку. Связь между их жизнями

оборвалась, осталась лишь надежда на существование этой связи. Взгляд Бижу оторвался от трубки и скользнул по стенкам кабины, заляпанным жвачкой, замаранным обычными FUCK-SHIT-COCK-DICK-PUSSY-LOVE-WAR, изрисованным кривыми свастиками и пряничными пронзенными сердцами.

Остаться в Нью-Йорке — и простись с надеждой увидеть еще хоть раз своего *питаджи.* Так всегда бывает: десять лет, пятнадцать, приходит телеграмма или раздается звонок, родители умирают, дети опаздывают. Даже если не умирают, то все равно опаздывают, обнаруживают, что родители похожи на старые фотоснимки так же, как похожи на них негативы. Проходит радость встречи, и приходит сознание утраты. Связь разорвана, любовь исчезла, ибо оказалась всего лишь привычкой, забытой за годы разлуки. За эти годы выработалась другая привычка — к отсутствию. Вернувшиеся обнаруживают только фасад. Так Чо-Ойю выеден термитами изнутри.

*

Они там все толстеют.

Повар знал, что там все толстеют. Все здесь это знали.

«Ты, наверное, растолстел, *бета,* как все в Америке?» — спросил повар в одном из писем, отступая от обычного делового тона.

«Да, растолстел, — написал Бижу в ответ. — Я в десять раз толще, чем был».

Он смеялся, когда это писал. А как смеялся повар, когда это читал! Он свалился на кровать и замахал ногами в воздухе, как таракан.

— Да, — повторил Бижу. — Да, в десять раз толще.

Но он не смеялся, когда пошел в пенни-лавчонку покупать рубашку и выяснил, что ему подходят только рубашки для детей. Лавочник, родом из Лахора, сидел на высокой стремянке в центре, следя, как бы кто чего не стибрил. На Бижу он сосредоточился сразу же, как только тот вошел. И больше не спускал с него взгляда. Бижу почувствовал себя виноватым. И хотя ни в чем он не был грешен, каждый бы решил иначе, ибо каждому видно было, что Бижу в чем-то виноват.

Не хватало ему Саида. Хоть разок еще взглянуть на эту страну его глазами, увидеть все в розовом свете.

*

Бижу вернулся в кафе «Ганди». Отсутствия его никто не заметил.

— Все смотрим крикет! — объявил Хариш-Харри. Он принес фотоальбом, чтобы показать персоналу снимки купленного в рассрочку блока в кондоминиуме. Тарелку спутниковой антенны он выставил на середину газона, несмотря на то что правила кондоминиума требовали скромно приделать ее к боковой стене.

— Расизм! — завопил Харри. — Как я смогу принимать индийские каналы?

Его оставили в покое.

Теперь одна забота: дочь. Жена друга и конкурента, мистера Шаха, подцепила ей жениха где-то в Оклахоме, посылая туда кебабы Галавати ночной экспресс-почтой.

— Какие-то *дехати* из кукурузной глубинки, — ворчал Хариш-Харри жене. — А посмотрела бы ты на этого парня! Настоящий *луту*. Такому только двери вышибать.

— В прежние времена девушки старались выглядеть прилично, — поучал он дочь. — Валяешь дурака в молодости — как бы позже плакать не пришлось. Смотри, потом приползешь в слезах к

престарелым родителям…

Глава тридцать седьмая

Все образуется, уверяли сахибы службы правопорядка. И не ограничивались пустыми словами. Вопли из полиции раздавались все чаще. То одного схватят, то другого; обработают должным образом, выпустят (не кормить же дармоеда за счет государства).. мало ли в городе безответных бродяг! Но эти мудрые, продуманные шаги почему-то не способствовали торжеству мира и покоя. Как будто даже наоборот.

Однодневная забастовка.

Двухдневная.

Трехдневная.

А вот и на всю неделю.

Подоспев к долгожданному открытию супермаркета «Ларк», Лола схватилась не на жизнь, а на смерть с афганскими принцессами. Цель сражения — вымести с магазинных полок последние банки-склянки.

— Какой кошмар! В городе творится такое!.. Такое!.. А эти гадкие женщины помышляют только о банке варенья! — возмущалась Лола, намазывая на хлеб мармелад Друка.

Тринадцатидневная забастовка.

Двадцатиоднодневная.

Дни забастовок заполонили календарь.

И воздух — хоть выжимай. Дышать почти невозможно. Пространства переизбыток, а дышать нечем.

Наконец бессрочная забастовка. Все магазины, все ларьки, все учреждения прекратили работу. Запуганные патриотами владельцы боялись даже нос высунуть из окошка. Заслоны на дорогах парализовали движение. На дорожном полотне разбросаны гвозди, разлит бензин. Добры молодцы-освободители вымогают за проезд неслыханные суммы и вдобавок заставляют покупать кассеты с речами и календари с портретами своих любимых вождей.

Грузовики доставили к полицейскому участку возмущенных демонстрантов, тут же принявшихся швырять кирпичи и пустые бутылки. Слезоточивый газ их не рассеял, не помогли и заряды *лати.*

— Чего им надо? — мрачно спросила Лола.

— Районы в Даржилинге, Калимпонге и Курсеонге; части Джалпайгури и Куч-Бехар из Бенгала в Ассам.

— Не будет покоя недобрым, — скрипела госпо-

жа Сен, шевеля вязальными спицами.

Чтобы утешить премьер-министра, она вязала для него свитер. Даже в Дели холодно, особенно в этих громадных дворцах, которые они себе там понастроили. Но вяжет она, прямо скажем… вот мать ее вязала — это да! За киносеанс — детское одеяльце.

— Это кто недобрый? Мы? Нет, недобрые они, а покоя нет нам. Добрым покоя не дают!

Страна, символы страны, идея страны… Индия для Лолы — надежда, идея, концепция. Сколько она может вытерпеть? Удар, удар, еще удар… И рухнет! Каждый удавшийся наскок прибавляет наглости экстремистам. Сколько еще может эта страна вынести?

*

Библиотечные книги прочитаны, но сдать их нет никакой возможности. Библиотекари изгнаны, между полками удобно устроились на ночлег бойцы освободительной армии, наслаждаясь невиданным комфортом и простором.

Никаких туристов из Калькутты, пахнущих нафталином, закутанных, как будто на Северный полюс собрались. Отдыхают спины игрушечных лошадок-пони. Пусто в отеле, никто не сидит под

картиной Рериха, никто не заказывает жареной оленины из местных домашних коз.

Испуганные родители увезли испуганных детей, спасая чад своих из-под окровавленных *кукри* свирепых партизан. Последней группе детишек в пансионе Св. Ксавьера поручили помочь на кухне. Повар исчез куда-то бесследно. Детишки обнаружили, что трудно и хлопотно перепиливать курицам шеи тупым ножом, гораздо легче открутить и оторвать эту глупую куриную башку. И вот в кухне парят и кружатся перья, носятся, хлопая крыльями и расплескивая кровь, обезглавленные курицы, гогочут перемазанные кровью юные экспериментаторы — некоторые, впрочем, позеленели, их тошнит. Слезы, сопли, рвотные массы, куриный помет… Ужаснувшийся преподаватель срывает со стены пожарный шланг, но воды нет.

*

Нет также газа, бензина, керосина. Пока есть дрова.

Воды нет и в «Мон ами».

— Что ж, собираем дождевую, — решает Лола. — В туалете по-маленькому не сливаем, «Санни фреш» против запаха.

И электричества нет. Подстанцию сожгли в знак протеста против арестов.

Холодильник замолчал, нужно срочно обработать все скоропортящееся. Большая готовка, а Кесанг выходная.

Снаружи дождь, скоро комендантский час. Запах приманил группу освободителей. Они влезли в дом через кухонное окошко.

— Почему дверь заперта, тетушка?

В доме полно ценных вещей, фамильных, наследственных…

— Чего вы хотите?

По тону Лолы чувствуется, что ей есть что терять.

— Мы календари продаем, тетушка, кассеты с умными речами. Все в поддержку движения.

Показная вежливость выглядит нелепой после их насильственного вторжения в дом, на фоне этого бандитского партизанского камуфляжа. Календари и кассеты пестрят пресловутыми, обагренными кровью *кукри,* омываемыми в водах Теесты.

— Не давай им ничего, — шипит Лола по-английски, надеясь, что ее не поймут. — Сунь им палец в рот, всю руку отхватят.

Они, однако, поняли. Они понимают ее англий-

ский, а вот она их непальского не понимает.

— Любое содействие движению помогает благородному делу.

— Для кого благородное, а для кого и не благородное.

— Ш-ш-ш, — урезонивает ее Нони. — Не надо так.

— Мы вам квитанцию выпишем, — уверяет милый молодой человек, не отрывая глаз от пищи. Его взгляд ласкают кишкообразные эссекские сардельки, оттаивающая салями, еще подернутая инеем.

— Не нужно, — отрезает Лола.

— Ш-ш-ш, — снова шипит Нони. — Дайте календарь.

— Только один, тетушка?

— Хорошо, дайте два.

— Вы знаете, как движение нуждается в деньгах.

Они покупают три календаря и две кассеты. Все?

— Мы у вас переночуем. Полиции в голову не придет искать нас здесь.

— Нет! — крикнула Лола.

— Хорошо, только без шума, — вздохнула Нони.

Перед тем как заснуть, парни подмели всю провизию.

*

Лола и Нони, стараясь не шуметь, подтащили к двери тяжеленный комод. *Эти* услышали, заржали:

— Не бойтесь, бабули, не тронем. Старенькие вы для нас.

Все ночь сестры не смыкали глаз.

А что же Буду, их сторож?

Они ожидали, что он вот-вот подойдет со своим ружьем и прогонит *этих.* Но Буду не подошел.

— Я так и знала… Я всегда говорила… — шептала возмущенная Лола. — Эти непальцы… они все заодно.

— Может быть, *эти* его испугали, — возразила Нони.

— Ой, да брось ты! Скорее, *эти* его родня. Один из них его племянник. Надо было сразу им отказать, это все ты, все ты!..

— Да что толку отказывать? Как бы ты их выгнала? Только хуже было бы. Не будь наивной.

— Это ты наивная! Если не на все сто, то наполовину… Даже на три четверти. Балда!

*

— Вы, конечно, боитесь полиции, — ухмыльнулся один из них на следующее утро. — Ответственность за укрывательство! — Он погрозил сестрам пальцем. — Не бойтесь, мы на вас не донесем. А если вы донесете — мы вас достанем.

— Как?

— Увидите, тетушки.

Очень, очень спокойно и вежливо.

Уходя они прихватили рис и мыло, масло и консервированные помидоры, а вылезая, заметили то, чего не приметили в темноте предыдущим вечером. Прелестная лужаечка, продолженная уступами книзу. Столько места пропадает! Поджаренные летучие мыши, свисающие с проводов, подсказывают, что в мирное время сюда подводится электричество. Рынок рядом, асфальтовая дорога, школа и лавки — все в десяти минутах, а не в двух-трех часах, райская жизнь!

И однажды утром сестры, выглянув из окна, увидели сразу за своим огородом выскочившую за ночь развалюху. Незнакомые молодые люди невозмутимо рубили их бамбук и уносили его куда-то.

Они выбежали из дому.

— Это наша земля!

— Это не ваша земля. Это свободная земля.

— Это наша земля!

— Это незанятая земля.

— Мы заявим в полицию.

Они пожали плечами и продолжили трудовую деятельность.

Глава тридцать восьмая

Ничто не возникнет из ничего, даже Лоле ясно. Зародыш — старое недовольство, неотделимое от Калимпонга. Злые взгляды провожали ее на улице, неразборчивое утробное ворчание, еле слышное, и не придерешься. Ненавистью дышали разговоры в кантине Тапа, у Гомпу, у рыночных прилавков и лотков придорожных торговцев.

Владельцы злых языков знали наперечет нескольких местных богатеев, но для Лолы и Нони все они были на одно лицо.

Да сестры и не стремились разглядеть эти лица — не для чего было. Чего ж тут странного, люди всегда ненавидят тех, кому завидуют, а им, конечно же, завидовали. Но иной раз кому-то не везет, кто-то оказывается в неподходящем месте в самый неподходящий момент. Так гладко все текло, год за годом: Троллоп, Би-би-си, веселое Рождество — и вдруг все, что они считали единственно правильным, оказалось неверным.

Да как это можно?! Покупать ветчину в жестянках с красивыми этикетками, жить в просторном доме и сидеть вечером перед электрическим

обогревателем, пусть даже и искрящим да потрескивающим. Да разве ж это можно? В Лондон они летают! И привозят оттуда вишню с бренди в шоколаде коробками. И вот богатство, которое защищало их, стало весьма опасной для жизни штуковиной. Злость и зависть материализовались в ружья и лозунги на стенах, Лоле и Нони выпало несчастье платить долги, накопившиеся за многие десятилетия.

*

Лола отправилась к Прадхану, главарю калимпонгского крыла повстанцев.

Прадхан:

— Мне надо где-то размещать людей!

Пухлый плюшевый мишка-пират, завешенный бородой и банданой, с золотыми кольцами в ушах, «отщепенец освободительного движения», отступник — так его окрестили газеты. Непредсказуемый, резкий, не любитель переговоров, правящий своими приверженцами как средневековый феодал. Говорили, что Гисенг, лидер Даржилингского крыла, люди которого засели в клубе Джимхана, более склонен к политиканству. В «Индиан экспресс» появились какие-то данные из его биографии. Родился на чайной плантации

Манжу… детство, обучение, образование… Восьмой стрелковый полк гурка, участие в боевых действиях в Нагаленде… актер, автор стихов и прозы (пятьдесят две книги! — возможно ли?), боксер наилегчайшего веса — это другое дело… член союза…

За Прадханом маячил какой-то солдат с деревянным ружьем. Лола восприняла его как брата Буду с ружьем Буду.

— Моя земля… рядом с дорогой…

Лола надела вдовий наряд, который был на ней в день электрической кремации Джойдипа. Говорила она на ломаном английском, притворяясь, что не знает его, чтобы не показать, что непальского она не знает вовсе.

Дом Прадхана находился в районе Калимпонга, который Лола никогда до этого не посещала. Вдоль стены, в расколотом вдоль и заполненном землей стволе бамбука растут всякие пустынные суккуленты, колючие кактусы. Они же и в многочисленных жестянках, черепках и пластиковых коробках. В комнате полно мужчин, стоящих и сидящих на складных стульях, как в приемной врача. Чувствуется, что она им мешает, она их раздражает, что они от нее хотят избавиться. Перед Лолой какой-то торгаш марвари, желаю-

щий провезти свой товар: молитвенные лампы и иную религиозную дрянь. Интересно, что всякими тибетскими колокольчиками, лампами, шмотками торгуют исключительно марвари.

Этого пропустили к Прадхану чуть ли не с почетом, и он сразу рассыпался в цветастых любезностях, что-то типа «свет очей моих»: «Многоуважаемый сэр… безмерное почтение… славные достижения… да пребудет на вас благословение небес…» Весь его словесный бисер оказался, однако, втоптанным в грязь:

— Никаких исключений.

Очередь Лолы.

— Сэр, на мою собственность посягнули…

— Что за собственность?

— Имение «Мон ами».

— Что за название?

— Французское название.

— Я и не знал, что живу во Франции. Почему же я не говорю по-французски?

Он хотел выгнать ее сразу, но она уже развернула карты и предъявила документы на владение.

— Мне надо где-то размещать людей!

— Но наша земля…

— Вдоль дороги земля правительства, и эту землю мы занимаем.

Хижины, появившиеся на их участке, населяли мужчины, женщины, дети, свиньи, козы, собаки, куры, коты, коровы. Нетрудно предположить, что через год бамбуковые стены уступят место кирпичным и бетонным.

— Но наша земля…

— Вы использовали ее?

— Там наш огород.

— Устройте огород в другом месте. Рядом с домом.

— Они подрывают склон, могут вызвать оползень, — решилась она на иной ход. — Им самим угрожает опасность.

— Оползень? Они не строят хоромы вроде ваших, тетушка. Они живут в бамбуковых хижинах. Скорее ваш дворец вызовет оползень. Толстые стены, камень, бетон… Вы богатая женщина? Дом, сад, слуги…

На его физиономии появилась улыбка.

— Как вы можете понять, я раджа Калимпонга. Раджа может иметь несколько жен. — Он мотнул головой назад, в сторону занавеса, отделяющего помещение от кухни. У меня их четыре, но я могу предложить вам, дорогая тетушка, стать пятой.

Он откинул голову назад и оглядел Лолу с головы до пят. Присутствующие дружно, как по

команде, заржали. Он знал, в какой момент кинуть им кость, в какой продемонстрировать силу, в какой — строгость. Лола чуть ли не впервые в жизни оказалась презираемым существом, объектом жестокой насмешки.

— А так как в вашем возрасте вы не сможете подарить мне сына, я вправе ожидать от вас богатого приданого. Смотреть-то у вас не на что, ни спереди, — он похлопал себя по рубахе, — ни сзади. — Он привстал, повернул к ней зад и похлопал себя по штанам. — У меня и то больше.

Они проводили Лолу все тем же отлично оркестрованным ржанием.

Как ноги вынесли ее? Она благодарила их всю оставшуюся жизнь.

— Дур-р-ра! — рычали ей вслед.

Смеющиеся женщины выглядывали из окошка.

— Глянь на ее морду! — взвизгнула одна из них.

Красивые молодые женщины, шелковистые волосы, кольца в изящных носиках.

*

«Мон ами» встретил ее как мирный голубок с розочками в клювике.

— Ну как? — встретил ее Нона. — Пустили тебя к нему?

Лола ничего не ответила. Она прошла в туалет и заперлась в нем.

«Джойдип! — раздался безмолвный вопль в ее голове. — Джойдип! Посмотри, что ты наделал, бестолочь! — Рот ее корчился, губы извивались, искаженные стыдом пережитого. — Посмотри, во что ты меня вверг! Изверг! Твои идиотские идеи! А я расхлебывай, я страдай, я унижайся!»

Уехать — тогда дом займет армия. Или дикие поселенцы займут, еще хуже. И все пойдет прахом. Покупался этот участок в расчете на тихую старость, за чтением у огонька… кот мурлычет… тишина… покой…

*

Тишина и покой в водопроводных трубах. Она отвернула кран — ни капли. С силой, резким движением, как будто свернув ему шею, завернула обратно.

Кретин! Как будто нельзя было купить дом в Калькутте! Нет. Нет-нет, только не Джойдип. Ах, романтика дальних стран, вдали от города большого… Большие сапоги, большой бинокль… Большая книга по орнитологии. Йейтс, Рильке на

немецком, Мандельштам на русском… Неизменный «Талискер» и неизменные носки от Барбери, память об отпуске в Шотландии: гольф, копченый лосось, виски. Джойдип… Его джентльменский шарм… Мир под ногами… Ходячая карикатура! Осел!!!

Но тут внезапно она обмякла.

Твои прекрасные глаза так глубоки…

Он целовал ее глаза, отправляясь к своим скучным скоросшивателям…

Но нарушать мне обещание не с руки…

Сначала один глаз, потом другой…

И тропы наши друг от друга далеки…

Они улыбались друг другу.

И по сей день пробуждалась в ней та любовь, которую он смог разбудить чуть ли не в детстве.

«Не бокалы наши звенят, а глаза»! — пел он ей во время свадебного обеда. Свадебное путешествие по Европе…

*

Нони за дверью:

— С тобой все в порядке?

— Нет. Со мной все не в порядке. Уйди.

— Открой, Лола.

— Уйди прочь, иди к своим любимцам-проходимцам.

— Лола, открой.

— Нет!

— Открой немедленно.

— Отвали!

— Лола, я приготовила тебе ром и *нимбу*.

— Сгинь, стерва!

— Лола, ну что поделаешь, под маркой борьбы за законные права всегда творятся беззакония. Во все времена и везде так было и будет.

— Пшла прочь!

— Но если пренебречь зерном здравого смысла в их требованиях, проблемы лишь усугубятся. Горка эксплуатируются…

— Член с яйцами. Твои горка гроша не стоят. Они всегда были наемниками, продажными шкурами. Кинь им кость — и они улыбаются. Ни при чем здравый смысл, ни при чем святые принципы. Да и с каких пор они стали горка? Всегда были гурками, и вдруг… Да и много ли их здесь? Шерпа, кули…

— Английский вариант… Они хотят сменить его на…

— Пошла ты на!.. Какого черта они пишут на английском, если хотят утвердить свой непальский? На кой он им в школах? Сплошь жулье, воры и бандиты, и никакого зерна, кроме как карман набить. И ты это прекрасно знаешь. И все это знают.

— Я так не думаю.

— Ты вообще думать не способна. Вали к ним, обнимайся с ними. Брось свой дом, свой ром и свой «оувалтин». Дешевка и фальшивка!

— И пойду.

— Катись. И после этого катись в ад. К чертям!

— Почему к чертям?

— Потому что ты отступница! Потому что ты преступница! — завопила Лола.

*

Нони отступила от двери туалета. Вернулась на диван, уселась на расшитые драконами подушки. Как они ошибались! Их самолюбие щекотал сам факт проживания в этом экзотическом местечке. Их воображение возбуждали дорожные записки путешественников, возвращавшихся затем из дальних странствий, чтобы за шерри поведать о далеких гималайских королевствах. Экзотика? Если бы! Для них это местечко — центр их все-

ленной, но сестры этого не заметили.

Параллельно существовали Буду, Кесанг, не мучимые сомнениями о путях прогресса цивилизации и утверждения ее на дальних рубежах с помощью электрических фонариков, накомарников, плащей-дождевиков, резиновых грелок, бренди, радио, аптечек первой помощи, складных ножиков и книг о ядовитых змеях.

Нони через силу попыталась улыбнуться. В конце концов, с каждым может такое случиться. Каждый может вдруг увидеть, что центр мироздания стремительно удаляется от его собственного «я».

Глава тридцать девятая

Возможно, кульминацией отношений Саи и Джиана было их первое соприкосновение, бесконечно нежное, едва ощутимое. Саи не забыла его.

Помнила она и жесткий, отстраняющий взгляд Джиана во время демонстрации в Даржилинге.

И после этого что-то принесло его в Чо-Ойю! Он сидел за столом, как будто закованный в цепи. Как будто она преследовала его, догнала, сковала, засунула в клетку.

«Как я могла любить такую мразь?» — спрашивала себя Саи. Ее поцелуй не превратил его в принца. Этот превратился в отвратительную жабу.

— Что ты за человек? — удивлялась она. — Чем объяснить твое поведение?

— Я запутался, — промямлил он. — Я ведь всего лишь человек. Иногда я ошибаюсь. Извини.

Это «извини» взорвало ее.

— Ты человек! Ты ошибаешься! Ты извиняешься! Убийца тоже виляет хвостом и извиняется, но остается убийцей!

Естественно, он снова разозлился. Кто она такая, чтобы его поучать? «Горкаленд для горка! Мы освободительная армия!» Он мученик идеи, последовательный, принципиальный боец.

— Я не обязан это выслушивать! — крикнул он, вскочив и выбегая за дверь.

И Саи заплакала, потому что в его словах была неправедная правда.

*

Измученная военным положением, непрерывно думающая о Джиане, мучимая желанием быть желанной, она все еще надеялась, что он вернется. Она утратила навык одиночества.

С замиранием сердца перечитала «Грозовой перевал», еще раз перечитала последние страницы — Джиан все равно не появился.

*

На ступеньках возник похожий на сучок богомол.

Влез жук с неприлично красным задом.

Следующий — разобранный на части скорпион: вот колонна муравьев несет его ногу, вот появилось жало, а вот и глаз.

Джиан, однако, не появился.

Она отправилась к дядюшке Потти.

— Э-ге-гей! — приветствовал он ее с веранды, как с капитанского мостика.

Но он сразу заметил, что улыбалась Саи лишь из вежливости, и ощутил укол ревности. Не все понимают, что дружба самодостаточна, что она постоянней, верней, легче. Она всегда что-то дает и никогда ничего не отнимает, в отличие от иных, более летучих и горючих эмоций.

Чтобы подбодрить Саи, дядюшка Потти лихо грянул:

Ты наш король!

Ты наш Напо-льйо-он Бр-ре-анди!

Ты наш пароль!

Ты наш Мах-х-ха-ат-ма Г-ге-анди!

И ответный смех Саи тоже звучал как дань вежливости, а не как реакция друга. Конечно, этого следовало ожидать, он и ожидал этого. Он даже постарался дать ей понять, как следует вести себя с этой самой любовью, с ее декором и сутью, с сопряженными с нею печалями и потерями, как сопрячь эмоции с интеллектом, как предпочесть печаль тупому, как коровье мычание, счастью. Давным-давно, студентом

Оксфорда, дядюшка Потти испытал любительское увлечение любовью. Он лазил в словари и энциклопедии, за сигарой и бокалом портвейна перечитал кучу литературы на тему любви, литературы психологической, физиологической, поэтической, порнографической; древнеегипетские любовные письма, тамильскую эротику девятого века; испытал радость преследования и радость ускользания от преследования. Во время практических занятий он нашел чистую любовь в грязнейших закоулках, куда полиция не отваживалась сунуть нос. Он сплетался в объятиях с Луисом и Андре Гильермо и Расулом, Йоханом и Йоши и с элегантной любовью по имени Умберто Сантамария. Некоторые любили его, но он не отвечал им взаимностью, других любит он безумно и безнадежно, но они не желали его видеть. Однако он не стал докучать Саи детализацией опыта своих юных лет.

Вместо этого он принялся скрести пятки, с которых посыпались чешуйки отмершей кожи.

— Как начнешь чесаться, дорогая, так уж не остановишься.

*

Когда Саи в следующий раз появилась в «Мон ами», все смеялись и гадали, радуясь просвету в темные времена.

— Кто этот счастливец? Высокий, бледный и красивый?

— Богатый?

Спасителем Саи выступил счастливый случай в лице обыкновенной простуды. Распухшие глаза и нос, покрасневшее горло спасли от жесткого падения с туго натянутого на головокружительной высоте каната любви. Можно было спрятаться в складки здоровенного мужского носового платка. Лола и Нони захлопотали с медом, лимоном, ромом…

— Ужасно, ужасно, Саи.

Дышать нечем, голова как будто зажата в сапоге инквизиторов.

Дома повар вытащил из аптечки колдрин и «Викс», обмотал ей шею шелковым шарфом, но так и не смог задушить сводящего с ума состояния постоянного ожидания.

Дурная привычка? Сколько можно думать об одном и том же?

«Почему ты так плохо себя ведешь?» — обраща-

лась она к своему сердцу.

Но сердце не умеряло ритма.

«Забвение — необходимое свойство человеческой натуры, — напоминала она ему. — Все куда-то исчезает».

Гигантский кальмар, последний дронт.

Простуда отступила, отменили комендантский час, и Саи отправилась на поиски.

Глава сороковая

На рынке его не оказалось, не было его и в прокатном пункте, где Ринзи и Тин-Тин Дорджи выдавали желающим истертые видеоленты с Брюсом Ли и Джекки Чаном.

— Не-е, не видел, — помотал головой Дава Бхутиа, высунувшись из клубов пара, вздымавшегося из котла кухни Чин Ли.

— Еще не приходил, — сообщил Таши из «Снежного барса».

Таши преобразовал свое бюро путешествий в бильярдный клуб. Стены бильярдного заведения украшали все те же изображения горных пиков и монастырей, те же тибетские сувениры пылились в витринах. Отсутствовали лишь потребители этих сувениров, обычно скорбно покачивавшие головами, сокрушаясь о судьбе Тибета и ликуя при мысли о выгодной покупке: всего двадцать пять долларов за тонкую, просвечивающую нефритовую чашечку! Ради этого не только Тибетом пожертвуешь.

Но о долларах пришлось забыть, пока сойдет и местная валюта. Таит мобилизовал своего

младшего кузена, слюноточивого дурачка, и тот носится между заведением Гомпу и бильярдным столом, таскает бутылки, чтобы патриоты могли напиваться, не отвлекаясь от игры и разговоров о высоких целях освободительного движения. Патриоты настолько увлечены дискуссиями, что иной раз не успевают выскочить поблевать. Отсюда своеобразная атмосфера в помещении.

Саи прошлась по пустынным помещениям колледжа, полюбовалась кучами мертвых мух у окон. На классных досках следы формул. Здесь Джиан учился. Мало ли кто здесь учился! «Сидела бы ты дома!» — одернула она себя.

Она обогнула гору. Отсюда вид на реку Рели, на Бонг-Бусти, где его дом. Два часа пути до этой незнакомой ей части Калимпонга.

Он часто рассказывал ей о доблестных предках-воинах, но почему-то упорно молчал о семье и доме.

Саи миновала несколько церквей: свидетели Иеговы, адвентисты, святые последнего дня, баптисты, мормоны, пятидесятники. Старая англиканская церковь в самом центре города, американские все на окраине. Но денег у них больше, энергии тоже хоть отбавляй. Тактика гибкая, свойские ребята, прилипнут — не стрях-

нешь.

Но никто к ней не прилип. Церкви закрыты. Миссионеры пережидают опасные времена дома, отдыхают и набираются сил, чтобы с этими набранными новыми силами наброситься на измотанное передрягами население.

Далее мимо обработанных участков с посевами и посадками, мимо мелких домишек. От дороги ответвляются тропы, ветвятся в тропинки, виляющие по уступам. Ржавые жестяные кровли, нависшие над бездной клозеты, бамбуковые желоба для поливки, насосы с извивами труб. При солнце вся эта лоскутная неразбериха выглядит живо и даже привлекательно. Множество цветов. В Калимпонге все любят цветы. Но чуть только небо подернется облаками, и на первый план вылезает бедность. Хлынет дождь — все тонет в грязи. Обитатели не вылезают из тесных задымленных лачуг, туда же стремятся спрятаться крысы и змеи. Пьянство, ссоры, драки…

На Саи пахнуло землей и дымом от проходящей мимо женщины с ребенком.

— Не знаете, где живет Джиан?

Женщина указала на дом, напротив которого стояла Саи. Саи опешила.

Мелкое, косое и грязное строение. Стены из

бетона весьма жалкого качества, плохо перемешанного, рябого. К углу прилепились изоляторы электропроводки, провода введены через окна, затянутые стальной штукатурной сеткой. Попанивает прохудившейся канализацией. У ржавой колючей проволоки забора кудахчут куры, орет петух. Вот он хозяйским взглядом смерил своих рабынь, выбрал жертву, накинулся на нее…

Верхний этаж дома недостроен, очевидно, не хватило средств. Торчит арматура, на концы прутьев которой насажены пустые пластиковые бутылки.

И все же это чей-то милый дом, чье-то гнездо. У веранды ноготки и циннии. Входная дверь приоткрыта, на облупленной стене виднеются часы и плакат: златовласое дитя в кружевном чепчике — как раз та пошлая безвкусица, над которой смеются Лола и Нони.

Таких домов тоже немало в округе. Они принадлежат зацепившимся за самый нижний край среднего класса, не имеющим надежды взобраться выше, но зато имеющим вполне ощутимый шанс в любой момент загреметь вниз.

*

Дом не соответствовал облику Джиана, его английскому, его одежде, его образованию. И его будущему. Семья вкладывала все, что получала, в его воспитание, образование, в подготовку к жизни в большом мире. Замужество сестер, обучение младшего брата, вставная челюсть для бабушки — все подождет до лучших времен, когда он оперится, взлетит, когда он что-то вернет близким.

Саи почувствовала стыд. Сначала за него. Сохранил достоинство! Затем за себя. Того не ведая, она оказалась вовлеченной во все это.

Она стояла и смотрела, глазела на подзаборных куриц.

*

Куры — натуральное хозяйство. Свежие яйца и мясо к столу. Пополнение скудного семейного бюджета. Автономное сообщество. Иллюстрация насилия. Петух топчет курицу, курица отчаянно орет и хлопает крыльями.

Насмотрелась? Можно идти?

Дверь открылась шире, из дома вышла девочка лет десяти с кастрюлей, очевидно, чтобы отмыть

ее под краном наружного водопровода.

— Здесь живет Джиан? — вдруг вырвалось у Саи.

Девочка нахмурилась. С чего это вдруг прохожие интересуются ее братом?

— Он мой учитель математики.

Не переставая хмуриться, девочка поставила кастрюлю и вернулась в дом. Петух заметил на дне кастрюли нечто достойное внимания, тотчас прыгнул туда, задрал хвост и принялся что-то выклевывать.

В этот момент вышел Джиан и сразу заметил брезгливость на лице Саи, прежде чем она успела эту брезгливость замаскировать. Джиан вспыхнул. Да как она посмела! Да как… А он еще собирался к ней… Хорошо, что не успел.

Петух выбрался из кастрюли и гордо зашагал в направлении своего гарема. Он единственный здесь сохранял достоинство и величественную невозмутимость. Чувствовалось в нем что-то старинное, колониальное.

*

— Чего тебе?

Жесткий взгляд, праведный гнев… грязный лицемер. Лживая тварь. Такая же вонючая, как

и покосившийся наружный клозет из четырех палок и куска брезента дальше во дворе. Хорошо он на этом фоне смотрится, просится на снимок.

Может, надеялся внедриться в Чо-Ойю, переселиться туда со всем семейством, пользоваться туалетом большего размера, чем вся его хижина. Чо-Ойю, конечно, развалина, но развалина величественная, руины замка. У Чо-Ойю нет будущего, зато есть осязаемое прошлое. Кинематографическое.

Сестра разглядывала их с любопытством.

Саи сказала, что пришла из-за отца Бути.

Да и как не возмущаться вопиющей, махровой несправедливостью! Армейский джип увез отца Бути в аэропорт Силигури, не оставив ему ничего, кроме воспоминаний: овациями встречали его лекции об оазисе швейцарской экономики на склонах Гималаев; его поэму, посвященную корове, опубликовала «Иллюстрейтед уикли»… А вечера на веранде дядюшки Потти, полная луна в небе, как колесо его чудесного сыра!

А теперь он из деятельного преобразователя превратится в обитателя стерильного дома престарелых, из самостоятельной экономической единицы в иждивенца государства.

И дядюшка Потти в приступе пьяной скорби

чувствует, как волны времени сокрушают хрупкую скорлупку бытия.

*

— Вот видишь, что вы наделали!

— Что я наделал? Что я сделал твоему отцу Бути?

— Всё.

— Значит, ради твоего папаши Бути непальцы должны еще двести лет сидеть в рабстве? — Джиан вышел за ворота, выведя за собой Саи.

— О непальцах заботишься? Да отец Бути сделал больше для непальцев, для всех здешних жителей, чем тебе когда-нибудь удастся.

Джиан распалялся все больше:

— Да туда ему и дорога, твоему Бути! Нужны нам здесь швейцарцы! А то у нас своего молока не было!

— Молоко было, а сыра не было.

— И не надо. Мы в Индии живем и без сыра обходились. А без «шоколадных сигар» и подавно.

Саи тоже злилась, ее подмывало вцепиться в эту образину когтями, избить этого самовлюбленного болвана.

— Отец Бути нес сюда цивилизацию.

— Дура! Сыр — это не цивилизация. Цивилиза-

ция — это школы и больницы.

«Дура!» Да как он смеет!

— Он показывал пример. Для застрявших на таком уровне, как ты и твоя семья.

— О да, швейцарские стандарты. Сыр, шоколад, часы… Смотри, как бы кто-нибудь не поджег твой дом, чтобы свести тебя на мой уровень. Д-дура!

Опять «дура»!

— Зачем же ты тогда ешь этот самый сыр? Лицемер! Как жадно жрал тосты с сыром, шоколад лопал… Как свинья заглатывал. И лососятину заморскую, и пирожные…

Джиан вспомнил застолье в Чо-Ойю и невольно захихикал. Гнев забуксовал, застрял, развалился. Осколки полетели в разные стороны, в любовь и ненависть, в склонность к уюту и комфорту и в презрение к повседневности. И сыра с шоколадом, и маслица на патриотизм намазать… любовь возвышающая, романтическая, надрывно-трагическая — и любовь в уютном гнездышке, тишь-гладь и бури-цунами…

*

Саи улыбнулась.

— *Момо?*

Голосом даже просительным.

Гнев вернулся. Нет, не так он собирался завершить этот разговор. Ей не удастся скрутить его в бараний рог, подчинить, заставить унижаться. Он должен проявить себя мужчиной. Суровый тон, величественные жесты…

*

Да, нужно показать себя сильным. Уж очень робким он оказался, очень многого боялся. Герой, бросивший вызов правительству, горевший очистительным огнем, наслаждавшийся унижением сестер из «Мон ами».

Он дрожал, прислушиваясь к разговорам у Гомпу. Много крику, лозунгов всяких… Жечь да грабить давно пора!

Когда Чанг, Бханг, Джиан, Сова и Осел заправили джипы и укатили, не заплатив, Джиан дрожал так же, как и служащий автозаправочной станции. Он жалел, что родители не заперли его дома, ненавидел отца, ненавидел мать, которая чуть ли не с первым его шагом не сводила с него искательного взора, как будто спрашивая разрешения на каждый шаг. Только потому, что он мужчина.

С другой стороны, как можно себя уважать, если ты лишен веры и целеустремленности? Откуда взять гордость и самоуважение?

*

Да, отказ от Саи продвинет его далеко вперед.

Она помогла ему захватить плацдарм, с которого можно успешно атаковать ее и ее мир. Никакого примирения!

— Ты ненавидишь меня во имя того, к чему я не имею никакого отношения, — сказала Саи. — И воображаешь это справедливым.

— Что такое справедливость? Ты имеешь представление, о чем болтаешь? Открой глаза и увидишь, как действует справедливость, вернее, как она бездействует. Ты ведь не ребенок.

— Зато ты, похоже, еще сосунок, знающий, что нашкодил, но слишком трусливый, чтобы в этом признаться. Сосешь пальчик и ждешь, когда мамочка устроит твою свадьбу. В пределах твоего класса.

Трус! Сама-то! Кто на ней женится?

— Ага, был бы храбрый, сидел бы на твоей веранде, жевал бы тосты с сыром.

— Тебе их никто силком в рот не совал. — Она чувствовала, что язык продолжает речь вопреки ее воле, вела себя как вызубрившая роль актриса, покорная сценарию. — Нажрался и тут же нагадил. Наплевал в колодец.

— Дура!

— Не смей называть меня дурой! Только это от тебя и слышу!

Она взмахнула рукой — и его предплечье украсили красные полосы от ее ногтей.

— Это ты навел на нас бандитов, ты рассказал им про ружья, ты, ты, ты!!!

Он отскочил. Вина выплеснулась из глаз, сменилась смущением. Он вел себя как рыба на крючке.

— С ума сошла!

«Ага, попался!» — вспыхнуло в мозгу у Саи. Она снова взмахнула рукой, но Джиан перехватил ее и швырнул Саи в кусты, ударил, пнул ногой.

*

— Джиан, *бхайя!* — испуганно взвизгнула девочка.

Саи пыталась удержаться на ногах.

Оба испуганно обернулись. Сестра Джиана.

— А ну пошла отсюда! — завопил Джиан. — Чтоб я тебя здесь больше не видел! — повернулся он к Саи. О-о-о, теперь родители узнают!

— Вот и хорошо, что ты видела! — завопила Саи. — Расскажи родителям, как твой братец клялся мне в любви, а сам подослал в мой дом

бандитов! Я пойду в полицию, и ему вышибут мозги и переломают все кости! Вот порадуетесь-таки! Х-ха!

Сестра навострила уши, приготовившись слушать дальше, но Джиан схватил ее за косы и уволок в дом. Саи предала его, заставляет его предать других, предать свою семью. Она все подстроила, она шпионила за ним, она заставила его вести себя недостойно. Скорей бы мама показала ему фото его чудесной невесты, со щечками, похожими на наливные яблочки «симла», которая не посмеет рыться в его сознании и которую он будет за это любить.

Вон отсюда эту Саи, отражающую все окружающие ее противоречия, отражающую его собственную персону в таких ужасающих деталях, исключающих всякую возможность отдохновения.

*

Саи двинулась было за братом и сестрой, но одумалась. Ей вдруг стало стыдно. С ума сошла? Хочешь выставить себя на посмешище? Выставить себя обманутой, сгорающей от неразделенной любви дурой? Джиана будут похлопывать по плечу и похваливать. Поматросил и бросил, ай

да парень! Киногерой! Супермен! «Ох и надоела же мне эта дура!» — и гогот собутыльников в кантине Тапа.

*

Она поплелась домой. Туман сгущался, смешивался с дымом, с запахом вареной картошки, с испарениями нищей окраины, запахом домашнего уюта для здешней публики, отвратительным для ее обоняния. Угол зрения сместился. Вернулась жалость к самой себе. Даже крестьяне имеют право на любовь и счастье. Но не она…

*

У веранды стоят двое, задрав головы, глядят на судью и повара.

Женщина ноет:

— Куда податься бедному человеку? Мы всегда страдаем. И *гунда* на нас, и полиция…

— Кто вы такие?

Жена пьяницы, которого схватила полиция по подозрению в ограблении Чо-Ойю. На котором отрабатывались прогрессивные методы дознания. И вот она со свекром притащилась из деревни в шести часах ходьбы, с берега реки Рели.

— Что нам делать? Мы даже не непальцы, лепча мы. Он ни в чем не виноват, а полиция ему глаза испортила, он теперь не видит ничего. А он ни в чем не виноват, он даже и не знал ничегошеньки, на рынке был, как каждый день, все знают, кого хошь спроси… — всхлипывала женщина, поглядывая на свекра, ожидая, что тот к ней присоединится.

Но свекор слишком испуган. Он стоит и молчит, выражение лица скрыто морщинами. Сын его, в редкие промежутки между запоями, работал по ремонту дорог, грузил и разгружал грузовики, разбирал завалы и оползни. Жена тоже работала на дорогах, но сейчас дороги закрыты народно-освободительной армией, нет больше работы…

— Чего вы от меня хотите? Идите в полицию. Полиция вашего мужа арестовала, не я. Я совершенно ни при чем. Уходите.

— Эту женщину нельзя посылать в полицию, — вмешивается повар. — Они ее обидят.

Женщина уже выглядит избитой и изнасилованной. Одета она в какой-то набор грязных тряпок, редкие черные и коричневые зубы торчат в разные стороны. Тяжелые камни искривили спину — обычная женщина горного склона, излюбленный объект фотографирования для

любознательных иностранцев.

— Джордж! Джордж! Какой ужас!..

Муж поворачивается, прицеливается — щелк!

— Готово, радость моя…

— Помогите нам…

Судья вернулся к своим шахматам.

Отрешись от мыслей, или вина и жалость затопят тебя, лишат тебя всего, даже собственного «я». Снова ему напомнили об унижении. Скатерть на столе, насмешки, издевательства подонков…

Индия — неподходящая страна для правосудия. Потому он и в отставку вышел. Свой долг гражданина он выполнил, в полицию сообщил. Все! Остальное не его дело. А этим людям только дай зацепку. Век будешь содержать всю семью, причем семью постоянно растущую. Есть им нечего, муж слепой и ноги сломаны, жена скрюченная и анемичная, но это не помешает ей каждые девять месяцев выбрасывать на свет еще один рот, в который нужно регулярно вводить пищу.

*

Повар вздохнул.

Жена слепого пьяницы и ее свекор повернулись к Саи:

— *Диди…*

Саи отвернулась. Ей-то какое дело… Доброта? А к ней боги добры? В мире правит зло. Зло надо всем и зло для всех.

Наконец они уползли за ворота. Повар выпроводил их, как коров. Они присели на обочине и долго сидели, на что-то надеясь.

Судья вывел Шамку на прогулку. Увидел попрошаек, разозлился всерьез. Почему не ушли? На что надеются?

— Скажи, чтоб сгинули отсюда, не то я полицию вызову.

— *Джао, джао!* — крикнул повар, не выходя за ворота.

Они передвинулись за гребень холма, снова уселись вне поля зрения. Саи заперлась в своей комнате, размышляя о своей горькой судьбе.

Джиан хоть этими идиотскими играми во славу любимой отчизны развлекается, а ей что остается? Она поплакала, собственные слезы вызвали в памяти плачущую женщину у веранды. Сошла вниз.

— Ты дал им что-нибудь?

— Нет.

Они направились к воротам с мешком риса.

— Эй, эй, — позвал повар вполголоса.

Но нечистая пара исчезла.

Глава сорок первая

Небо над Манхэттеном беспокойное. Ветер швыряет в него голубей, сломанные ветки, бумажки и надутые пустые пакеты. Неспокойное небо, неспокойно и на душе у Бижу. Он попытался позвонить на следующий день и еще на следующий, но безуспешно. Линия мертва.

— Ай, что делается! — качает головой мистер Айип. — Никак не уймутся. Выучили их в армии на свою голову…

По Гудзону бегут свинцовые волны. Вверх по течению бегут.

— Ну скажи, а? — голос рядом. — Ну прям Библия, мать ее, а?..

Бижу отодвинулся, но голос не отставал:

— Нет, ты знаешь, как эта река называется по-настоящему, а?

Опухшая от гамбургеров физиономия, редкие волосенки — много таких в городе. Чокнутые интеллигенты, пасущиеся у полок книжных магазинов. Шквал срывает слова с мокрых губ, в уши Бижу попадают лишь их обрывки.

— Мухеакуннук! Мухеакуннук! Река, текущая в

обе стороны! — Он многозначительно поднимает палец. — В обе стороны! Это ее настоящее имя, мать ее…

Вместе со словами с губ срываются капельки слюны. Он наелся своим знанием, десертом потчует Бижу. Но у Бижу нет для реки доброго слова, нет для нее никакого имени. Не его это история.

Далее пришел черед Моби-Дика, мать его. Мертвых китов, мать их. Трупы китов, мать-перемать, на фабрики, их Бога-душу-мать…

— Жир, его мать, китовый… — Возмущение, слюна, воздетый палец. — И бабское белье, блль… его мать… Корсеты!!!

— Не понимать англисску, — орет Бижу и удаляется быстрым шагом.

*

«Не понимать английский» — обычная отговорка для многочисленных сумасшедших, населяющих этот мегаполис. Для торчащих на углах с библейскими буклетами пешек-проповедников.

«САТАНА СОЖЖЕТ ТЕБЯ!!!», «НЕ ТЕРЯЙ НИ МГНОВЕНИЯ!» — орут заголовки.

Однажды Бижу попался в лапы кришнаиту-литовцу. Нью-Йорк — Вильнюс — Вриндаван. Бижу

стыдливо отвел глаза от обложки. Кришна на поле боя. Кричащие тона киноафиши.

Что для них Индия? Что для них оставленные ими собственные страны? Что для них эта страна, которой они тоже не видят?

Но главное для него не они, а он сам.

Бижу вскарабкался по провонявшим мочой ступенькам на улицу. Неверным вечерним светом засветились фонари. Бездомный волок свою сумку на колесиках к решетке подземки. Бижу направился в кафе «Ганди». Ради чего он жил все эти годы? Зачем занимал место в пространстве? Суть его сжалась до микроскопической точки — зато жалость к себе разрослась до пределов необозримых. А стоит ли замечать себя вообще? Бытие и небытие, жизнь и смерть — стоит ли размышлять над всеми этими проблемами?

*

Рядом с кафе «Ганди» открылось туристическое агентство «Шангри-Ла». Его владелец, мистер Каккар, каждый день получал из кафе баранину под карри, *дал*, овощной плов и *кхир.*

— *Арре,* Бижу, — приветствовал его мистер Каккар. — Опять ты спас меня от деликатесов моей заботливой жены, ха-ха. Мы отправим их

в унитаз.

— Может, лучше отдать этому бродяге. — Бижу рад был бы случаю помочь бедолаге и одновременно унизить его подаянием.

— Нет-нет, ни в коем случае! — замахал руками мистер Каккар. — Моя сука-злюка непременно пройдет мимо, как только твой бродяга развернет ее стряпню. Она тут же прикончит сначала его, потом тебя, а после этого и до меня доберется.

Через минуту он отвлекается от суки-злюки и проникновенным тоном обращается к Бижу:

— Ты уверен, что хочешь вернуться? Ой, Бижу, не раскаяться бы тебе! Тридцать лет я в этой стране и забот не знаю… если, конечно, не считать мою суку-злюку. И никогда назад не тянуло. Глянь на их сантехнику, — он ткнул большим пальцем за спину, в сторону туалета. — Им бы на своем флаге унитаз крупно-крупно… символ страны! Как наше крутящееся колесо.

Ой, Бижу, Бижу, не сходи с ума! — заклинает он. — Вернешься — мигом навалятся родственники. Денег! Денег! И совсем чужие тоже. Всем денег! Они тебя достанут. Если не они — бандиты достанут. Если не бандиты — врачи достанут, болезнь придумают. Или вправду заболеешь. Не болезнь, так жара, не жара, так эти чокнутые

сардарджи собьют самолет, прежде чем он приземлится.

Тем временем сикхи во имя своей высокой цели убили Индиру Ганди, правление перешло к Радживу Ганди.

*

— И его достанут. Вопрос времени. — Мистеру Каккару ясен смысл путей прогресса в Индии.

Но Бижу непреклонен:

— Мне надо ехать. Отец…

— Мягкосердечный? Проку от твоего мягкосердечия ни тебе, ни отцу. Мой отец, пока был жив, не уставал мне твердить: «Не возвращайся, ни за что не возвращайся. Держись подальше от этого помойного поля».

Мистер Каккар подцепил шариковой авторучкой кубик льда из стакана диетической колы, всосал его, принялся перекатывать во рту языком.

Он продал Бижу билет на рейс «Галф Эйр» Нью-Йорк — Лондон — Франкфурт — Абу-Даби — Дубай — Бахрейн — Карачи — Дели — Калькутта. Самый дешевый. Небесный автобус, можно сказать.

— Я тебя предупреждал! — И на этом он не остановился: — Знаешь, Бижу, ведь эти какашки-

американцы скупают весь мир. Ты вернешься, а они и там всем владеют. Подумай о детях. Останешься здесь — твой сын будет работать на какую-нибудь американскую компанию за сто тысяч баксов. Уедешь туда — он будет пахать на ту же фирму за жалкую тысячу. Как ты пошлешь его в колледж? Ой, Бижу, зря, зря ты это… Попомни мое слово, Бижу; в ту же минуту, как прибудешь, начнешь думать, как бы оттуда снова смыться.

*

Бижу отправился на Джексон-хайтс и в напоминающем ангар громадном маркете накупил всякой всячины. Телевизор и видеоплеер, фотоаппарат, солнечные очки, бейсбольные кепки с надписями «NYC», «Yankees» и «Пиво холодное — титьки горячие», приемник-кассетник с двухшкальным будильником, водонепроницаемые часы, калькуляторы, электробритву, тостер, зимнюю куртку нейлоновые свитеры, немнущиеся рубашки, пуховик, складной зонтик, японский электронагреватель, набор острых ножей, грелку, «Фиксодент», шафран, кешью, изюм, лосьон, футболки «I love NY» и «Born in USA», виски и, после минутного колебания, добавил флакон духов с романтическим названием «Песня ветра», еще не

представляя для кого.

*

В супермаркете он вспомнил, как играл со сверстниками в родной деревне. Уставал так, что еле до дома добирался. Они швыряли в деревья камни и тапки, сбивали *бер* и *джамун;* гонялись за ящерицами, пока те не жертвовали своими хвостами. Юркие вертящиеся хвостики летели потом в девчонок. Воровали из лавки шарики *чоран* похожие на козьи какашки, но очень вкусные, похрустывающие на зубах. Вспомнил купание в реке, упругие мышцы воды, принимающие его тело; вспомнил, как сидел на камне, следя за течением, болтая ногами в воде и усиленно, до боли в челюстях, пережевывая сладкий сахарный тростник. А крикет! Сам играл, по радио слушал, по телевидению тоже крикет… Улыбнулся, вспомнив знаменательный вечер, когда сгорел деревенский трансформатор и вся деревня собралась у единственного телевизора, подключенного к автомобильному аккумулятору. Индия против Австралии. Прекратились полевые работы по всей стране, проститутки жаловались на отсутствие клиентов — все прилипли к экранам. А *самоса* с подливкой *чатни* на

пальмовом листе вместо тарелки… Место, где он никогда не фотографировался в одиночку.

Школу, учитель которой торговал отметками, он не вспоминал. Не вспоминал крыши, сброшенные ветром, не думал о том, что не только мать, но и бабушка его уже покинула этот мир. Он не вспоминал того, из-за чего он уехал.

Глава сорок вторая

Падкая на лесть и посулы, как и все девицы ее возраста, сестра Джиана все же не смогла удержать в себе переполнявших ее новостей, и к моменту возвращения Джиана все семейство уже оказалось в курсе драматических событий, приукрашенных живой фантазией дрянной девчонки. Услышав о ружьях, даже бабка Джиана вышла из обычного полусонного состояния, прошаркала к газете, свернула ее в трубку и направилась к Джиану. Джиан замер, удивленный ее прытью. Газетная труба взметнулась в воздухе и ударила его по макушке.

— Совсем одурел! Носишься вокруг, об учении думать забыл. В тюрьму хочешь?

Джиан попятился. Информационный рупор догнал его, шмякнул по заднице.

— Волком взвоешь, как хвост прищемят, да поздно будет!

— Да погоди, может, он не виноват, — вступилась мать.

— С чего бы эта девица приперлась сюда, в такую даль? Просто так, для прогулки? С такими

лучше не связываться. Мы люди бедные, бесправные, они нас в два счета стопчут. Вот так, отцу некогда, мать воспитанием совершенно не занимается, — обрадовалась она поводу придраться к невестке. И приняла решительные меры. Заперла внука на замок.

Когда за ним заехали друзья, бабка выползла за дверь.

— Скажи хоть, что я заболел! — взывал Джиан, озабоченный потерей репутации несгибаемого бойца.

— Он заболел. Шибко-шибко болен.

— Что с ним?

— *Татти* бегает, с горшка не слезает, все время *татти.* — Заключенный схватился за голову. Ох, позор-то какой! Вот ржать-то над ним будут… — Должно быть, съел чего-то неподходящего. Хлещет из него, как с неба в дождливый сезон.

— Каждая семья должна выставить мужчину для участия в демонстрации.

Большой марш предстоит, торжественное сожжение Индо-Непальского договора.

— Некого нам выставлять. Хотите, чтоб он вам ваш марш обдристал?

Они поехали дальше, останавливаясь у каждого дома. В соседних домах тоже не было недостатка

в желудочно-кишечных и сердечных больных, а также в подвернутых лодыжках, ревматических болях в спине… даже справки предъявлялись.

— Господин Чаттерджи страдает повышенным давлением, ему предписано не волноваться…

— Пошлите кого-нибудь другого. Не все же у вас больны.

*

Освобожденный от необходимости решать и действовать, Джиан быстро успокоился, ощутил какое-то умиротворение. Как будто вернулся в детство. В конце концов, ничего непоправимого не произошло. Пройдет время, все успокоится, он помирится с Саи. Он ведь неплохой парень. Борьба все же не для него. Зря он полез в политику, вообразил себя спицей колеса истории. У личного счастья меньшие масштабы. Конечно, мало кто признается себе: «Да, я трус». Этот факт следует определенным образом сервировать, маскировать, декорировать. Объяснить стечением обстоятельств. От одного унижения его спасло проявление жестокости к Саи, от другого — искреннее уважение к старой бабушке. Трусость нуждается в толстом слое грима. Любые жизненные принципы следует обосновать.

Времени на размышления много. Он поковырял в пупке, прочистил тупым карандашом заросшие серой уши, проверил слух, прислушавшись к радиомузончику: *«Ча-а-а-анди ра-а-а-ате, пьяр ки ба-а-а-ате…»* Повернулся к приемнику правым ухом, левым… выковырял из носа засохшие сопли, скатал изящный шарик, сам есть не стал, скормил толстой полосатой паучихе, построившей ловчую сеть между столом и стеной. Пожертвовал. Паучиха, не веря своему счастью, обследовала подарок и принялась его уплетать.

Много ли живому существу нужно для довольства и умиротворения? О, безбрежное пространство замкнутого мирка!

И вдруг вспыхнули уши. Зачем он рассказал ребятам о ружьях? Как? И после этого спокойно лежать на кровати? Обуреваемый жаждой деятельности, Джиан вскочил и принялся расхаживать по комнате.

*

Саи мучилась в своей комнате, Джиан, вырванный угрызениями совести из блаженного состояния, переживал в своей, а бумаге с текстом Индо-Непальского договора 1950 года суждено было скорчиться в пламени и превратиться в

газ и пепел.

— Надо кому-то идти, ой надо, — причитал повар после того, как джип патриотов наведался к воротам Чо-Ойю.

— Ну и иди, раз тебе надо, — огрызнулся судья.

Глава сорок третья

27 июля 1986 года. Всю ночь с неба лило, повар молился, чтобы ливень усилился, но к утру дождь прекратился, проклюнулись даже просветы в облаках. Повар полежал в постели, вздохнул, встал, сунул ноги в шлепанцы и пополз в клозет.

Он направился на Мела-граунд вместе со сторожем «железного купца». Под сенью статуи Ганди собралось несколько тысяч человек не только из Калимпонга, но и со всей округи, из соседних городков, деревень и деревушек: Мирик, Пасумбанг, долина Сурени, долина Лабонг, Курсеонг и Пешок, шоссе Мунгпутиста… Демонстранты проследуют торжественным маршем к полицейскому участку, перед которым планировалось сожжение документа.

— Здорово они все сладили, — дипломатично похвалил повар организационные таланты освободителей.

Стояли, чего-то ждали, уж не один час прошел. Наконец, когда солнце уже нещадно припекало макушки, кто-то дунул в судейский свисток и приказал шевелить ногами. Хореографически

взметнулись в воздух *кукри*, глотки завопили привычное: «Джаи Горка!»

— Ну, через часок, глядишь, отмаемся, — с надеждой пробубнил под нос сторож «железного купца».

*

Все протекало гладко, не позавтракавший народ возмечтал о ланче, когда вдруг из-за запертой висячим замком почты в воздух взметнулись камни. Загремели жестяные кровли, закричали раненые.

Кто швырял эти камни — так и осталось неизвестным.

Полиция подослала провокаторов, утверждали патриоты.

Дело рук самих организаторов марша, утверждала полиция. Чтобы оправдать запланированное насилие и подстрекнуть к нему толпу.

Так или иначе, из толпы в тот же момент полетели камни в полицейских, жавшихся возле участка со своими щитами и дубинками. В мгновение ока перебили все стекла здания полиции. Завязалась рукопашная. Пошли в ход бутылки и серпы. Поговаривали, что первые выстрелы раздались из толпы. Кто знает… Полиция утвер-

ждает, что нападающие не были бы столь агрессивны, если бы не были уверены в своей огневой мощи. Принято полагать, что полиция первой открыла огонь. Тринадцать местных парней полегло на месте. Толпа кинулась врассыпную. Но тут же последовала контратака вооруженных демонстрантов. Началось избиение полицейских. Их отрезанные головы насадили на шесты и выставили тут же, перед почтой, где граждане в мирные времена читали полученные письма. Последние несколько шагов обезглавленного тела, фонтан крови из его шеи… Полицейские рвутся в свой дом родной, в участок, но те, кто дежурит внутри, заперлись и никого не впускают. Куда деваться? Стражи порядка бросились кто куда.

Лола и Нони, укрывательницы бунтовщиков, впустили трех полицейских.

— Наша полиция нас бережет! — презрительно кривит губы Лола. — Когда надо, от вас помощи не дождешься, а мы вас спасай!

— Матушка, — лепечет один. — Не выдавайте нас. Мы для вас все сделаем. Мы вам сыновьями будем.

— Ха! Матушка… Смех да и только. А неделю назад…

Бунт в разгаре. Джипы загремели в пропасть,

полыхнули автобусы. Огонь перекинулся на заросли бамбука. Раскаленные пустотелые стволы взрываются со звуком ружейного выстрела.

*

Все бегут, бегают, носятся, догоняют, спасаются. Повар остался один, друга-сторожа он давно потерял. Бежит, аж задыхается. Одолел подъем к Рингкингпонг-роуд, там почувствовал, что ноги подгибаются. Уселся под хоругвями на бамбуковых шестах. За ним викторианская башня уголовного розыска, Галингка, Ташидинг, Морган-хаус. В саду перед Морган-хаусом копошится садовник, не обращая внимания на события дня, отрешенный от жизни.

Внизу огни пожаров, дым, неясные силуэты людей. Над всем маячит Канченджанга, далекая от людских дрязг, неизменная, невозмутимая. Но повар не думает о ней, не знает, останется ли она для него такой же неизменной.

Да и как может что-то остаться тем же самым? После луж крови, разлитых по мостовой. Кровь, выбитые зубы, чьи-то сломанные очки, одинокий тапок…

Все еще дрожа и держась за сердце, повар пробирается домой, прячется в кустах, пропускает

колонну танков. Не на отражение китайской агрессии направляются танки, а усмирять собственное население. Не к этому готовились войска.

Вспомнил картину рыночной площади. Продавцы и покупатели торгуются, ругаются, оскорбляют, да, даже оскорбляют друг друга. Он сам ругает товар, ругает портного, сантехника, пекаря — на всех хватит запаса ругани, всем хватит места на рынке жизни… Выходит, он ошибался. Нет для него больше места в Калимпонге.

И сына он никогда больше не увидит.

Все эти письма, строки, выведенные надеждой… Нет у него сына на этом свете.

Глава сорок четвертая

Террор свирепствовал на склонах. Сезоны сменялись, а лучше не становилось. Зима уступила место весне, миновало лето, снова пошли дожди. Дороги закрыты, действует комендантский час, и никуда из этого безумия не выбраться.

Если ты непалец, но недостаточно рьяный — плохо. Сторожа «железного купца» избили, отволокли в храм Махакала, заставили принести присягу верности правому делу.

Если не непалец — того хуже.

Если ты бенгалец — тебя не узнают на улице знакомые. Не узнают даже бихарцы, тибетцы, лепча, сиккимцы. Бенгальцы — враги, от них держись подальше.

— Сколько лет я уже покупаю яйца в лавчонке через дорогу, — рассказывает Лола, — а тут она, нагло глядя мне в глаза, заявляет, что яиц нет. Я вижу за ней полную корзину. «Они уже проданы!» — говорит.

— Пем-Пем! — восклицает Лола, встретив дочь своей подруги, госпожи Тондап.

Пем-Пем отстраняется от Лолы испуганным,

умоляющим взглядом и ускоряет шаг.

— Мы теперь всем враги, — вздыхает Лола.

На захваченном уступе среди хижин выскочил прыщик крохотного храмика с красным и желтым флажками. Все, припечатано. Теперь никакая полиция, никакое правительство ничего не сможет сделать. Земля пропала. Боги благословили этот бандитизм. И не только здесь. По всему Калимпонгу сыпью выступили гнойнички этой молитвенной маскировки. И без всякой маскировки врезались пираты-поселенцы в водопроводные, электрические и телефонные линии. Груши, которых было в саду «Мон ами» так много, что Лола и Нони кокетливо жаловались: «Ох, надоели эти груши! Грушевый компот, грушевое суфле, грушевое варенье… Сколько можно?» — эти груши исчезли с деревьев в одну ночь. Разграблены грядки, а к выходящим на участок Лоле и Нони несутся со всех ног милые детишки поселенцев, чтобы плюнуть в этих мерзких старух. Кто попадет?

Кесанг укусила одна из собак новых соседей.

— Смотрите за своими собаками, теперь мне ногу лечить надо!

Соседи веселились.

*

Сгорел правительственный санаторий на берегу у моста, где отец Бути сфотографировал злополучную бабочку, горели дома лесников, правительственные здания, сгорел дом племянницы премьер-министра. Переговоры зашли в тупик, и заряды взрывчатки вызвали лавины и оползни. Калимпонг задыхался.

*

Женщины едва отваживались высунуться на улицу. Мужчины дрожали в своих четырех стенах. Патриоты могли схватить кого угодно как полицейского шпика, полиция готова обвинить первого попавшегося в содействии бунтовщикам. Передвигаться на колесах опаснее, чем пешком, машину могут окружить и похитить, хорошо, если без хозяина. Проще пробираться пешком, прыгая в заросли при малейших признаках опасности. Да и заправочные станции все закрылись.

*

Повар пытался найти успокоение в мудрствова-

ниях типа: «Все приходит и все уходит, за плохим последует хорошее», — и подобных. Но эти вечные истины его не убеждали и не утешали. Более того, его переполняла уверенность, что предстоят новые потрясения, еще хуже предыдущих. Бижу… Где его Бижу? Он вздрагивал при каждом звуке.

Снабженческие функции свалились на Саи. Она выискивала лавку с приоткрытой зад ней дверью, где можно было приобрести горстку арахиса и несколько яиц, пытливым взглядом оценивала шансы купить у кого-нибудь из соседей цыпленка.

Основным поставщиком провизии в Чо-Ойю стал огород. Впервые они питались исключительно местной продукцией. *Далда сааг, бхутия дания,* тыквы, *нингро,* сыр *чурби* и бамбуковые побеги: грибы, покрывшие склоны после обильных дождей. Весь Калимпонг питался грибами, наполнившими воздух своим пряным ароматом.

*

Однажды, вернувшись домой с килограммом *атта* и несколькими картофелинами, Саи снова обнаружила перед верандой две жалкие фигуры.

— Сжальтесь, сахиб… — Жена и отец пострадавшего пьяницы.

— Ой-ой, — в ужасе воздел руки повар, — *баап ре,* зачем вы пришли?

Понятно зачем. Они существовали между законом и беззаконием, их мог ограбить любой (хотя что у них отнимешь?), они боялись всех.

*

— Зачем вы пришли? Мы никакого отношения к вашему делу не имеем. Мы вашего мужа не обвиняли. Если бы они нас позвали, мы бы сразу сказали, что это не он. Мы вообще ничего не знали, — убеждал повар. Он все же дал бы им *атта,* но вмешался судья:

— Не давать им ни крошки!

— Сжальтесь, сахиб. Мы не можем жить без еды. Слугами вашими вечными будем. Бог вас наградит…

— Вон!

Снова они сидят за воротами.

— Гони их отсюда!

— *Джао, джао,* — машет рукой повар, хотя и жалеет бедолаг, которым ползти до дома пять-шесть часов.

Они отходят подальше. Следят за собакой. Женщина толкает мужчину локтем:

— Эту собаку можно за большие деньги про-

дать!

Собака самозабвенно внюхивается в крысью нору и не подозревает, что над нею сгущаются тучи.

*

Через несколько дней в Чо-Ойю забыли об этих надоедливых попрошайках.

Они и не напоминали о себе. Появились скромно, в ворота не ломились, поднялись по ущелью *джхора* и затаились в кустах. Собака шныряла по территории, проверяя знакомые запахи, знакомясь с новыми. На запах пришельцев она отреагировать не успела. Двое бросились на нее и сжали крепкими натруженными руками.

Судья принимал ванну, повар сбивал масло. Саи лежала в кровати, ядовито шепча Джиану: «Скотина, воображаешь, буду по тебе рыдать?» Никто ничего не заметил.

Шамку обмотали веревкой и сунули в мешок. Мужчина кинул мешок через плечо, и они удалились тем же путем. Проделали долгий путь, пересекли реку, преодолели склоны, добрались наконец до глухой деревушки вдали от мощеных дорог.

— А вдруг найдут? — беспокоился свекор.

— Так далеко они не пойдут, ехать сейчас не на чем, — резонно возразила женщина. — Они ни имен наших не знают, ни деревни. Они нас ни о чем не спрашивали.

Даже полиция не поинтересовалась, кого она сделала инвалидом. Уж собаку-то искать они точно не станут.

Собака упитанная. Они пощупали ее сквозь мешок. Что-то за нее можно получить.

— А то, может, оставим, щенками торговать будем…

Мечты! Где ж им знать, что к Шамке в свое время пригласили ветеринара, когда она впервые стала привлекать внимание местных хвостатых кавалеров.

— Выпустить?

— Пусть посидит пока. Гавкать начнет…

Глава сорок пятая

«Галф Эйр» ползет, как черепаха, но пассажиры довольны. Макушкой в потолок, носом в колени — они возвращаются домой. В тесноте, да не в обиде.

Хитроу. Все выползают размять ноги. Уголок аэропорта, оставшийся от времен, когда никакой авиации еще не было. Уголок для рейсов Третьего мира, подальше от чистой публики, которая может уютно вытянуть ноги, переключить каналы индивидуального телевизора. Белозубая улыбка, распахнутый компьютер на коленях, сандвич с мудреным именем — даже и не поверишь, что Их Эфемерность клозетом пользуются, что у Них под кожей такая же красная живая кровь, а глаза тоже способны выделять слезы.

Франкфурт. Ночевка в гигантском сарае. Тысяча душ распростерты, как в морге, даже лица прикрыты от резкого света люминесцентных ламп.

Автобус Нью-Йорк — Лондон — Франкфурт— Абу-Даби — Дубай — Бахрейн — Карачи — Дели — Калькутта останавливается, забирает пассажиров в странах Персидского залива. Живо, живо!

Из карманов извлекаются фляжки, плоские бутылки. Пьем из горлышка. На стекле снаружи кристаллики льда. Внутри жарко. Бижу проглотил своего цыпленка с рисом и шпинатом, земляничное мороженое, сполоснул рот, хочет еще.

— Извините, добавки нет, — бросает на ходу стюардесса.

Стюардесс «достают» захмелевшие пассажиры, зовут по именам:

— Шейла! Равена! Кузум! Нандита!

Запах пота перекрывается запахами еды, спиртного, сигарет, все усиливающейся вонью из клозетов.

Бижу подмигивает своему отражению в зеркале туалета. Домой, наконец домой, так и не узнав имя реки, которая течет в обе стороны, не увидев статую Свободы, не посетив музеев и злачных мест, церквей и кладбищ мегаполиса. Над одиноким океаном Бижу решает все забыть и начать жизнь сначала. Купит машину, такси. Немного он скопил. В башмаке, в носке, в трусах спрятаны сбережения. Справится. Будет разъезжать по склонам, божки за ветровым стеклом, гудок с причудливой мелодией. Дом построит прочный, чтобы крышу не сдувало в каждый тайфун. Сно-

ва и снова представлял сцену встречи с отцом, всплакнул даже. Вечером они сядут, выпьют *чанг,* он расскажет хохмы, подслушанные в самолете.

…Сидят это однажды Санта Сингх и Банта Сингх, смотрят в небо, и вдруг — десант из самолетов. Парашютисты посыпались, вскочили в джипы — и нет их.

— *Арре, сала,* вот это жизнь!

И записались они в армию, и вот уже сидят в самолете.

— *Вахе Гуруджи Ка Халса, Вахи Гуруджи Ки Фатех,* — говорит Санта и прыгает.

— *Вахе Гуруджи Ка Халса, Вахи Гуруджи Ки Фатех,* — говорит Банта и прыгает.

— *Арре,* Банта, — говорит Санта, — этот *сала* парашют не раскрылся.

— Ай, Санта, — говорит Банта, — и мой не открывается. Вечно все в этой армии *интезаам!* Вот увидишь, этого *бхенчут* джипа там, внизу, тоже нет как нет.

Глава сорок шестая

Саи сначала не поняла, что за шум за окном.

— Шамка, Шамка, — кричал судья.

Подошло время собачьей трапезы. Повар варил для нее соевые подушечки с тыквой и с бульонным кубиком «Магги». Судья очень переживал по поводу собачьего меню, но что поделаешь, мясо в доме закончилось. Судья отказался от мяса в пользу собаки за себя и за Саи, повар и в лучшие дни мяса не ел. Оставались еще, правда, арахисовое масло да сухое молоко…

Но Шамка не откликалась.

— Шамка, Шамка, Шамочка, кушать. — Судья вышел за ворота, прошелся вдоль дороги.

— Кушать! Шам-Шам-Шам… Шамочка, Шамочка!

Вечер. Сгущаются сумерки, а собаки все нет.

Судья вспомнил про сопливых бандитов, как они с визгом ссыпались с крыльца, когда тявкнула собака. Но Шамка тогда тоже испугалась.

— Шама-Шама-Шама-Шама-Шама!..

Стемнело. Собаки все нет. Вооружившись самым мощным фонарем, судья прочесывает

заросли, прислушивается к завыванию шакалов. Потом неподвижно сидит на веранде, уставившись во тьму. С рассветом ощущает новый прилив энергии, отправляется в домишки *бусти* расспрашивать жителей. Спрашивает молочника, пекаря, которого застал с ведром молочных сухариков, столь любимых Шамкою.

— Нет, не видел я *кутти.*

Судья рассержен этим *кутти,* но не дает воли эмоциям.

Он допросил сантехника, электрика, дошел до глухого портного, автора зимнего наряда Шамки.

Непонимающие лица, насмешки. Некоторые чувствуют себя оскорбленными.

— *Сааля Машут!* До собаки ли тут? Совсем рехнулся! Самим бы не издохнуть!

Судья обратился к госпоже Тондап, к Лоле и Нони, обращался ко всем, кто мог проявить доброту если не к нему, то к собаке. Миссионеров не хватало. Они по долгу службы должны были бы посочувствовать.

Госпожа Тондап:

— Дорогая собака?

Судье в голову не приходило оценивать любимицу в денежных единицах. Однако ее доставили из Калькутты, из питомника рыжих сеттеров. В

сертификате указано: производитель — Сесил, матка — Офелия.

— Ля-ма-ма, украли, украли, — всплеснула руками госпожа Тондап. — Наши собаки, Пинг и Тинг, приехали с нами из Лхасы. Пинг пропал. Его украли как производителя. Хороший доход. На тринадцатой миле его потомки стаями носятся. Потом он удрал, но совершенно изменился, совершенно. — Она указала ка Пинга, печально глядевшего на судью.

Дядюшка Потти:

— Кто-то собирается вас посетить, судья-сахиб. Устраняет помехи. Когда-то Гоббо отравил моего Кутта-Сахиба.

— Но меня только что ограбили.

— Ограбили одни, ограбят и другие.

Афганские принцессы:

— Да, знаете, наша афганская собака, знаете, ее украли нага… Вы знаете, они собак едят. Так, знаете, мы нашим рабам пригрозили… Да-да, знаете, у нас были рабы… Мы пригрозили их убить, знаете, если собаку не найдут. Все равно не нашли, знаете… Досада, знаете…

Лола:

— Мы, индийцы, не любим животных. Для нас кошка, собака — чтобы пнуть, обидеть. Бить,

мучить… И не уймемся, пока не замучим. Тогда наконец чувствуем себя спокойно: цель достигнута.

*

Что он наделал? Он был жесток к ней. Он поместил ее в жестоком, гнусном мире, где выжить невозможно. Горные собаки *бхутия* — тупые свирепые твари, покрытые шрамами. Они могли ее разорвать в клочья. Она могла забежать в заросли ядовитых цветов, белых, как одеяния Папы Римского, испускающих смертельный аромат. Кобры могли ее укусить, муж и жена, живущие на склоне в Чо-Ойю. Бешеные шакалы, неспособные пить, неспособные глотать, мучимые нестерпимой жаждой, могли вырваться из леса… Два года назад они уже принесли эпидемию бешенства в этот город. Бродячих собак истребляли тогда стаями. Судья обеспечил свой любимице прививку, которую не могли позволить себе бедняки. Три тысячи рупий! Целые семьи умирали, не имея таких денег. В моменты просветления они прекрасно представляли, что их ждет. Власти тогда объявили, что вакцины нет в наличии, чтобы предотвратить бунты.

И он воображал, что спас ее.

Вот как наказан он за свою самоуверенность!

Судья направился к шефу управления безопасности, но страсти не прошли мимо этого садовника-философа.

— Многоуважаемый сэр, я сам большой любитель животных, но в эти суровые времена…

Он прекратил курить свой особый вишневый табак. «В эти суровые времена…» Нация в опасности!

Судья не отставал, и чиновник раздраженно вскинул руки.

— Собака! Судья, послушайте себя, что вы такое говорите! Людей убивают… Чрезвычайное положение! В Дели и в Калькутте ломают голову, что делать, как восстановить законность и порядок… Кто-кто, а вы-то должны это понимать!

Судья забрел в полицию. Как нарочно, как раз в это время откуда-то из глубин полицейского участка доносились вопли, сопровождающие активные действия по защите устоев, иллюстрирующие заботу об охране правопорядка. Судья возомнил, что этот спектакль устроен специально для него, чтобы оказать давление и выудить взятку.

Он смерил взглядом полицейских. Они нагло не отвели глаз. Они загоготали.

— Ха-ха-ха! Собака! Ха-ха-ха! Собака?

И тут же рассердились:

— Вам делать нечего? Нам, по-вашему, делать нечего? Собака!!! Уходите.

Может быть, им известно имя человека, задержанного по подозрению в ограблении Чо-Ойю? Где он живет?

— Какого человека?

Обвиненного в краже оружия… У него нет претензий к полиции, но жена и свекор этого человека приходили к нему…

Не было такого человека, никого они не задерживали. Судья по-иному воспринял вопли допрашиваемого и поспешил удалиться.

*

Судья не мог придумать для человечества достаточно жестокого наказания. Человек ни в коей мере не равен животному. Человек — вонючая тварь, испорченная, развращенная, а это существо жило на земле, не причиняя никому вреда. «Смерти мы достойны». Судья дрожал, вибрировал.

*

Мир потерял Шамку. Мир потерял красоту, потерял всякую привлекательность. И Шамка страдала, потеряв этот мир.

Судья потерял свой лоск, обаяние, влияние. Огрызки вежливости, «сэр-сахиб-*хузур*», но он понимал, что о нем думают. Вспомнились годы службы, ушедшее влияние, увядшее под действием мизантропии и цинизма.

— Шам-Шам-Шам… Шамашка-барашка-милашка… Шама-Шама-Шама… Кашка-растеряшка… Котлетка-конфетка…

Судья звал свою любовь, тряс поводком, звякал цепочкой, ожидая, что вот сейчас она вырвется из кустов, бросится к нему… Он вспоминал, как кормил ее, как она носилась по саду, как они грелись в постели…

*

Сумерки. Патруль проверяет соблюдение комендантского часа.

— Вернитесь, сэр, — требует солдат.

— Уйди с дороги! — строго приказывает судья, напирая на британский акцент. Но солдат не

отстает, и судье приходится вернуться домой, изображая пристойную неспешность.

Судья удаляется, мурлыча под нос ласковую песенку, осыпая любимицу шутливыми прозвищами.

Солдат сопровождает его до ворот, дивится услышанному, вечером, в коммунальной казарме для женатых военнослужащих, делится впечатлениями с женой. Странные вещи творятся на свете!

— Что такое? — живо реагирует молодая, все еще очарованная канализацией и кухней нового жилища, чутко воспринимающая все новое.

— Да эти старые маразматики и их питомцы… собачки…

Они почти тут же забыли о судье и об этом обмене репликами, потому что армия все еще снабжается неплохо, и жена сообщила, что им дали столько сливочного масла, что хватит и семейству, хотя это, конечно, и не разрешено. И что бройлеры-то обычно чуть за полкило и уж никак не больше килограмма, а их снабжают полуторакилограммовыми — никак снабженцы в них воду впрыскивают, чтобы вес нагнать.

Глава сорок седьмая

Получившая подкрепления полиция гоняется за парнями из фронта освобождения, прочесывает отдаленные деревушки, искореняет поддержку Горкаленда в среде марксистов и членов Конгресса. Она прочесывает чайные плантации, управляющие которых отбыли в Калькутту.

Те, за кем охотится полиция, ночуют тем временем в домах, не вызывающих подозрений. У врачихи, у Лолы и Нони, у афганских принцесс, в домах отставных чиновников. Там, где их не ищут.

*

Идут разговоры об оживленном движении через границы Непала и Сиккима, об отслуживших в армии, тренирующих повстанцев, обучающих стрелять и взрывать мосты. Но большинство участников движения — едва оперившиеся сосунки, с головой, забитой Рэмбо, кунг-фу и карате-до, с шиком раскатывающие на украденных мотоциклах, украденных джипах. Напялив маски, они перелезают через ограды. Без зазрения сове-

сти обирают случайных прохожих. В карманах деньги и пушки, они — киногерои. Следующие фильмы — о них!

Деревья возле рынка увешаны частями тел врагов. Чьих врагов? Под шумок сводятся личные счеты, оживают семейные вендетты. Из полиции постоянно доносятся вопли, но бутылка «Черной метки» может спасти вашу жизнь. На бамбуковых носилках бегом несут к врачу мужчину с располосованным животом, из канализации вытаскивают труп, изрезанный ножами…

Кошмарная жестокость — а что в ней необычного? Отрыв от повседневности, в которой самым выдающимся событием является потеря носка… И куда он запропастился?.. В которой и дрязги между соседями давно позабыты… Что ж, жестокость стала повседневностью, проявилась в борьбе прошлого и настоящего, справедливости и несправедливости и иных не менее мифологических понятий. Ненависть, в конце концов, штука по вседневная, банальнейшая донельзя.

Глава сорок восьмая

После Дели «Галф Эйр» прибыл наконец в калькуттский аэропорт Дам-Дам. Бижу вспомнил характерный запах дезинфекции, распространяемый тряпкой уборщицы. Первая достопримечательность города. Уборщица талантливо вызывает у натолкнувшегося на нее взглядом одновременно жалость и раздражение. Как и очень многое в этой стране.

У конвейера получения багажа скопление обеспокоенных пассажиров. Совпали несколько рейсов прибытия, естественно, путаница, естественно, потеря багажа. Толпа сплошь из индийцев. Разного вида индийцы, прибывшие из разных концов света, отбывающие в разные концы Индии. Обтесавшиеся на западный манер и традиционалисты, посещавшие свои храмы там, куда их закинула судьба. Парень из Бхангры в мешковатых штанах и с кольцом в ухе и хиппи, пораженный вниманием одержимых восточными культами западных фанов. Заработавшие миллионы компьютерные спецы. Таксисты, уборщики, бизнесмены. Индийцы, постоянно жи-

вущие за границей, индийцы-туристы, индийцы — челноки с «зелеными картами». Индийский студент в сопровождении яркой блондинки, напряженно старающийся казаться естественным и раскованным. «Любовь не знает цвета кожи». «Сердцу не прикажешь…»

Неподалеку две юные индианки корчат рожи.

— Ради «зеленой карты» на любую лошадь набросятся. А она и выглядит как лошадь.

— Наши женщины — самые красивые в мире, — утешает их какой-то индус. Или пытается убедить себя.

— Да, наши женщины лучшие в мире, — соглашается какая-то женщина. — Зато наши мужчины во всем мире самые *гадха.*

— *Дади амма! Дади амма!* — кричат какой-то старухе с подобранным для скорости сари.

Старуха быстро перебирает волосатыми ногами в спустившихся носках, толкает перед собой багажную тележку, пихая и царапая встречных по лодыжкам.

Два человека с недовольными физиономиями, оба с рейса «Эр Франс».

— Откуда?

— Огайо.

— Коламбус?

— Нет, подальше.

— Где?

— Малый городок, не слышал, наверное.

— Какой?

— Париж, Огайо. А ты?

— Южная Дакота.

Лицо просветлело.

— Каждый раз одно и то же. Летишь, думаешь, хоть что-то изменилось. Прилетаешь — все по-прежнему.

— Да, что поделаешь, — качает головой другой. — Не хочет эта страна развиваться, не заставишь.

Оба ждут свои чемоданы. Чемоданов нет как нет. Багаж задерживается, и до Бижу донесся разговор на повышенных тонах от стойки «Эр Франс». Там пассажиры заполняют бланки потери багажа.

— Компенсация только иностранцам и индусам, живущим за границей. Несправедливость!

— Инструкция «Эр Франс», сэр, — объясняет дежурный клерк. — Иностранцам нужны деньги на гостиницу…

— А мне не нужны! — возмущается женщина. — Моя семья живет в Джалпаигури! Что я, дома переночую, что ли? Мы платили за билет

столько же, сколько и остальные. Иностранцам компенсация, а индийцам кукиш. Это позор! Это несправедливо!

— Инструкция «Эр Франс», мадам.

Слова «Париж», «Европа» призваны вызвать безмерное почтение, заверить в неподкупности и заткнуть рот оппонентам.

— А я должна отправляться в Джалпаигури в грязном белье! — возмущается женщина. — От меня уже несет так, что самой противно! — Она морщит нос, чтобы показать, как ей противен собственный запах.

*

Неиндийские индийцы выставляют свои «зеленые карты» и паспорта, выглядят цивильно. Так заведено. У них больше денег, значит, они должны получить деньги. Они спокойно стоят в очереди. К чему буянить и волноваться, все улажено. Они уже предвкушают рейс по магазинам.

— Лавки *ке лийе дженджже, бхель пури хенджже…* Доллары *каменджже, пам-пам-пам.* Всего восемь рупий портной, только двадцать два цента! — на ходу переводят они цены. Цены — в доллары, чаевые — в местную валюту.

— Полторы тысячи рупий! Он с ума сошел?

Хватит с него сотни, и того слишком много.

Калькуттская сестра встречает чикагскую сестру, разглагольствующую о том, что она поимеет за свои «далляры». Местная сестра чувствует, как в ней зарождается и быстро растет зерно неугасимой внутрисемейной ненависти.

*

Американские, британские и индийские паспорта все синего цвета, все раскрыты на нужных страницах, чтобы клерки смогли без задержки выказать должное уважение их носителям.

Могут, конечно, случиться и задержки. Служащие авиакомпаний, багажные раздатчики, иммиграционные полицейские, служба безопасности — тоже ведь люди. Завидуют, придираются, тянут…

— Все завидуют нашим «даллярам».

*

— Ладно, выживем, — говорит житель Огайо жителю Южной Дакоты. Оба получили компенсацию, довольны собой, довольны вдвойне. Во-первых, денежки «Эр Франс», во-вторых, мировоззрение не пострадало.

— О-хо-хо, вечная Индия, вечные беспорядки…

Они проходят мимо Бижу, который наконец получил багаж.

— При чем тут Индия, ведь чемоданы-то во Франции застряли? — замечает кто-то.

Но жители американской глубинки слишком ублаготворены собой, чтобы обращать внимание на несерьезные замечания.

Вот они уже и распрощались. Человек из Огайо доволен еще по одной причине. Аргумент в вечном споре с отцом. Отец вовсе им не гордится. Как так? Разве нечем?

Отец считает, что отъезд в Америку вовсе не акт героизма, как все считают, а совсем наоборот. Трусость. Тараканье желание удрать туда, где не знают, что такое бедность, где тебе не надоедают слуги, нищие, бедные родственники, где твоя ответственность ограничивается женой-детьми-собачкой-домом. Отец в своей *курта*-пижаме сидит на диване, ковыряет во рту зубочисткой и скептически поглаживает на сына. Сын злится: зависть, зависть, зависть!

Как-то раз отец приехал к нему в Штаты и там тоже все с ходу оплевал. Дом, видишь ли, велик чрезмерно.

— Зачем? Тебе задницу негде разместить?

Расход воды, расход электричества, отопление, кондиционирование… Полчаса ехать, чтобы хлеба купить! И это здесь называют прогрессом? *Эждум бекаар!*

Попробовал хот-дог.

— Сосиска — дрянь, бумага, промокашка. Булочка — вата, кетчуп — помои. Даже горчицу, и ту умудрились изгадить. Американская мечта! Да в Калькутте и то сосиски лучше.

А вот он папочку потерянным багажом-то и прихлопнет!

*

Бижу шагнул из здания аэропорта в калькуттскую ночь, теплую, как молоко матери. Подошвы погрузились в тончайшую пыль, сердце охватила нежная печаль, невыразимая и почти невыносимая, сладкая, как память о засыпании у материнской груди. Тысячи прохожих, несмотря на поздний час: уже почти одиннадцать. Пара элегантных бородатых козлов в рикше следуют к мяснику. Несколько элегантных козлоликих старцев что-то оживленно обсуждают, покуривают свои *биди.* Ярко освещены купол и минареты мечети. Спешат куда-то женщины в *бурка,* брякают на них браслеты и бусы, ярко освещена

пестрая витрина кондитерской лавки. В воздухе трепещут *рати,* расцвечивая воздух над рестораном, над которым сияет лозунг: «Кушай вкусней — гляди веселей!» Бижу замер, зачарованный, укутанный теплым темным *сари* ночи. Дом, милый, родной дом. Все в Бижу упорядочивается, занимает отведенные природой и здравым смыслом места, неуютное ощущение иностранца, наглый стыд, постыдная наглость исчезают. Никто на него не обращает внимания, он такой же, как все. Впервые за долгое время зрение его не затуманено, он ясно видит то, на что смотрит.

Глава сорок девятая

Судья рухнул на колени. Он молится. Возносит молитвы Богу! Джемубхаи Попатлал, агностик, презревший молитвы семьи, отказавшийся швырнуть кокос с борта «Стратнейвера».

«Верни мне ее, и я признаю Тебя публично и никогда более не отрекусь от Тебя, только верни мне ее…»

Поднялся.

Он презрел свое образование, скатился к предрассудкам, к мелкому копошению в сделках, к азарту игры, ставок…

«Докажи, что Ты существуешь!

А иначе…

Иначе Ты — ничто! Ничто!»

Ночью новые беспокойные мысли.

Отвергнутая вера предков мстит. Он наказан за грехи, неподсудные земным судам. Кем наказан? Разгневанными богами? Чушь. Он не верит в то, что Вселенной есть дело до какой-то несуществующей справедливости. Предрассудки, раздутое самомнение двуногих.

Мысли вернулись к оставленной им семье. К

отцу, который жил надеждой и любовью к сыну. Которому он плюнул в лицо. К жене. Вспомнил, как он ее вернул. Боманбхаи Пател к тому времени уже умер, его резной *хавели* унаследовал дядя — дочери, одни дочери, ни одного сына. Проклятие улетело в небытие.

*

Поводом к изгнанию жены послужил конкретный случай.

Ранним утром у ворот резиденции судьи в Бонда остановился автомобиль, набитый дамами. За рулем активистка Конгресса госпожа Мохан. Они заметили за воротами Ними.

— О, госпожа Пател, вам непременно следует отправиться с нами. Снова нет? Ну нельзя же так… Нужно же иной раз выбираться из дому. Развлечетесь…

Замирая от испуга и восторга. Ними влезла в автомобиль, уселась на колени к какой-то незнакомке. Они направились к вокзалу, машину пришлось остановить, не доехав, так как путь преградила толпа, скандирующая «Бритиш *радж мурдабад!*» Они постояли там, потом поехали куда-то еще, еще в какой-то дом.

Ними вручили тарелку с омлетом и тостом, но

есть не хотелось, к тому же вокруг толклось множество орущих, спорящих, жестикулирующих людей. Она попыталась улыбнуться какому-то ребенку, который заторможенно улыбнулся в ответ, когда она уже отвернулась.

Кто-то объявил, что поезд скоро отправляется, пора на вокзал, и большинство народу бросилось к выходу. Один из оставшихся довез ее до дома.

— Вы участница становления страны, госпожа Пател. Сегодня мы коснулись живой истории. Вы только что видели одного из величайших сынов Индии.

Который из них? Кто знает, она не заметила.

*

Судья вернулся с трофеями: пять куропаток, две перепелки, олень. Строки, украшающие охотничий дневник. Его тут же вызвал окружной уполномоченный и огорошил новостью, что госпожа Пател вошла в комитет по встрече Неру. Она участвовала в приеме в честь прибытия этого лидера Конгресса и яичницей не побрезговала.

Конечно, черная метка в послужном списке Джемубхаи, препятствующая очередному повышению, но не это главное. Репутация! И не только его собственная. Пятно на весь округ, на

репутации самого уполномоченного!

— Дьявол! — Кулак уполномоченного врезается в безвинную столешницу. Звякает бронза чернильного прибора.

— Это невозможно, сэр. Моя жена верна традициям. Она ведет себя весьма сдержанно, вы сами знаете. Даже клуб не посещает. Она фактически за ворота дома не выходит.

— Однако вышла, да еще как вышла! Вот за такими традиционалистками нужен особый присмотр, мистер Пател. Эта робость да застенчивость для отвода глаз хороши. Сомнений никаких, подтверждения получены из разных источников. Надеюсь, мистер Пател, ни один член вашего семейства не допустит в дальнейшем таких необдуманных шагов, пагубных для вашей карьеры. Как ваш друг, я весьма озабочен.

Тоже, друг! Мистер Сингх ненавидит Джемубхаи. Он ненавидит всех гуджаратцев, а в особенности Пателов, этих шакалов, вечно ищущих, где бы что урвать, в точности как и он сам.

Джемубхаи, сжав челюсти, направил машину вдоль канала. Конечно, осведомители их надежны, шпионы везде, но все же не верится…

— Мне так жаль ее было… — нагло улыбается ему в физиономию госпожа Мохан. — Из жалости

я пригласила ее.

— Злой умысел! — припечатывает судья.

— Невинная шалость! — возражает господин Мохан, засовывая в рот политически ушлой жене *митаи.*

Что скажет сама Ними?

*

Судья не повернул лица в сторону вошедшей жены. Он отмерил содовой, не пожалел виски, подхватил когтями серебряных щипчиков кубик льда, бросил в стакан. Лед треснул, задымился.

— Что с тобой? — спросил он, поворачиваясь в ее сторону, не сводя глаз со стакана. Настоящий председательствующий, открывающий серьезный процесс.

Он глотнул виски. Временное онемение пищевода перешло в приятное тепло, разлившееся по телу.

— Что с тобой? — И он принялся загибать пальцы.

— Во-первых, ты деревенщина неотесанная!

Пауза.

— Во-вторых, ты врунья!

Пауза.

— В-третьих, играешь в дурацкие женские

игры!

Пауза.

— В-четвертых, хочешь меня разозлить?

Долгая, очень долгая пауза.

И после паузы как ядовитый плевок:

— В-пятых, или же ты безмерная дура?

Она молчит, он молчит. Ждет.

— Что из перечисленного? Я жду ответа.

Молчание.

— Что? Ты полная дура?

Нет ответа.

— Все перечисленное?

Несмотря на растущий страх, из нее просочился ответ. Она бросила ему вызов, как и в ту ночь с пуховкой из пудреницы. Оба не поверили ушам своим, когда губы ее разжались и оба услышали:

— Сам ты безмерный дурак.

Давно уже его подмывало ее ударить. Он выплеснул ей в лицо виски из стакана, послал вдогонку воду из кувшина, окатил содовой из сифона. Гнев его не угас, и в ход пошли кулаки. Бил он ее, пока не изнемог, на следующий день болели мышцы, болела нога, которой он ее пнул.

— Тупая скотина, грязная сука! — приговаривал он, молотя ее сжавшееся тело.

Весьма оригинально смотрелись на следующее

утро ее синяки на фоне бесстрастного уюта европейского завтрака: шишки яиц в подставочках, шишка на лбу, которым она врезалась в стену. Синяки не проходили неделями. На руках черные пятна от его пальцев.

Гнев судьи с той памятной сцены не ослабевал ни на минуту. Чем тише и сдержаннее вела себя она, тем громче были его крики. Что бы она ни делала — или не делала, — реакция та же. Жившая в нем ненависть нашла объект приложения. Он уже опасался, что убьет эту женщину.

Во всем отличался он осторожностью и предусмотрительностью: в работе, в прическе, в ванне и в туалете. И всерьез начал опасаться, что вся выстроенная им система, вся его карьера рухнет из-за непредусмотренного, бесконтрольного насильственного акта.

*

Весной, когда повсюду шныряли, прыгали, порхали, ползали свежевылупившиеся птенцы, гусеницы, ящерицы, лягушки, судья купил ей билет и отправил в Гуджарат. Не мог дольше выносить ее вида.

— Какой позор! — очнулась от ступора Ними.

Свой позор она бы перенесла. Он с лихвой оку-

пался облегчением, освобождением от гнета, возможностью замкнуться в собственной скорлупе. Позор тяжким бременем ложился на семью.

— Если ты не уедешь, — объяснил он тоном почти что добрым, — то я тебя убью. Я не хочу, чтобы меня обвинили в столь тяжком преступлении, поэтому тебе следует уехать.

Через шесть месяцев он получил телеграмму. Поздравляем, ты стал отцом.

Джемубхаи в тот вечер напился, и отнюдь не от радости. Видеть ребенка он не желал. И так знал, что увидит. Красный пузырь, орущий и сочащийся жидкостями, излучающий жар и раж.

Далеко от Бонда Ними смотрела на свою дочь. Кроха крепко спала. Казалось, в ней уже угадывалась умиротворенность, укоренившаяся в ее характере на всю недолгую жизнь.

*

«Жена твоя отдохнула, поправилась и готова вернуться», — отписал дядюшка из *хавели.* Он ошибочно объяснил приезд Ними заботой мужа о состоянии будущей матери. Часто мужья отсылали жен рожать к заботливым родственникам. Дядя надеялся, что ребенок скрепит родственные узы, ввергнет Джемубхаи в лоно их семьи. Он

теперь влиятельный господин, полезный…

*

Джему отделался письмом и деньгами.

«Неподходящее время. Очень много работы. Школы нет… Постоянно в разъездах…»

Дядя все равно постарался отделаться от племянницы.

— За тебя теперь муж отвечает. Приданое он получил. А если ты его рассердила, прощения попроси, в чем дело…

Дом, милый дом…

Она поселилась у замужней сестры. Муж сестры провожал глазами каждый кусок, исчезавший во рту свояченицы, обшаривал взглядом талию, опасаясь, что она разжиреет на его хлебах.

*

Прибыл отец Джему.

— Ты обесчестил семью. Хорошо еще, Боманбхаи уже умер. Господу хвала. Скандал на весь город.

— О чем ты говоришь? Затхлая мораль деревенских идиотов. Я не могу с ней жить.

— Нельзя было ее отсылать. Ты стал нам чу-

жим.

— В свое время ты меня отослал, а теперь говоришь, что отсылать нельзя. Очень мило.

Его историческая миссия — ввести страну в новый век, но, не порвав связи с населением этой страны, эту миссию выполнить невозможно. В противном случае они не перестанут тыкать его носом в его собственную ложь, в ту ложь, с которой он сросся, в которую он превратился.

*

Отец остался лишь на два дня. Они почти не разговаривали после первой беседы. О чем толковать? Об оставшихся в Пифите Джемубхаи не спрашивал — какой смысл? Он попытался сунуть в руку отъезжавшему отцу деньги, но тот не взял, отвернулся и забрался в автомобиль. Судья хотел что-то сказать, уже открыл было рот, но слов не нашел, водитель нажал на газ, отец уехал на станцию, туда, где Ними, сама того не ведая, повидалась с Неру.

*

Война в Европе, война в Индии, даже в деревнях. Газеты обсасывают новость о разделе страны.

Полмиллиона убитых в ходе волнений, три-четыре миллиона умерших от голода в Бенгале, тринадцать миллионов изгнанных. Рождение нации в кружевах из трупов. А как же иначе.

У судьи дел выше головы. С уходом Британии возник вакуум власти, все индийские служащие взлетели по служебной лестнице, вне зависимости от отношения к движению за независимость, безотносительно к опыту и способностям.

В какой-то неизвестный момент какого-то забытого дня одного из этих смутных лет в Чо-Ойю доставили еще одну телеграмму. До телеграммы о предстоящем прибытии Саи.

Женщина вспыхнула возле плиты.

Э-э-э, чего еще ждать от этой страны, можно завести тут привычный мотив. Страна, где жизнь ничего не стоит, где плиты в домах опасны для жизни, а дешевые сари так легко воспламеняются…

…где так легко довести женщину до самоубийства,

…и никаких свидетелей, без возбуждения дела,

…бытовой несчастный случай, интерес полиции направлен на кучку рупий, меняющих одну потную ладонь на другую потную ладонь.

Полисмен:

— О, благодарю, сэр!

Муж сестры покойницы:

— Не стоит благодарности.

Дело закрыто.

Естественно, судья поверил версии о бытовом несчастном случае.

Пепел покойника легок, тайны хранит, секретов не выдает, плывет, рассеивается, исчезает.

Эти годы для многих слились и размазались, скрылись в тумане. Мир вышел из них изменившимся, мир покрылся прорехами. Во всем прорехи: в семьях, в ландшафте, в мировой истории. Земной шар покрылся множеством безымянных могил. До прошлого ли тут! Хватайся за будущее, кто может и как может!

Джемубхаи уверен: из человеческого сердца можно вылепить что угодно. И забыть можно что угодно, если не хочешь помнить.

*

Убил он жену ради идеалов? Растоптал ее достоинство, опозорил ее семью, опозорил свою семью, унизил всех, до кого дотянулся. Изгадил жизнь жене, обрек дочь на детство в монастырской школе. Облегченно вздохнул, когда узнал о новой ступени абсурдной бесполезности ее

биографии: брак с таким же жалким питомцем сиротского дома.

Не любил он жену, не нравилась ему она.

Вспомнился момент, в который она ему понравилась. Ему двадцать, ей четырнадцать. Пифит, велосипед несется по склону среди коровьих лепешек…

*

Он не признавался в этом самому себе, но когда прибыла Саи, в нем забрезжила надежда на обставленное должным образом, процессуально продуманное погашение долгов.

*

— Шамочка… Любовь моя… Смешная, шаловливая…

Искать, искать, искать…

Ищет Саи, ищет повар.

*

Саи, маскировавшая боль от потери Джиана сначала простудой, затем скучным безумием склонов, нашла в пропаже Шамки новый ка-

муфляж, столь совершенный, что и нужды в камуфляже более не ощущалось. «Шамочка-шавочка, деточка-котлеточка!» — горестно вопила она, упивалась скорбью, оповещала горы о своем несчастье. Упивалась и пейзажем, искала открытые горизонты, но не находила. Несчастье предпочитает замкнутость.

Повар тоже горевал. «Шами-и-и-и, Шамиджи…» — лопотал он, вкладывая в поиски собаки печаль по сыну, тоску по письмам его. Не было больше писем.

Глава пятидесятая

— Не будет автобуса на Калимпонг.

— Почему?

Газет этот малый не читает, что ли? Телевизор не смотрит? Людей не слышит, с луны свалился? Кто этого не знает?

— Значит, все по-прежнему?

— Хуже. Откуда ты, парень?

— Из Америки. Не читал газет…

Сочувствие. Но что оно изменит, сочувствие?

— Стреляют в Калимпонге, *бхаи.* С ума все посходили.

— Но мне очень надо. У меня там отец.

— Никак. Военное положение, на дорогах блокпосты, гвозди разбросаны, масло разлито…

Бижу понуро уселся на свой багаж. Человек в окошечке сжалился:

— Слушай, парень. Иди в Панитунк, там, может, найдешь машину. Только имей в виду, очень это опасно. Придется этих просить, «освободителей».

Четыре дня дожидался Бижу. Наконец джип в Калимпонг.

— Нет места.

Он вытащил бумажник. Зеленые деньги. Авраам Линкольн. «In God we trust…» Патриотам в новинку. Вертят доллары, рассматривают; никогда не видели.

— Но столько багажа мы не возьмем.

Еще доллары. Багаж взгромоздили на крышу, притянули веревками, и джип завилял по узкой горной дороге, по заповеднику, между плакатами «БЕРЕГИТЕ ЖИВОТНЫХ», приколоченными к деревьям. На сердце у Бижу полегчало. Он высовывал голову в окно, проверял, не отвязались ли его чемоданы.

Дорога опасно накренилась к пропасти, прилепившись к крутому склону. Внизу грохотала Тееста, подпрыгивая и пытаясь слизнуть джип с узкого уступа. Смерть совсем рядом, сообразил вдруг Бижу и вцепился в сиденье. Она всегда рядом, но в Америке он, кажется, о ней ни разу не вспомнил.

Машина карабкалась вверх, вокруг метались стаи бабочек. Стоило начаться дождю, как бабочки исчезали. Нет дождя — они снова порхают. Лягушки голосили, не обращая внимания ни на дождь, ни на солнце, ни на облака, сквозь которые иногда пробирался джип. С десяток раз пришлось дожидаться, пока разберут вызванные

оползнями завалы, и каждый раз откуда-то выныривали люди, предлагавшие *момо* в ведерках, разрезанные на треугольники кокосы. Здесь жил его отец, сюда он ездил к нему в гости, здесь отец в простоте своей убедил его уехать в Америку. Если бы отец знал! Оставишь свою семью — и все, уехавшие и оставшиеся вынуждены рваться мыслями в какие-то неведомые дали, думать друг о друге. Насколько лучше не расставаться, существовать воедино!

Глава пятьдесят первая

Изможденный судья заснул. И приснилось ему, что Шамка, любовь его, умерла. Она очнулась, одарила его знакомым взглядом, героически вильнула хвостом и испустила дух.

— Шамочка! — умоляюще прошептал судья, нагибаясь к ней.

— Нет-нет, — убежденно заявил повар, тоже во сне. — Она не дышит.

Повар поднял переднюю лапу Шамки и тут же отпустил ее. Лапа упала не сразу, а опустилась плавно. Наступало трупное окоченение. Повар царапнул собаку ногтями, но она не дернулась.

— Не сметь! — взревел судья, просыпаясь. — Убью!

*

На следующий день, когда повар вернулся в Чо-Ойю после бесплодных поисков, судья повторил обещание:

— Если ты не найдешь ее сейчас же, я тебя УБЬЮ! Хватит. С меня довольно. Ты виноват. Ты должен был следить за ней, пока я принимал

ванну.

Конечно, повар тоже хорошо относился к Шамке. Он баловал ее, выгуливал, готовил ей еду, припасал лакомые кусочки, ласкал, разговаривал с ней. Но все же для него она оставалась животным.

Судья и его повар жили в одном доме, на протяжении многих лет общались друг с другом больше, чем с любыми другими людьми. И остались совершенно чужими.

Собака пропала две недели назад. Если ее укусила змея, она давно издохла. Или умерла от голода, если свалилась с обрыва и не могла передвигаться.

— Немедленно найди ее. НЕМЕДЛЕННО!

— Но, сахиб, я ищу ее. Я все время ищу.

— НАЙДИ. Ты виноват. Иначе УБЬЮ! Увидишь. Ты нарушил долг. Ты не уследил. Как ты посмел? Как ты посмел?!!

Повар подумал, что и в самом деле как-то недоглядел. Наверное, виноват он, раз его обвиняют. Плача, он вернулся в лес, побрел, никуда не глядя. Коль виноват, судьба накажет. Случится еще что-то ужасное.

Саи пустилась на поиски повара.

— Вернись! — кричала она. — Не обращай вни-

мания, он расстроился, с горя дурит!

Судья пил на веранде, убеждая себя, что он в полном своем праве, что у него все основания для такого рода заявлений.

— Конечно прав… И убью!..

— Где ты? — звала Саи, ориентируясь по Млечному Пути, который лепча, как она узнала из книги «Мой исчезающий народ», называли Золунгминг. Мир риса.

— Не нашли? — окликнул ее со своей веранды дядюшка Потти.

— Нет. А теперь и повар пропал.

— Никуда не денется. Выпьешь со мной?

Но она продолжила поиски.

Повар не мог слышать Саи, потому что сидел в набитой битком кантине Тапа. Он горестно поведал о случившемся, но ни в ком не нашел сочувствия. Народ грохнул со смеху. Хоть искра юмора в эти тяжкие времена. Со… Собака! Ой, не могу! Ха-ха-ха! Собака! Люди мрут, никто ухом не ведет. От туберкулеза мрут, от гепатита, от проказы, да от простой простуды дохнут!.. Ни службы, ни работы, ни жратвы… А тут — траур по собаке! Скорбь мировая! Га-га-га-га-га!

— Ничего смешного, — обиделся повар, но тоже посмеялся, довольный, что развеселил народ. Он

тут же ощутил двойной груз вины, повесил нос, завздыхал, слезу пустил. Ох, нарушил он долг свой! Почему не уследил за *кутти!*

Выпущенный из-под домашнего ареста Джиан сидел в уголке. Он не смеялся. Переживал. Черт его за язык дернул рассказать об этих проклятых ружьях… Давило чувство вины. Когда повар вышел, Джиан последовал за ним.

— Я не хожу на уроки из-за этих событий. Как Саи? — пробормотал он.

— Она очень расстроилась из-за собаки. Плачет.

— Скажи ей, что я найду Шамку.

— Да что ты?

— Скажи ей, что я пообещал. Не беспокойся, найду. Убеди ее. Найду и приведу домой.

Убежденность его не имела ничего общего с Шамкой и с его способностью ее найти.

Повар недоверчиво покосился на Джиана, не веря его обещаниям. К тому же и сама Саи не слишком высоко ценила способности своего учителя.

Но Джиан-то в себя верил. В следующий раз, когда он увидит Саи, у него будет для нее припасен подарок.

Глава пятьдесят вторая

Простор! Размах! Громада горы и стекающая по склону россыпь валунов, камней, щебня… Вырванные с корнями деревья. Муравьиная тропа дороги исчезает под завалом. Природа и человек, гора и дорога. Разбирают завалы и ремонтируют дорогу группы горбатых карликов, мужчин и женщин с большими корзинами, ремни которых врезаются в головы носильщиков. Карлики таскают грунт и камень, колотят молотами по клиньям, раскалывают камни, готовят полотно дороги, ее тело, которое затем покроется эпидермисом асфальта. Бижу вспомнил, как отец специально проводил его по свежеуложенному асфальту, чтобы укрепить тонкие подошвы башмаков. Но никто сейчас не копошится у завалов, парням из джипа приходится самим сдвигать валуны, откатывать в сторону стволы деревьев, разгребать лопатами землю. Так преодолели семь завалов. На восьмом джип увяз по самые оси. Вытащили, отъехали назад, поковырялись, разогнались, увязли — и еще, и еще… Разгрузили машину, сняли с крыши багаж — и еще, и еще…

Рычит мотор, воет, надрывается… Вздох облегчения. Целый день они затратили на обычную двухчасовую поездку. Ну теперь уже скоро!

Джип вдруг свернул на узкую дорожку.

— Разве это в Калимпонг?

— Заедем по пути. Небольшой крюк.

Еще час, еще… Еще завал, второй…

*

— Скоро Калимпонг? — беспокоится Бижу. — Дотемна доедем?

— Не волнуйся, *бхаи.* — Остальные явно не волнуются, хотя уже темнеет.

Уже затемно они доехали до каких-то хижин, вкривь и вкось торчащих среди обширных луж. Патриоты выпрыгнули из джипа и разгрузили его, сняв и багаж Бижу.

— Долго еще?

— Приехали. Дальше дойдешь пешком. Вот тропинка.

Бижу похолодел.

— А как же мой багаж?

— Здесь оставишь. На сохранение. — Смеются. — Позже завезем.

— Нет!

— Проваливай!

Он окаменел. Лягушки смеются над ним так же точно, как и тогда, в Нью-Йорке, когда он слышал их в телефонной трубке лучше, чем голос отца. Горы. Лес. Тееста…

— Оглох? *Бхаго!* — Ствол направленной на него винтовки нетерпеливо подергивается.

Бижу поворачивается лицом к тропе.

— Только бумажничек-то оставь. И башмаки тоже.

— Ремешок его мне нравится, — вмешивается другой. — Хорошие вещи в Америке продают.

Бижу отдает бумажник, ремень.

— Башмаки забыл.

Он снял кроссовки. Под стельками деньги.

— И куртку.

Аппетит приходит во время еды. Джинсы и футболка тоже им нравятся.

Бижу дрожит, стоя перед ними в белых трусиках. Собаки со всей деревушки сбежались, привлеченные необычным зрелищем. Покусанные, в шрамах, в язвах, свирепые и побитые, одноглазые и одноухие, наглые и трусливые — модель человеческого сообщества. Глазеют из тьмы и хозяева собак.

— Отпустите меня, — взмолился Бижу.

Один из патриотов дико заржал, содрал с верев-

ки вывешенную на просушку ночную рубашку.

— Куда, куда! — заквохтала какая-то беззубая старуха, очевидно, хозяйка рубашки.

— Замолкни, мы тебе другую купим. Человек из Америки приехал, а ты хочешь отослать его домой голым!

Всеобщее веселье.

И Бижу отпустили.

Он понесся по джунглям, преследуемый собаками, такими же развеселыми, как и их хозяева. Собаки вскоре отстали, вернулись домой. Совсем стемнело. Бижу в изнеможении опустился на толстый древесный корень. Голый, без багажа, лишенный всего, лишенный гордости; самоуважения. Вернулся из Америки беднее, чем отправился туда.

Напялил рубашку. Выцветшие розовые цветы, широченные рукава, рюшечки, оборочки… Долго выискивала хозяйка эту рубашку в куче старья на рынке.

*

Зачем он уехал? Кто его гнал из Америки? Он вспомнил Хариша-Харри:

«Не пройдет колено — возвращайся в Индию… Вылечишься — снова вернешься».

Мистер Каккар предупреждал его: «Попомни мое слово, Бижу; в ту же минуту, как прибудешь, начнешь думать, как бы оттуда снова смыться».

А вот и Саид-Саид при своей вечной улыбке. Последняя встреча с ним.

— Ах, Винсу, какая девушка! К Луфти сестра прихать из Занзибара. Я как увидеть, сразу Луфти сказать: «Ой, Луфти, вот это да-а!»

— Но ты женат.

— Ай, женат, что за беда! Через четыре года «зеленая карта» в кармане, развод, и снова женат. А пока в мечеть. Эта девушка… Она…

Бижу слушает.

Саид задыхается от восторга.

— Она…

Бижу ждет.

— Она чистая! Она пахнуть! И размер четырнадцать! — Саид изображает Ладонями размер своей мечты. — Лучший размер! Я к ней даже не прикасаться. Я себя вести. Купим домик в Нью-Джерси. Я на курсы авиамехаников ходить.

Бижу безутешен. Боится темного леса, боится, что *эти* догонят его и убьют, ужасается тому, что он наделал. Жалеет вещи, купленные в Америке, скорбит о пропавших деньгах. Проснулась и боль в колене, ушибленном на кухне кафе «Ганди».

Глава пятьдесят третья

Лягушки безумствуют и в Чо-Ойю. В *джхора,* в папоротниках, на грядках, в водонапорном баке, поднятом выше деревьев. Уже темно. Повар стучится в дверь судьи.

— Что там еще?

Повар открывает дверь, держится за нее обеими руками. Он пропитан алкоголем. Глаза слезятся, как будто лук резал. После возлияний в кантине Тапа он вернулся домой и приложился к своему *чангу.* Повар прицеливается, делает героическое усилие — цель достигнута! Он рухнул на пол перед кроватью судьи.

— Я п-плохо себя вел, — мямлит он заплетающимся языком. — Побей меня, сахиб.

— Ч-что? — Не менее пьяный судья (виски!) пытается выпрямиться в кровати. — Что?

— Я нехороший человек, — всхлипывает повар, восстав на колени. — Нех-х-хроший. Меня надо наказать, сахиб. Побей меня.

Да как он осмелился!..

Как он осмелился потерять Шамку, как он осмелился не найти Шамку, как он осмелился

заявиться в таком виде и беспокоить судью среди ночи!..

— ДА ТЫ В СВОЕМ УМЕ?

— Сахиб, побей меня.

— Ну, ежели тебе желается…

— Я злой человек, слабый человек. И зачем я только живу на свете?

Судья встает и тут же тяжко оседает на постель. Движение — жизнь. Он шлепает повара по лбу тапком.

— Так?

Повар валится на пол, хватает стопу судьи, плачет.

— Я плохой человек. Прости меня, прости…

— У… уй-йди… Пшел… — Судья пытается вывернуть ногу из хватки повара.

Повар ногу не отдает. На что же он будет лить слезы и сопли? Он обильно орошает ногу сахиба, добавляет слюны. Судья отбивается тапком.

— Сахиб, я еще и пьяница. Плохой я, ой какой плохой!..

Сахиб свирепеет, колотит плохого повара.

— Ой-ой-ой, плохой я, плохой! — причитает повар. — Я виски пил, *чат* пил, я ел господский рис вместо положенного своего, мясо ел, ел из господской кастрюли, обманывал, армейский

спирт воровал, виски, *чанг* делал, деньги крал, пятьдесят лет крал, каждый день, Шамку бил, с ней не гулял, сидел да *биди* курил, думал только о себе, ай-ай-ай, пропала моя голова-уа-уа!..

Судья освирепел. Не впервой.

— Гадина! Грязная свинья, лицемер, скотина, мразь!

— Да, да, верно, верно! — подпевает повар. — Долг господина наказывать нерадивых слуг!

*

Саи слышит вопли, звонкие шлепки тапка, несется на шум.

— Что случилось? Перестань! Прекрати немедленно! Прекрати! — вопит она.

— Пусть, — вопит повар. — Пусть убьет меня. Он ХОЧЕТ убить меня. Не мешай. Зачем мне жить? Лучше умереть. Убей меня, сахиб. Может быть, тебе приятно будет. Мне приятно будет. Убей!

— Убью! Убью!

— Убей, убей.

— УБЬЮ!!!

*

Повар не упомянул про сына. Нет сына. И не

было. Надежда была. Бижу не было.

*

Судья колотил изо всех сил. Колыхались его дряблые, старческие, отвыкшие от всяких упражнений мышцы, летела во все стороны слюна из дряблого, старческого рта, трясся подбородок. Рука с тапком поднималась и опускалась.

*

— Прекратите, прекратите немедленно! Это гадко, мерзко, отвратительно! — кричала Саи.

Но они не слышали.

*

Саи выбежала из дому в чем была, в бетой хлопчатобумажной пижаме. Вынесла с собой пустоту дня, отвращение к повару, к его жалкому бормотанию, ненависть к судье, вынесла свою жалкую эгоистическую печаль, свою жалкую, эгоистическую, бессмысленную любовь…

Звуки преследовали ее, пьяные вопли и шлепки тапка. И все это из-за Шамки?

Где она, Шамка?

Может, воры продали ее какому-нибудь семейству за Курсеонгом, которому до нее дела нет. Они привяжут ее к дереву, будут ее шпынять и пинать.

Сходить, что ли, к дядюшке Потти?

Об отце Бути все уже забыли… Как он на велосипеде пересекает зыбкий висячий мостик, с колесом сыра на багажнике.

А потом снова нагрянут патриоты…

«Не беспокойся, прикрой дверь и иди, ничего со мной не случится».

Когда дядюшка Потти очнется, окажется, что он подписал какую-то бумагу и продал все свое имущество — и ферму отца Бути — каким-то новым владельцам…

*

А госпожа Сен довяжет свитер для Раджива Ганди, свитер, который тот никогда не наденет, свитер, если верить Нони и Лоле, вовсе не подходящий кашмирскому пандиту, судьба которого тесно сплетется с судьбой самки из прайда «Тигров Тамила»…

А Лола и Нони снова учинят ежегодное побоище при помощи ловушек и хлопушек. И Лола совершит очередной паломнический визит в

Лондон, привезет оттуда кучу пакетов с супами «Кнорр», кучу белья «Маркс и Спенсер». Пикси выйдет замуж за англичанина, и Лола задохнется от восторга. «В Англии каждый хочет жену из Индии!»

А Джиан? Где Джиан? Саи не ведает, что Джиан думает о ней.

*

Темно. Пошел дождь, кале часто бывает в августе. Электричество отключили — это случается еще чаще. Умолкли телевизоры и Би-би-си. В домах зажглись керосиновые лампы. Кап, кап, кап… кап-кап-кап — в подставленных под протечки ведрах, кастрюлях, сковородках…

Саи стоит под дождем. Дождь колотит по листьям, судья колотит повара, но дождь смягчает впечатление от безобразной сцены. Лягушки стараются заглушить все на свете, их гимн возносится к вершинам, высоко к Деоло и Сингалила.

*

— К чему все это? — спрашивает Саи, не слыша своих слов. — Чем гордиться? Чего стыдиться? К чему эти терзания, переживания? Стремление

к какому-то счастью… Эгоизм… Недовольство судьбой… Сметь или не сметь? По заслугам или не по заслугам? Смех и слезы… Жизнь, ее цель… множество ее целей, их дробность…

*

Прочь отсюда!

Надо бежать.

Повар, судья…

Дождь, дождь, дождь… Вспухает зелень, вспухают реки… Город сползает в пропасть. Люди копошатся, строят, воюют, природа смывает, люди снова за свое…

Придет утро, судья продерет глаза, схватится за свою шахматную доску, вспомнит о желудке.

— Панна Лал, неси чай.

И чего-нибудь сладенького, и чего-то соленького.

Саи вспомнила об отце и о его космической программе. Вспомнила о «Нэшнл джиографик» и о прочитанных книгах. О путешествиях судьи, о путешествиях повара, о Бижу. О земном шаре, вращающемся вокруг оси.

И ощутила прилив силы.

*

Национальный конгресс лягушек продолжал заседание без перерывов. На востоке забрезжил рассвет. Повар с судьей утихомирились. Судья в изнеможении рухнул в постель. Повар уполз в кухню.

Саи в полусне повернулась, чтобы войти в дом, и краем глаза уловила какое-то движение на склоне. Кто-то карабкается вверх из тумана, окутывающего долину. Движущаяся точка исчезла за деревьями, появилась снова, нырнула в заросли кардамона, появилась опять.

Джиан? А вдруг он сейчас снова заявится и снова заявит, что влюблен…

Кто-нибудь нашедший Шамку спешит за вознаграждением? И вот она снова здесь, толще, чем была…

*

Непонятно, кто же это… Какая-то скрюченная тетка, ногу волочит. Может, мимо пройдет.

Саи вошла в кухню.

— Я тебе чаю вскипячу, — сказала она повару физиономия которого живописно разукрашена

судейским тапком, его рантом и подошвой.

Налила воду в чайник, помучилась с отсыревшей спичкой. Наконец огонь добыт, скомканная газета запылала под щепками.

*

Загремели ворота. Черт, наверняка опять та тетка приперлась, жена пьяницы, сообразила Саи. Опять будет клянчить и канючить.

— Я посмотрю, — прокряхтел повар, поднимаясь и отряхиваясь.

Повар поплелся к воротам, задевая мокрые кусты и папоротники.

За коваными кружевами ворот розовеет ночная рубашка.

— *Питаджи?* — жалостно пищит розовая рубашка.

Облака расступаются, на сцену выходит Канченджанга, как каждое утро этого времени года.

— Бижу… — шепчет повар. — Бижу!!! — вопит он, не веря глазам.

Саи выглядывает на крик и видит, как распахнулись ворота и две нелепые фигуры прыгнули навстречу одна другой.

Пять вершин Канченджанги золотеют, наливаются светом истины — хотя и ненадолго.

Кажется, что истина — вот она, рукой подать.